

НЕКРАСОВ

НЕКРАСОВ

3

Gi

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

основана
М. ГОРЬКИМ

МАЛАЯ СЕРИЯ
ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ

ленинград

1 9 5 6

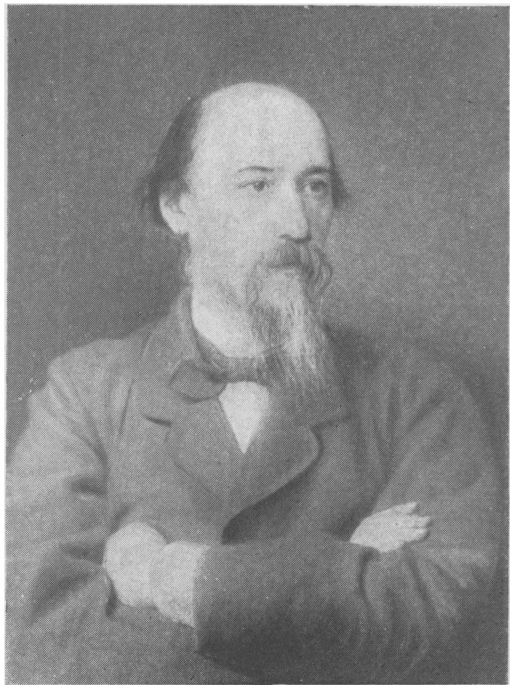
Н. А. НЕКРАСОВ

СТИХОТВОРЕНИЯ

3

*советский
писатель*

Подготовка текста В. П. Друзина
Примечания И. Э. Сермана

**КОМУ НА РУСИ ЖИТЬ
ХОРОШО**

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПРОЛОГ

В каком году — рассчитывай,
В какой земле — угадывай,
На столбовой дороженьке
Сошлись семь мужиков:
Семь временно обязанных,
Подтянутой губернии,
Уезда Терпигорева,
Пустопорожней волости,
Из смежных деревень —
Заплатова, Дырявина,
Разутова, Знобишина,
Горелова, Неелова,
Неурожайка тож.
Сошлись — и заспорили:
Кому живется весело,
Вольготно на Руси?

Роман сказал: помещику,
Демьян сказал: чиновнику,
Лука сказал: попу.
Купчине толстопузому! —

Сказали братья Губины,
Иван и Митродор.
Старик Пахом потужился
И молвил, в землю глядячи:
Вельможному боярину,
Министру государеву.
А Пров сказал: царю...

Мужик что бык: втемяшится
В башку какая блажь,
Колом ее оттудова
Не выбьешь: упираются,
Всяк на своем стоит!
Такой ли спор затеяли,
Что думают прохожие —
Знать, клад нашли ребяташки
И делят меж собой...
По делу всяк по своему
До полдня вышел из дому:
Тот путь держал до кузницы,
Тот шел в село Иваньково
Позвать отца Прокофия
Ребенка окрестить.
Пахом соты медовые
Нес на базар в Великое,
А два братана Губины
Так просто с недоуздочком
Ловить коня упрямого
В свое же стадо шли.
Давно пора бы каждому
Вернуть своей дорогою —
Они рядком идут!

Идут, как будто гонятся
За ними волки серые,
Что дале — то скорей,
Идут — перекоряются!
Кричат — не образумятся!
А времечко не ждет.

За спором не заметили,
Как село солнце красное,
Как вечер наступил.
Наверно б ночку целую
Так шли — куда, не ведая,
Когда б им баба встречная,
Корявая Дурандиха,
Не крикнула: «Почтенные!
Куда вы на ночь глядя
Надумали идти?..»
Спросила, засмеялася,
Хлестнула, ведьма, мерина
И укатила вскачь...

— Куда?.. — Переглянулись
Тут наши мужики,
Стоят, молчат, потупились...
Уж ночь давно сошла,
Зажглися звезды частые
В высоких небесах,
Всплыл месяц, тени черные
Дорогу перерезали
Ретивым ходакам.
Ой тени! тени черные!
Кого вы не нагоните?

Кого не перегоните?
Вас только, тени черные,
Нельзя поймать — обнять!

На лес, на путь-дороженьку
Глядел, молчал Пахом,
Глядел — умом раскидывал
И молвил наконец:

«Ну! леший шутку славную
Над нами подшутил!
Никак ведь мы без малого
Верст тридцать отошли!
Домой теперь ворочаться —
Устали, не дойдем,
Присядем, — делать нечего,
До солнца отдохнем!..»

Свалив беду на лешего,
Под лесом при дороженьке
Уселись мужики.
Зажгли костер, сложились,
За водкой двое сбегали,
А прочие покудова
Стаканчик изготовили,
Бересты понадрав.
Приспела скоро водочка,
Приспела и закусочка —
Пируют мужички!
Косушки по три выпили,
Поели — и заспорили
Опять: кому жить весело,

Вольготно на Руси?
Роман кричит: помещику,
Демьян кричит: чиновнику,
Лука кричит: попу;
Купчине толстопузому, —
Кричат братаны Губины,
Иван и Митродор;
Пахом кричит: светлейшему,
Вельможному боярину,
Министру государеву,
А Пров кричит: царю!

Забрало пуще прежнего
Задорных мужиков,
Ругательски ругаются,
Немудрено, что вцепятся
Друг другу в волоса. . .

Гляди — уж и вцепилися!
Роман тузит Пахомушку,
Демьян тузит Луку.
А два брата Губины
Утюжат Прова дюжего —
И всяк свое кричит!

Проснулось эхо гулкое,
Пошло гулять-погуливать,
Пошло кричать-покрикивать,
Как будто подзадоривать
Упрямых мужиков.
Царю! — направо слышится,
Налево отзывается:

Попу! попу! попу!
Весь лес переполошился,
С летающими птицами,
Зверями быстроногими
И гадами ползущими,
И стон, и рев, и гул!

Всех прежде заяка серенький
Из кустика соседнего
Вдруг выскочил как встрепанный
И наутек пошел!
За ним галчата малые
Вверху березы подняли
Противный, резкий писк.
А тут еще у пеночки
С испугу птенчик крохотный
Из гнездышка упал;
Щебечет, плачет пеночка,
Где птенчик? — не найдет!
Потом кукушка старая
Проснулась и надумала
Кому-то куковать;
Раз десять принималася,
Да всякий раз сбивалася
И начинала вновь...
Кукуй, кукуй, кукушечка!
Заколосится хлеб,
Подавишься ты колосом —
Не будешь куковать! ¹

¹ Кукушка перестает куковать, когда **заколосится хлеб** («подавившись колосом», — говорит народ).

Слетелися семь филинов,
Любуются побоищем
С семи больших дерев,
Хохочут, полуночники!
А их глазищи желтые
Горят, как воску ярого
Четырнадцать свечей!
И ворон, птица умная,
Приспел, сидит на дереве
У самого костра,
Сидит да черту молится,
Чтоб до смерти ухлопали
Которого-нибудь!
Корова с колокольчиком,
Что с вечера отбилася
От стада, чуть слышала
Людские голоса —
Пришла к костру, устала
Глаза на мужиков,
Шальных речей послушала,
И начала, сердечная,
Мычать, мычать, мычать!

Мычит корова глупая,
Пищат галчата малые,
Кричат ребята буйные,
А эхо вторит всем.
Ему одна заботушка —
Честных людей поддразнивать,
Пугать ребят и баб!
Никто его не видывал,
А слышать всякий слышивал,

Без тела — а живет оно,
Без языка — кричит!

Сова — замоскворецкая
Княгиня — тут же мычется,
Летает над крестьянами,
Шарахаясь то о землю,
То о кусты крылом. . .

Сама лисица хитрая
По любопытству бабьему
Подкралась к мужикам,
Послушала, послушала,
И прочь пошла, подумавши:
«И черт их не поймет!»
И вправду: сами спорщики
Едва ли знали, помнили —
О чем они шумят. . .

Намяв бока порядочно
Друг другу, образумились
Крестьяне наконец,
Из лужицы напились,
Умылись, освежились,
Сон начал их кренить. . .

Тем часом птенчик крохотный,
Помалу, по полсаженки,
Низком перелетаючи,
К костру подобрался.
Поймал его Пахомушка,
Поднес к огню, разглядывал
И молвил: «Пташка малая,

А ноготок востер!
Дыхну — с ладони скатишься,
Чихну — в огонь укатишься,
Щелкну — мертва покатишься,
А все ж ты, пташка малая,
Сильнее мужака!
Окрепнут скоро крылышки,
Тю-тю! куда ни вздумаешь,
Туда и полетишь!
Ой ты, пичуга малая!
Отдай свои нам крылышки,
Все царство облетим,
Посмотрим, поразведем,
Поспросим — и дознаемся:
Кому живется счастливо,
Вольготно на Руси?»

— Не надо бы и крылышек,
Кабы нам только хлебушка
По полупуду в день, —
И так бы мы Русь-матушку
Ногами перемеряли! —
Сказал угрюмый Пров.

— Да по ведру бы водочки, —
Прибавили охочие
До водки братья Губины,
Иван и Митродор.

— Да утром бы огурчиков
Соленых по десяточку, —
Шутили мужики.

— А в полдень бы по жбанчику
Холодного кваску.

— А вечером по чайничку
Горячего чайку...

Пока они гуторили,
Вилась, кружилась пеночка
Над ними: все прослушала
И села у костра.
Чивикнула, подпрыгнула
И человечесьим голосом
Пахому говорит:

«Пусти на волю птенчика!
За птенчика за малого
Я выкуп дам большой».

«А что ты дашь?» —
«Дам хлебушка
По полупуду в день,
Дам водки по ведерочку,
Поутру дам огурчиков,
А в полдень квасу кислого,
А вечером чайку!»

«А где, пичуга малая, —
Спросили братья Губины, —
Найдешь вина и хлебушка
Ты на семь мужиков?» —

«Найти — найдете сами вы,
А я, пичуга малая,
Скажу вам, как найти».

«Скажи!» —

«Идите по лесу,
Против столба тридцатого
Прямехонько версту:
Придете на поляночку,
Стоят на той поляночке
Две старые сосны,
Под этими под соснами
Закопана коробочка.
Добудьте вы ее, —
Коробка та волшебная:
В ней скатерть самобранная,
Когда ни пожелаете,
Накормит, напоит!
Тихонько только молвите:
— *Эй, скатерть самобранная!*
Попотчуй мужиков! —
По вашему хотению,
По моему велению
Все явится тотчас.
Теперь — пустите птенчика!»

— Постой! мы люди бедные,
Идем в дорогу дальнюю, —
Ответил ей Пахом. —
Ты, вижу, птица мудрая,
Уважь — одёжу старую
На нас заморози!

— Чтоб армяки мужицкие
Носились, не сносились! —
Потребовал Роман.

— Чтоб липовые лапотки
Служили, не разбились, —
Потребовал Демьян.

— Чтоб вошь, блоха паскудная,
В рубахах не плодилась, —
Потребовал Лука.

— Не прели бы онученьки... —
Потребовали Губины...

А птичка им в ответ:
«Все скатерть самобранная
Чинить, стирать, просушивать
Вам будет... Ну, пусти!..»

Раскрыв ладонь широкою,
Пахом птенца пустил.
Пустил — и птенчик крохотный,
Помалу, по полсаженки,
Низком перелетаючи,
Направился к дуплу.
За ним взвилась пеночка
И на лету прибавила:
«Смотрите, чур, одно!
Съестного сколько вынесет
Утроба — то и спрашивай,

А водки можно требовать
В день ровно по ведру.
Коли вы больше спросите,
И раз и два — исполнится
По вашему желанию,
А в третий быть беде!»

И улетела пеночка
С своим родимым птенчиком,
А мужики гуськом
К дороге потянулись
Искать столба тридцатого.
Нашли! — Молчком идут
Прямехонько, вернехонько
По лесу по дремучему,
Считают каждый шаг.
И как версту отмеряли,
Увидели поляночку —
Стоят на той поляночке
Две старые сосны. . .

Крестьяне покопались,
Достали ту коробочку,
Открыли — и нашли
Ту скатерть самобранную!
Нашли и разом вскрикнули:
«Эй, скатерть самобранная!
Попотчуй мужиков!»

Глядь — скатерть развернулася,
Откудова ни взялися
Две дюжие руки,

Ведро вина поставили,
Горой наклали хлебушка
И спрятались опять.

— А что же нет огурчиков?

— Что нет чайку горячего?

— Что нет кваску холодного?

Все появилось вдруг...

Крестьяне распоясались,
У скатерти уселися,
Пошел тут пир горой!
На радости целуются,
Друг дружке обещаются
Вперед не драться зря,
А с толком дело спорное
По разуму, по-божески,
На чести повести —
В домишки не ворочаться,
Не видеться ни с женами,
Ни с малыми ребятами,
Ни с стариками старыми,
Покуда делу спорному
Решенья не найдут,
Покуда не доведает
Как ни на есть — доподлинно:
Кому живется счастливо,
Вольготно на Руси?

Зарок такой поставивши,
Под утро как убитые
Заснули мужики. . .

Г Л А В А I

П О П

Широкая дороженька,
Березками обставлена,
Далеко протянулася,
Песчана и глуха.
По сторонам дороженьки
Идут холмы пологие
С полями, с сенокосами,
А чаще с неудобною,
Заброшенной землей;
Стоят деревни старые,
Стоят деревни новые,
У речек, у прудов. . .
Леса, луга поемные,
Ручьи и реки русские
Весною хороши.
Но вы, поля весенние!
На ваши всходы бедные
Невесело глядеть!
«Недаром в зиму долгую
(Толкуют наши странники)
Снег каждый день валил.
Пришла весна — сказался снег!
Он смирен до поры:
Летит — молчит, лежит — молчит,

Когда умрет, тогда ревет.
Вода — куда ни глянь!
Поля совсем затоплены,
Навоз возить — дороги нет,
А время уж не раннее —
Подходит месяц май!»
Нелюбо и на старые,
Больней того на новые
Деревни им глядеть.
Ой, избы, избы новые!
Нарядны вы, да строит вас
Не лишняя копеечка,
А кровная беда!..

С утра встречались странникам
Все больше люди малые:
Свой брат крестьянин-лапотник,
Мастеровые, нищие,
Солдаты, ямщики.
У нищих, у солдатиков
Не спрашивали странники,
Как им — легко ли, трудно ли
Живется на Руси?
Солдаты шилом бреются,
Солдаты дымом греются,
Какое счастье тут?..

Уж день клонился к вечеру,
Идут путем-дорогою,
Навстречу едет поп.
Крестьяне сняли шапочки,
Низенько поклонилися,

Повыстроились в ряд
И мерину саврасому
Загородили путь.
Священник поднял голову,
Глядел, глазами спрашивал:
Чего они хотят?

— Небось! мы не грабители! —
Сказал попу Лука.
(Лука — мужик присадистый,
С широкой бородищею,
Упрям, речист и глуп.
Лука похож на мельницу:
Одним не птица мельница,
Что как ни машет крыльями,
Небось, не полетит.)

— Мы мужики степенные,
Из временно обязанных,
Уезда Терпигорева,
Пустопорожней волости,
Окольных деревень —
Заплатова, Дырявина,
Разутова, Знобишина,
Горелова, Неелова,
Неурожайка тож.
Идем по делу важному:
У нас забота есть,
Такая ли заботушка,
Что из домов повыжила,
С работой раздружила нас,
Отбила от еды.

Ты дай нам слово верное
На нашу речь мужицкую
Без смеху и без хитрости,
По совести, по разуму,
По правде отвечать,
Не то с своей заботушкой
К другому мы пойдем. . .

«Даю вам слово верное:
Коли вы дело спросите,
Без смеху и без хитрости,
По правде и по разуму,
Как должно отвечать,
Аминь! . .» —

«Спасибо. Слушай же!

Идя путем-дорогою,
Сошлись мы невзначай,
Сошлись и заспорили:
Кому живется весело,
Вольготно на Руси?
Роман сказал: помещику,
Демьян сказал: чиновнику,
А я сказал: попу.
Купчине толстопузому, —
Сказали братья Губины,
Иван и Митродор.
Пахом сказал: светлейшему,
Вельможному боярину,
Министру государеву.
А Пров сказал: царю. . .

Мужик что бык: втемяшится
В башку какая блажь —
Колом ее оттудова
Не выбьешь: как ни спорили,
Не согласились мы!
Поспоривши — повздорили,
Повздоривши — подрались,
Подравшись — одумали:
Не расходиться врозь,
В домишки не ворочаться,
Не видеться ни с женами,
Ни с малыми ребятами,
Ни с стариками старыми,
Покуда спору нашему
Решенья не найдем,
Покуда не доведем
Как ни на есть — доподлинно:
Кому жить любо-весело,
Вольготно на Руси?
Скажи ж ты нам по-божески:
Сладка ли жизнь поповская?
Ты как — вольготно, счастливо
Живешь, честной отец? ..»

Потупился, задумался,
В тележке сидя, поп
И молвил: «Православные!
Роптать на бога грех,
Несу мой крест с терпением,
Живу... а как? Послушайте!
Скажу вам правду-истину,

А вы крестьянским разумом
Смекайте!» —

«Начинай!» —

«В чем счастье по-вашему?
Покой, богатство, честь?
Не так ли, други милые?»

Они сказали: так...

«Теперь посмотрим, братия,
Каков попу *покой?*
Начать, признаться, надо бы
Почти с рожденья самого,
Как достается грамота
Поповскому сынку,
Какой ценой поповичем
Священство покупается,
Да лучше помолчим!

.
.

Дороги наши трудные,
Приход у нас большой.
Болящий, умирающий,
Рождающийся в мир
Не избирают времени:
В жнитво и в сенокос,
В глухую ночь осеннюю,
Зимой, в морозы лютые,
И в половодье вешнее
Иди — куда зовут!

Идешь безотговорочно.
И пусть бы только косточки
Ломались одни, —
Нет! всякий раз намается,
Переболит душа.
Не верьте, православные,
Привычке есть предел:
Нет сердца, выносящего
Без некоего трепета
Предсмертное хрипение,
Надгробное рыдание,
Сиротскую печаль!
Аминь!.. Теперь подумайте,
Каков попу покой?..»

Крестьяне мало думали.
Дав отдохнуть священнику,
Они с поклоном молвили:
«Что скажешь нам еще?»

«Теперь посмотрим, братия,
Каков попу *почет*?
Задача щекотливая,
Не прогневить бы вас?..

Скажите, православные,
Кого вы называете
Породой жеребьячью?
Чур! отвечать на спрос!
Крестьяне позамялися,
Молчат — и поп молчит...

«С кем встречи вы боитесь,
Идя путем-дорогою?
Чур! отвечать на спрос!»

Кряхтят, переминаются,
Молчат!

«О ком слагаете
Вы сказки балагурные,
И песни непристойные,
И всякую хулу?..

Мать-попадью степенную,
Попову дочь безвинную,
Семинариста всякого —
Как чувствуете вы?

Кому вдогон, злорадствуя,
Кричите: го-го-го?..»

Потупились ребятушки,
Молчат — и поп молчит...
Крестьяне думу думали,
А поп широкой шляпою
В лицо себе помахивал
Да на небо глядел.
Весной, что внуки малые,
С румяным солнцем-дедушкой
Играют облака:
Вот правая сторонушка
Одной сплошной тучею
Покрылась — затуманилась,
Стемнела и заплакала:

Рядами нити серые
Повисли до земли.
А ближе, над крестьянами,
Из небольших, разорванных,
Веселых облачков
Смеется солнце красное,
Как девка из снопов.
Но туча передвинулась,
Поп шляпой накрывается, —
Быть сильному дождю.
А правая сторонushка
Уже светла и радостна,
Там дождь перестает.
Не дождь, там чудо божие:
Там с золотыми нитками
Развешаны мотки...

«Не сами... по родителям
Мы так-то»... — братья Губины
Сказали наконец.
И прочие поддакнули:
«Не сами, по родителям!»
А поп сказал: «Аминь!
Простите, православные!
Не в осужденье ближнего,
А по желанью вашему
Я правду вам сказал.
Таков почет священнику
В крестьянстве. А помещики...»

«Ты мимо их, помещиков!
Известны нам они!»

«Теперь посмотрим, братия,
Откудова *богачество*
Поповское идет? ..
Во время недалекое
Империя российская
Дворянскими усадьбами
Была полным-полна.
И жили там помещики,
Владельцы именитые,
Каких теперь уж нет!
Плодились и множились
И нам давали жить.
Что свадеб там игралось,
Что деток нарождалось
На даровых хлебах!
Хоть часто крутонравные,
Однако доброхотные
То были господа,
Прихода не чуждались:
У нас они венчались,
У нас крестили детушек,
К нам приходили каяться,
Мы отпевали их.
А если и случалось,
Что жил помещик в городе,
Так умирать наверное
В деревню приезжал.
Коли умрет нечаянно,
И тут накажет накрепко
В приходе схоронить.
Глядишь, ко храму сельскому
На колеснице траурной

В шесть лошадей наследники
Покойника везут —
Попу поправка добрая,
Мирянам праздник праздником. . .
А ныне уж не то!
Как племя иудейское,
Рассеялись помещики
По дальней чужеземщине
И по Руси родной.
Теперь уж не до гордости
Лежать в родном владении
Рядком с отцами, с дедами,
Да и владенья многие
Барышникам пошли.
Ой, холеные косточки
Российские, дворянские!
Где вы не позакопаны?
В какой земле вас нет?

Потом статья. . . раскольники. . .
Не грешен, не живился я
С раскольников ничем;
По счастью, нужды не было:
В моем приходе числится
Живущих в православии
Две трети прихожан.
А есть такие волости,
Где сплошь почти раскольники,
Так тут как быть попу?

Все в мире переменчиво,
Прейдет и самый мир. . .

Законы, прежде строгие
К раскольникам, смягчились,
А с ними и поповскому
Доходу мат пришел.
Перевелись помещики,
В усадьбах не живут они
И умирать на старости
Уже не едут к нам.
Богатые помещицы,
Старушки богомольные,
Которые повымерли,
Которые пристроились
Вблизи монастырей.
Никто теперь подрясника
Попу не подарит!
Никто не вышьет вóздухов...
Живи с одних крестьян,
Сбирай мирские гривенки
Да пироги по праздникам,
Да яйца о Святой.
Крестьянин сам нуждается,
И рад бы дал, да нечего...

А то еще не всякому
И мил крестьянский грош.
Угоды наши скудные,
Пески, болота, мхи,
Скотинка ходит впроголодь,
Родится хлеб сам-друг,
А если и раздобрится
Сыра земля-кормилица,
Так новая беда:

Деваться с хлебом некуда!
Припрет нужда, продашь его
За сущую безделицу,
А там — неурожай!
Тогда плати втридорога,
Скотинку продавай.
Молитесь, православные!
Грозит беда великая
И в нынешнем году:
Зима стояла лютая,
Весна стоит дождливая,
Давно бы сеять надобно,
А на полях — вода!
Умялосердись, господи!
Пошли крутую радугу
На наши небеса!¹
(Сняв шляпу, пастырь крестится
И слушатели тож.)

Деревни наши бедные,
А в них крестьяне хворые
Да женщины печальницы,
Кормилицы, поилицы,
Рабыни, богомолицы
И труженицы вечные,
Господь, прибавь им сил!
С таких трудов копейками
Живиться тяжело!
Случается, к недужному
Придешь: не умирающий, —

¹ Крутая радуга — к вёдру, пологая — к дождю.

Страшна семья крестьянская
В тот час, как ей приходится
Кормильца потерять!
Напутствуешь усопшего
И поддержать в оставшихся
По мере сил стараешься
Дух бодр! А тут к тебе
Старуха, мать покойника,
Глядь, тянется с костлявою,
Мозолистой рукой.
Душа переверотится,
Как звякнут в этой рученьке
Два медных пятака!
Конечно, дело чистое —
За требу воздаяние;
Не брать — так нечем жить,
Да слово утешения
Замрет на языке,
И словно как обиженный
Уйдешь домой. . . Аминь. . .»

Покончил речь — и мерина
Хлестнул легонько поп,
Крестьяне расступились,
Низенько поклонились,
Конь медленно побрел.
А шестеро товарищей,
Как будто сговорились,
Накинулись с упреками,
С отборной крупной руганью
На бедного Луку.

— Что, взял? башка упрямая!
Дубина деревенская!
Туда же лезет в спор!
Дворяне колокольные —
Попы живут по-княжески.
Идут под небо самое
Поповы терема,
Гудит попова вотчина —
Колокола горластые —
На целый божий мир.
Три года я, робятушки,
Жил у попа в работниках,
Малина — не житье!
Попова каша — с маслицем,
Попов пирог — с начинкою,
Поповы щи — с снетком!
Жена попова толстая,
Попова дочка белая,
Попова лошадь жирная,
Пчела попова сытая,
Как колокол гудет!
Ну, вот тебе хваленое
Поповское житье!
Чего орал, куражился?
На драку лез, анафема?
Не тем ли думал взять,
Что борода лопатую?
Так с бородой козел
Гулял по свету ранее,
Чем праотец Адам,
А дураком считается
И посейчас козел! . .

Лука стоял, помалчивал,
Боялся, не наклали бы
Товарищи в бока.
Оно бы так и случилось,
Да, к счастью крестьянина,
Дорога позагнулася —
Лицо попово строгое
Явилось на бугре. . .

Г Л А В А II

С Е Л Ь С К А Я Я Р М О Н К А

Недаром наши странники
Поругивали мокрую,
Холодную весну.
Весна нужна крестьянину
И ранняя и дружная,
А тут — хоть волком вой!
Не греет землю солнышко,
И облака дождливые,
Как дойные коровушки,
Идут по небесам.
Согнало снег, а зелени
Ни травки, ни листа!
Вода не убирается,
Земля не одевается
Зеленым ярким бархатом
И, как мертвец без савана,
Лежит под небом пасмурным
Печальна и нага.

Жаль бедного крестьянина,
А пуще жаль скотинушку:
Скормив запасы скудные,
Хозяин хворостиною
Прогнал ее в луга,
А что там взять? Чернехонько!
Лишь на Николу вешнего
Погода поуставилась,
Зеленой свежей травушкой
Полакомился скот.

День жаркий. Под березками
Крестьяне пробираются,
Гуторят меж собой:
«Идем одной деревнею,
Идем другой — пустехонько!
А день сегодня праздничный.
Куда пропал народ? . . .»
Идут селом — на улице
Одни ребята малые,
В домах — старухи старые,
А то и вовсе заперты
Калитки на замок.
Замок — собачка верная:
Не лает, не кусается,
А не пускает в дом!

Прошли село, увидели
В зеленой раме зеркало:
С краями полный пруд.
Над прудом реют ласточки;

Какие-то комарики,
Проворные и тощие,
Вприпрыжку, словно посуху,
Гуляют по воде.
По берегам, в раakitнике,
Коростели скрипят.
На длинном, шатком плотике
С вальком поповна толстая
Стоит, как стог подщипанный,
Подтыкавши подол.
На этом же на плотике
Спит уточка с утятами...
Чу! лошадиный храп!
Крестьяне разом глянули
И над водой увидели
Две головы: мужицкую,
Курчавую и смуглую,
С серьгой (мигало солнышко
На белой той серьге),
Другую — лошадиную
С веревкой сажен в пять.
Мужик берет веревку в рот,
Мужик плывет — и конь плывет,
Мужик заржал — и конь заржал.
Плывут, орут! Под бабою,
Под малыми утятами
Плот ходит ходенем.

Догнал коня — за холку хватя!
Вскочил и на луг выехал
Детина: тело белое,
А шея как смола;

Вода ручьями катится
С коня и седока.

«А что у вас в селении
Ни старого, ни малого,
Как вымер весь народ?» —
«Ушли в село Кузьминское,
Сегодня там и ярмонка
И праздник храмовой». —
«А далеко Кузьминское?» —
«Да будет версты три».

— Пойдем в село Кузьминское.
Посмотрим праздник-ярмонку! —
Решили мужики,
А про себя подумали:
Не там ли он скрывается,
Кто счастливо живет?..

Кузьминское — богатое,
А пуще того — грязное
Торговое село.
По кособогу тянется,
Потом в овраг спускается,
А там опять на горочку —
Как грязи тут не быть?
Две церкви в нем старинные,
Одна старообрядская,
Другая православная,
Дом с надписью: училище,
Пустой, забитый наглухо,
Изба в одно окошечко

С изображением фельдшера,
Пускающего кровь.
Есть грязная гостиница,
Украшенная вывеской
(С большим носатым чайником
Поднос в руках подносчика,
И маленькими чашками,
Как гусыня гусятами,
Тот чайник окружен).
Есть лавки постоянные
В подобие уездного
Гостиного двора...

Пришли на площадь странники:
Товару много всякого,
И видимо-невидимо
Народу! Не потеха ли?
Кажись, нет ходу крестного,
А словно пред иконами
Без шапок мужики.
Такая уж сторонушка!
Гляди, куда деваются
Крестьянские шлыки:
Помимо складу винного,
Харчевни, ресторации,
Десятка штофных лавочек,
Трех постоялых двориков,
Да «ренского погреба»,
Да пары кабаков,
Одиннадцать кабачников
Для праздника поставили
Палатки на селе.

При каждой пять подносчиков;
Подносчики — молодчики
Наметанные, дошлые,
А всё им не поспеть,
Со сдачей не управиться!
Гляди, что протянулося
Крестьянских рук со шляпами,
С платками, с рукавицами.
Ой, жажда православная,
Куда ты велика!
Лишь окатить бы душеньку,
А там добудут шапочки,
Как отойдет базар.

По пьяным по головушкам
Играет солнце вешнее. . .
Хмельно, горласто, празднично,
Пестро, красно кругом!
Штаны на парнях плисовы,
Жилетки полосатые,
Рубахи всех цветов;
На бабах платья красные,
У девок косы с лентами,
Лебедками плывут!
А есть еще затейницы,
Одеты по-столичному —
И ширится и дуется
Подол на обручах!
Заступишь — расфуфырятся!
Вольно же, новомодницы,
Вам снасти рыболовные
Под юбками носить!

На баб нарядных гляючи,
Старообрядка злющая
Товарке говорит:
«Быть голоду! быть голоду!
Дивись, что всходы вымокли,
Что половодье вешнее
Стоит до Петровá!
С тех пор как бабы начали
Рядиться в ситцы красные,
Леса не поднимаются,
А хлеба хоть не сей!» —
«Да чем же ситцы красные
Тут провинились, матушка?
Ума не приложу!» —
«А ситцы те французские —
Собачьей кровью крашены!
Ну... поняла теперь?..»

По конной потолкались,
По взгорью, где навалены
Косули, грабли, бóроны,
Багры, станки тележные,
Ободья, топоры.
Там шла торговля бойкая,
С божбою, с прибаутками,
С здоровым, громким хохотом.
И как не хохотать?
Мужик какой-то крохотный
Ходил, ободья пробовал:
Погнул один — не нравится,
Погнул другой, потужился,

А обод как распрямится —
Щелк по лбу мужика!
Мужик ревет над ободом,
«Вязовою дубиною»
Ругает драчуна.
Другой приехал с разною
Поделкой деревянною —
И вывалил весь воз!
Пьяненок! Ось сломалася,
А стал ее уделывать —
Топор сломал! Раздумался
Мужик над топором,
Бранит его, корит его,
Как будто дело делает:
«Подлец ты, не топор!
Пустую службу, плеваю,
И ту не сослужил.
Всю жизнь свою ты кланялся,
А ласков не бывал!»

Пошли по лавкам странники:
Любуются платочками,
Ивановскими ситцами,
Шлеями, новой обувью —
Издельем кимряков.
У той сапожной лавочки
Опять смеются странники:
Тут башмаки козловые
Дед внучке торговал,
Пять раз про цену спрашивал,
Вертел в руках, оглядывал:
Товар первейший сорт!

«Ну, дядя! два двугривенных
Плати, не то проваливай!» —
Сказал ему купец.
«А ты постой!» Любуется
Старик ботинкой крохотной,
Такую держит речь:
«Мне зять — плевать, и дочь смолчит,
Жена — плевать, пускай ворчит!
А внучку жаль! Повесилась
На шею, егоза:
Купи гостинчик, дедушка,
Купи! — головкой шелковой
Лицо щекочет, ластится,
Целует старика.
Постой, ползунья бóсая!
Постой, юла! Козловые
Ботиночки куплю...
Расхвастался Вавилушка,
И старому и малому
Подарков насулил,
А пропился до грошика!
Как я глаза бесстыжие
Домашним покажу?..
Мне зять — плевать, и дочь смолчит,
Жена — плевать, пускай ворчит!
А внучку жаль!..» Пошел опять
Про внучку! Убивается!..

Народ собрался, слушает,
Не смеючись, жалеючи;
Случись, работой, хлебушком
Ему бы помогли,

А вынуть два двугривенных,
Так сам ни с чем останешься.
Да был тут человек,
Павлуша Веретенников.
(Какого роду-звания,
Не знали мужики,
Однако звали «баринном».
Горазд он был балясничать,
Носил рубаху красную,
Поддевочку суконную,
Смазные сапоги;
Пел складно песни русские
И слушать их любил.
Его видали многие
На постоянных двориках,
В харчевнях, в кабаках.)
Так он Вавилу выручил —
Купил ему ботиночки.
Вавило их схватил
И был таков! — На радости
Спасибо даже барину
Забыл сказать старик,
Зато крестьяне прочие
Так были разутешены,
Так рады, словно каждого
Он подарил рублем!

Была тут также лавочка
С картинами и книгами,
Офени запасались
Своим товаром в ней.
«А генералов надобно?» —

Спросил их купчик-выжига.
«И генералов дай!
Да только ты по совести,
Чтоб были настоящие —
Потолще, погрозней». —
«Чудные! как вы смотрите! —
Сказал купец с усмешкою. —
Тут дело не в комплекции...» —
«А в чем же? шутишь, друг!
Дрянь, что ли, сбыть желательно,
А мы куда с ней денемся?
Шалишь! Перед крестьянином
Все генералы равные,
Как шишки на ели:
Чтобы продать невзрачного,
Попасть на доку надобно,
А толстого да грозного
Я всякому всучу...
Давай больших, осанистых,
Грудь с гору, глаз навывкате,
Да чтобы больше звезд!»
«А статских не желаете?» —
«Ну, вот еще со статскими!»
(Однако взяли — дешево! —
Какого-то сановника
За брюхо с бочку винную
И за семнадцать звезд.)
Купец — со всем почтением,
Что любо, тем и потчует
(С Лубянки — первый вор!),
Спустил по сотне Блюхера,

Архимандрита Фотия,
Разбойника Сипко,
Сбыл книги: «Шут Балакирев»
И «Английский милорд»...
Легли в коробку книжечки,
Пошли гулять портретики
По царству всероссийскому,
Покамест не пристроятся
В крестьянской летней горенке,
На невысокой стеночке...
Черт знает для чего!

Эх! эх! придет ли времечко,
Когда (приди, желанное!..)
Дадут понять крестьянину,
Что розь портрет портретику,
Что книга книге розь?
Когда мужик не Блюхера
И не милорда глупого —
Белинского и Гоголя
С базара понесет?
Ой, люди, люди русские!
Крестьяне православные!
Слыхали ли когда-нибудь
Вы эти имена?
То имена великие,
Носили их, прославили
Заступники народные!
Вот вам бы их портретики
Повесить в ваших горенках,
Их книги прочитать...

«И рад бы в рай, да дверь-то где?» —
Такая речь врывается
В лавчонку неожиданно.
«Тебе какую дверь?» —
«Да в балаган. Чу! музыка!..» —
«Пойдем, я укажу!»

Про балаган прослышавши,
Пошли и наши странники
Послушать, поглазеть.

Комедию с Петрушкой,
С козой с барабанщицей
И не с простой шарманкою,
А с настоящей музыкой
Смотрели тут они.
Комедия немудрая,
Однако и не глупая,
Хожалому, квартальному
Не в бровь, а прямо в глаз!
Шалаш полным-полнехонек,
Народ орешки щелкает,
А то два-три крестьянина
Словечком перекинутся —
Гляди, явилась водочка:
Посмотрят да попьют!
Хохочут, утешаются
И часто в речь Петрушкину
Вставляют слово меткое,
Какого не придумаешь,
Хоть проглоти перо!

Такие есть любители —
Как кончится комедия,
За ширмочки пойдут,
Целуются, братаются,
Гуторят с музыкантами:
«Откуда, молодцы?» —
«А были мы господские,
Играли на помещика,
Теперь мы люди вольные,
Кто поднесет-попотчует,
Тот нам и господин!» —
«И дело, други милые,
Довольно бар вы тешили,
Потешьте мужиков!
Эй! малой! сладкой водочки!
Наливки! чаю! полпива!
Цимлянского — живей! . . .»

И море разливанное
Пойдет, щедрее барского
Ребятюк угостят.

Не ветры веют буйные,
Не мать-земля колышется —
Шумит, поет, ругается,
Качается, валяется,
Дерется и целуется
У праздника народ!
Крестьянам показалось,
Как вышли на пригорочек,
Что все село шатается,

Что даже церковь старую
С высокой колокольнею
Шатнуло раз-другой! —
Тут трезвому, что голому,
Неловко... Наши странники
Прошлись еще по площади
И к вечеру покинули
Бурливое село...

ГЛАВА III ПЬЯНАЯ НОЧЬ

Не ригой, не амбарами.
Не кабаком, не мельницей,
Как часто на Руси,
Село кончалось низеньким
Бревенчатым строением
С железными решетками
В окошках небольших.
За тем этапным зданием
Широкая дороженька,
Березками обставлена,
Открылась тут как тут.
По будням малолюдная,
Печальная и тихая,
Не та она теперь!

По всей по той дороженьке
И по окольным тропочкам,
Докуда глаз хватал,
Ползли, лежали, ехали,

Барахталися пьяные,
И стоном стон стоял!

Скрипят телеги грузные,
И, как телячьи головы,
Качаются, мотаются
Победные головушки
Уснувших мужиков!

Народ идет — и падает,
Как будто из-за валиков
Картечью неприятели
Палят по мужикам!

Ночь тихая спускается,
Уж вышла в небо темное
Луна, уж пишет грамоту
Господь червонным золотом
По синему по бархату,
Ту грамоту мудреную,
Которой ни разумникам,
Ни глупым не прочесть.

Дорога стоголосая
Гудит! Что море синее,
Смолкает, подымается
Народная молва.

— А мы полтинник писарю:
Прошенье изготовили
К начальнику губернии...

— Эй! с возу куль упал!

— Куда же ты, Оленушка?
Постой! еще дам пряничка,
Ты, как блоха проворная,
Наелась — и упрыгнула,
Погладить не далась!

— Добра ты, царска грамота,
Да не при нас ты писана...

— Посторонись, народ!
(Акцизные чиновники
С бубенчиками, с бляхами
С базара пронеслись.)

— А я к тому теперича:
И веник дрянь, Иван Ильич,
А погуляет по полу,
Куда как напылит!

— Избави бог, Парашенька,
Ты в Питер не ходи!
Такие есть чиновники:
Ты день у них кухаркою,
А ночь у них сударкою, —
Так это наплевать!

«Куда ты скачешь, Саввушка?»
(Кричит священник сотскому
Верхом, с казенной бляхою.)
«В Кузьминское скачу
За становым. Оказия:

Там впереди крестьянина
Убили...» — «Эх!.. грехи!..»

«Худа ты стала, Дарьюшка!» —
«Не веретенце, друг!
Вот то, чем больше вертится,
Пузатее становится,
А я как день-деньской...»

— Эй, парень, парень глупенькой,
Оборванной, паршивенькой,
Эй, полюби меня!
Меня, простоволосую,
Хмельную бабу, старую,
Зааа-паааа-чканную!..

Крестьяне наши трезвые,
Поглядывая, слушая,
Идут своим путем.

Средь самой средь дороженьки
Какой-то парень тихонькой
Большую яму выкопал:
«Что делаешь ты тут?» —
«А хороню я матушку!» —
«Дурак! какая матушка!
Гляди: поддевку новую
Ты в землю закопал!
Иди скорей да хрюкалом
В канаву ляг, воды испей!
Авось, соскочит дурь!»

«А ну, давай потянемся!»
Садятся два крестьянина,
Ногами упираются,
И жиятся и тужатся,
Кряхтят — на скалке тянутся,
Суставчики трещат!
На скалке не понравилось:
«Давай теперь попробуем
Тянуться бородой!»
Когда порядком бороды
Друг дружке поубавили,
Вцепились за скулы!
Пыхтят, краснеют, корчатся,
Мычат, визжат, а тянутся!
«Да будет вам, проклятые!»
Не разольешь водой!

В канаве бабы ссорятся,
Одна кричит: «Домой идти
Тошнее, чем на каторгу!»
Другая: «Врешь, в моем дому
Похуже твоего!
Мне старший зять ребро сломал,
Средний зять клубок украл,
Клубок — плевок, да дело в том —
Полтинник был замотан в нем,
А младший зять все нож берет,
Того гляди убьет, убьет!..»

«Ну, полно, полно, миленькой!
Ну, не сердись!» За валиком

Неподалеку слышится:
«Я ничего... пойдём!»
Такая ночь бедовая!
Направо ли, налево ли
С дороги поглядишь:
Идут друженько парочки,
Не к той ли роще правятся?
Та роща манит всякого,
В той роще голосистые
Соловушки поют...

Дорога многолюдная,
Что позже — безобразнее:
Все чаще попадают
Избитые, ползущие,
Лежащие пластом.
Без ругани, как водится,
Словечка не промолвится, —
Шальная, непотребная,
Слышней всего она!
У кабаков смятение,
Подводы перепутались,
Испуганные лошади
Без седоков бегут;
Тут плачут дети малые,
Тоскуют жены, матери:
Легко ли из питейного
Дозваться мужиков?..

У столбика дорожного
Знакомый голос слышится,

Подходят наши странники
И видят: Веретенников
(Что башмачки козловые
Вавиле подарил)
Беседует с крестьянами.
Крестьяне открываются
Миляге по душе:
Похвалит Павел песенку —
Пять раз споют, записывай!
Понравится пословица —
Пословицу пиши!
Позаписав достаточно,
Сказал им Веретенников:
«Умны крестьяне русские,
Одно нехорошо,
Что пьют до одурения,
Во рвы, в канавы валяются —
Обидно поглядеть!»

Крестьяне речь ту слушали,
Поддакивали барину.
Павлуша что-то в книжечку
Хотел уже писать,
Да выискался пьяненькой
Мужик — он против барина
На животе лежал,
В глаза ему поглядывал,
Помалчивал, — да вдруг
Как вскочит! Прямо к барину —
Хватъ карандаш из рук!
«Постой, башка порожняя!
Шальных вестей, бессовестных

Про нас не разноси!
Чему ты позавидовал!
Что веселится бедная
Крестьянская душа?
Пьем много мы по времени,
А больше мы работаем,
Нас пьяных много видится,
А больше трезвых нас.
По деревням ты хаживал?
Возьмем ведерко с водкою,
Пойдем-ка по избам:
В одной, в другой навалятся,
А в третьей не притронутся —
У нас на семью пьющую
Непьющая семья!
Не пьют, а так же маются,
Уж лучше б пили, глупые,
Да совесть такова...
Чудно смотреть, как ввалится
В такую избу трезвую
Мужицкая беда,
И не глядел бы!.. Видывал
В страду деревни русские?
В питейном, что ль, народ?
У нас поля обширные,
А не гораздо щедрые.
Скажи-ка, чьей рукой
С весны они оденутся,
А осенью разденутся?
Встречал ты мужика
После работы вечером?

На пожне гору добрую
Поставил, съел с горошину:
— Эй! богатырь! соломинкой
Сшибу, посторонись!

Сладка еда крестьянская,
Весь век пила железная
Жует, а есть не ест!
Да брюхо-то не зеркало,
Мы на еду не плачемся. .
Работаешь один,
А чуть работа кончена,
Гляди, стоят три дольщика:
Бог, царь и господин!
А есть еще губитель-тать,
Четвертый, злей татарина,
Так тот и не поделится,
Все слопает один!
У нас пристал третьеводни
Такой же барин плохонькой,
Как ты, из-под Москвы.
Записывает песенки,
Скажи ему пословицу,
Загадку загани.
А был другой — допытывал,
На сколько в день сработаешь,
По малу ли, по многу ли
Кусков пихаешь в рот?
Иной угоды меряет,
Иной в селеньи жителей
По пальцам перечтет,

А вот не сосчитали же,
По сколько в лето каждое
Пожар пускает на ветер
Крестьянского труда?..

Нет меры хмелю русскому.
А горе наши меряли?
Работе мера есть?
Вино валит крестьянина,
А горе не валит его?
Работа не валит?
Мужик беды не меряет,
Со всякою справляется,
Какая ни приди.
Мужик, трудясь, не думает,
Что силы надорвет,
Так неужли над чаркою
Задуматься, что с лишнего
В канаву угодишь?
А что глядеть зазорно вам,
Как пьяные валяются,
Так погляди поди,
Как из болота волоком
Крестьяне сено мокрое,
Скосивши, волокут:
Где не пробраться лошади,
Где и без ноши пешему
Опасно перейти,
Там рать-орда крестьянская
По кочам, по зажоринам
Ползком ползет с плетухами —
Трещит крестьянский пуп!

Под солнышком без шапочек,
В поту, в грязи по макушку,
Осокою изрезаны,
Болотным гадом-мошкою
Изъеденные в кровь, —
Небось, мы тут красивее?

Жалеть — жалей умеючи,
На мерочку господскую
Крестьянина не мерь!
Не белоручки нежные,
А люди мы великие
В работе и в гульбе! . .

У каждого крестьянина
Душа что туча черная —
Гневна, грозна, — и надо бы
Громам греметь оттудова,
Кровавым лить дождям,
А все вином кончается.
Пошла по жилам чарочка,
И рассмеялась добрая
Крестьянская душа!
Не горевать тут надобно,
Гляди кругом — возрадуйся!
Ай парни, ай молодушки,
Умеют погулять!
Повымахали косточки,
Повымотали душеньку,
А удаль молодецкую
Про случай сберегли! . .»

Мужик стоял на валике,
Притопывал лаптишками
И, помолчав минуточку,
Прибавил громким голосом,
Любуясь на веселую,
Ревущую толпу:
«Эй! царство ты мужицкое,
Бесшапочное, пьяное,
Шуми — вольней шуми! . . .»

«Как звать тебя, старинушка?» —
«А что? запишешь в книжечку?»
Пожалуй, нужды нет!
Пиши: *«В деревне Босове
Яким Нагой живет,
Он до смерти работает,
До полусмерти пьет! . . .»*

Крестьяне рассмеялись
И рассказали барину,
Каков мужик Яким.

Яким старик убогонькой,
Живал когда-то в Питере,
Да угодил в тюрьму:
С купцом тягаться вздумалось!
Как липочка ободранный,
Вернулся он на родину
И за соху взялся.
С тех пор лет тридцать жарится
На полосе под солнышком,
Под бороной спасается

От частого дождя,
Живет — с сохой возится,
А смерть придет Якимушке —
Как ком земли отвалится,
Что на сохе присох...

С ним случай был: картиночек
Он сыну закупил,
Развешал их по стеночкам
И сам не меньше мальчика
Любил на них глядеть.
Пришла немилость божия,
Деревня загорелась —
А было у Якимушки
За целый век накоплено
Целковых тридцать пять.
Скорей бы взять целковые,
А он сперва картиночки
Стал со стены срывать;
Жена его тем временем
С иконами возилась,
А тут изба и рухнула —
Так оплошал Яким!
Слились в комок целковики,
За тот комок дают ему
Одиннадцать рублей...
«Ой, брат Яким! недешево
Картинки обошлись!
Зато и в избу новую
Повесил их, небось?» —
«Повесил — есть и новые», —
Сказал Яким — и смолк.

Вгляделся барин в пахаря:
Грудь впалая; как вдавленный
Живот; у глаз, у рта
Излучины, как трещины
На высохшей земле;
И сам на землю-матушку
Похож он: шея бурая,
Как пласт, сохой отрезанный,
Кирпичное лицо,
Рука — кора древесная,
А волосы — песок.

Крестьяне как заметили,
Что не обидны барину
Якимовы слова,
И сами согласились
С Якимом: «Слово верное:
Нам подобает пить!
Пьем — значит, силу чувствуем!
Придет печаль великая,
Как перестанем пить! . .
Работа не свалила бы,
Беда не одолела бы,
Нас хмель не одолит!
Не так ли?» —

«Да, бог милостив!» —
«Ну, выпей с нами чарочку!»

Достали водки, выпили.
Якиму Веретенников
Два шкалика поднес.

«Ай, барин! не прогневался,
Разумная головушка!
(Сказал ему Яким.)
Разумной-то головушке
Как не понять крестьянина?
А свиньи ходят по́ земи —
Не видят неба век!..»

Вдруг песня хором грянула
Удалая, согласная:
Десятка три молодчиков,
Хмельненьки, а не валяются,
Идут рядком, поют,
Поют про Волгу-матушку,
Про удадь молодецкую,
Про девичью красу.
Притихла вся дороженька,
Одна та песня складная
Широко, вольно катится,
Как рожь под ветром стелется,
По сердцу по крестьянскому
Идет огнем-тоской!..

Под песню ту удалую
Раздумалась, расплакалась
Молодушка одна:
«Мой век — что день без солнышка,
Мой век — что ночь без месяца,
А я, млада-младешенька, —
Что борзый конь на привязи,
Что ласточка без крыл!
Мой старый муж, ревнивый муж

Напился пьян, храпóm храпит,
Меня, младу-младешеньку,
И сонный сторожит!»

Так плакалась молодушка
Да с возу вдруг и спрыгнула!
«Куда?» — кричит ревнивый муж,
Привстал — и бабу за косу,
Как редьку за вихор!

Ой! ночка, ночка пьяная!
Не светлая, а звездная,
Не жаркая, а с ласковым
Весенним ветерком!
И нашим добрым молодцам
Ты даром не прошла!
Сгрустнулось им по женушкам.
Оно и правда: с женушкой
Теперь бы веселей!
Иван кричит: «Я спать хочу»,
А Марьюшка: «И я с тобой!»
Иван кричит: «Постель узка»,
А Марьюшка: «Уляжемся!»
Иван кричит: «Ой, холодно»,
А Марьюшка: «Угреемся!»
Как вспомнили ту песенку,
Без слова — согласились
Ларец свой попытать.

Одна, зачем — бог ведает,
Меж полем и дорогою
Густая липа выросла.

Под ней присели странники
И осторожно молвили:
«Эй! скатерть самобранная,
Попотчуй мужиков!»

И скатерть развернулася,
Откудова ни взялися
Две дюжие руки:
Ведро вина поставили,
Горой наклали хлебушка
И спрятались опять.

Крестьяне подкрепилися,
Роман за караульного
Остался у ведра,
А прочие вмешались
В толпу — искать счастливого:
Им крепко захотелось
Скорей попасть домой...

Г Л А В А IV С Ч А С Т Л И В Ы Е

В толпе горластой, праздничной
Похаживали странники,
Прокликивали клич:
«Эй! нет ли где счастливого?
Явись! Коли окажется,
Что счастливо живешь,

У нас ведро готовое:
Пей даром сколько вздумаешь —
На славу угостим!..»
Таким речам неслыханным
Смеялись люди трезвые,
А пьяные да умные
Чуть не плевали в бороду
Ретивым крикунам.
Однако и охотников
Хлебнуть вина бесплатного
Достаточно нашлось.
Когда вернулись странники
Под липу, клич прокликавши,
Их обступил народ.
Пришел дьячок уволенный,
Тошбй, как спичка серная,
И лясы распустил,
Что счастье не в пажитях,
Не в соболях, не в золоте,
Не в дорогих камнях.
«А в чем же?» —

«В благодуществе!

Пределы есть владениям
Господ, вельмож, царей земных,
А мудрого владение —
Весь вертоград Христов!
Коль обогреет солнышко
Да пропущу косушечку,
Так вот и счастлив я!» —
«А где возьмешь косушечку?» —
«Да вы же дать сулилися...» —
«Проваливай! шалишь!..»

Пришла старуха старая,
Рябая, одноглазая,
И объявила, кланяясь,
Что счастлива она:
Что у нее по осени
Родилось реп до тысячи
На небольшой гряде.
«Такая репа крупная,
Такая репа вкусная,
А вся гряда — сажени три,
А впоперечь — аршин!»
Над бабой посмеялись,
А водки капли не дали:
«Ты дома выпей, старая,
Той репой закуси!»

Пришел солдат с медалями.
Чуть жив, а выпить хочется:
«Я счастлив!» — говорит.
«Ну, открывай, старинушка,
В чем счастье солдатское?
Да не таись смотри!» —
«А в том, во-первых, счастье,
Что в двадцати сражениях
Я был, а не убит!
А во-вторых, важней того,
Я и во время мирное
Ходил ни сыт ни голоден,
А смерти не дался!
А в-третьих — за провинности,
Великие и малые,

Нещадно бит я палками,
А хоть пощупай — жив!»

«На! выпивай, служивенькой!
С тобой и спорить нечего:
Ты счастлив — слова нет!»

Пришел с тяжелым молотом
Каменотес-олончанин,
Плечистый, молодой:
«И я живу — не жалуясь, —
Сказал он, — с женой, с матушкой
Не знаем мы нужды!» —
«Да в чем же ваше счастье?» —
«А вот гляди (и молотом
Как перышком махнул):
Коли проснусь до солнышка
Да разогнусь о полночи,
Так гору сокрушу!
Случалось, не похвастаю,
Щебенки наколачивать
В день на пять серебром!»

Пахом приподнял «счастье»
И, крикнувши порядочно,
Работнику поднес:
«Ну, веско! а не будет ли
Носиться с этим счастьем
Под старость тяжело?..»

«Смотри не хвастай силою, —
Сказал мужик с одышкой,

Расслабленный, худой
 (Нос вострый, как у мертвого,
 Как грабли руки тощие,
 Как спицы ноги длинные,
 Не человек — комар). —
 Я был — не хуже каменщик,
 Да тоже хвастал силою,
 Вот бог и наказал!
 Смекнул подрядчик, бестия,
 Что простоват детинушка,
 Учал меня хвалить,
 А я-то сдуру радуюсь,
 За четверых работаю!
 Однажды ношу добрую
 Наклад я кирпичей,
 А тут его, проклятого,
 И нанеси нелегая.
 «Что это? — говорит, —
 Не узнаю Трофима я!
 Идти с такою ношею
 Не стыдно молодцу?»
 «А коли мало кажется,
 Прибавь рукой хозяйскою!» —
 Сказал я, осердясь.
 Ну, с полчаса, я думаю,
 Я ждал, а он подкладывал,
 И подложил, подлец!
 Сам слышу — тяга страшная,
 Да не хотелось пятиться.
 И внес ту ношу чертову
 Я во второй этаж!
 Глядит подрядчик, дивится,

Кричит, подлец, оттудова:
«Ай, молодец, Трофим!
Не знаешь сам, что сделал ты:
Ты снес один по крайности
Четырнадцать пудов!»
Ой, знаю! сердце молотом
Стучит в груди, кровавые
В глазах круги стоят,
Спина как будто треснула...
Дрожат, ослабли ноженьки.
Зачах я с той поры!..
Налей, брат, полстаканчика!» —
«Налить? Да где ж тут счастье?
Мы потчует счастливого,
А ты что рассказал!» —
«Дослушай! будет счастье!» —
«Да в чем же, говори!» —
«А вот в чем. Мне на родине,
Как всякому крестьянину,
Хотелось умереть.
Из Питера, расслабленный,
Шальной, почти без памяти,
Я на машину сел.
Ну, вот мы и поехали.
В вагоне лихорадочных,
Горячечных работничков
Нас много набралось.
Всем одного желалось —
Как мне, попасть на родину,
Чтоб дома помереть.
Однако нужно счастье
И тут: мы летом ехали,

В жарище, в духоте,
У многих помутилися
Вконец больные головы,
В вагоне ад пошел:
Тот стонет, тот катается
Как оглашенный по полу,
Тот бредит жenkой, матушкой.
Ну, на ближайшей станции
Такого и долой!
Глядел я на товарищей,
Сам весь горел, подумывал —
Не сдобровать и мне.
В глазах кружки багровые,
И все мне, братец, чудится,
Что режу пеунов
(Мы тоже пеунятники,
Случалось в год откармливать
До тысячи зобов).
Где вспомнились, проклятые!
Уж я молиться пробовал,
Нет! всё с ума нейдут!
Поверишь ли? вся партия
Передо мной трепещется!
Гортани перерезаны,
Кровь хлещет, а поют!
А я с ножом: «Да полно вам!»
Уж как господь помиловал,
Что я не закричал?
Сижy, креплюсь... по счастью,
День кончился, а к вечеру
Похолодало, — сжалился
Над сиротами бог!

Ну, так мы и доехали,
И я добрел на родину,
А здесь, по божьей милости,
И легче стало мне...»

«Чего вы тут расхвастались
Своим мужицким счастьем? —
Кричит разбитый на ноги
Дворовый человек. —
А вы меня попотчуйте:
Я счастлив, видит бог!
У первого боярина
У князя Переметьева
Я был любимый раб.
Жена — раба любимая,
А дочка вместе с барышней
Училась и французскому
И всяким языкам;
Садиться позволялось ей
В присутствии княжны...
Ой! как кольнуло!.. батюшки!..»
(И начал ногу правую
Ладонями тереть.)
Крестьяне рассмеялись.
«Чего смеетесь, глупые? —
Озлившись неожиданно,
Дворовый закричал. —
Я болен, а сказать ли вам,
О чем молюсь я господу,
Вставая и ложась?
Молюсь: «Оставь мне, господи,
Болезнь мою почетную,

По ней я дворянин!»
Не вашей подлой хворостью,
Не хрипотой, не грыжею —
Болезнью благородною,
Какая только водится
У первых лиц в империи,
Я болен, мужичье!
По-да-грой именуется!
Чтоб получить ее —
Шампанское, бургонское,
Токайское, венгерское
Лет тридцать надо пить...
За стулом у светлейшего
У князя Переметьева
Я сорок лет стоял,
С французским лучшим трюфелем .
Тарелки я лизал,
Напитки иностранные
Из рюмок допивал...
Ну, наливай!» —

«Проваливай!

У нас вино мужицкое,
Простое, не заморское —
Не по твоим губам!»

Желтоволосый, сгорбленный,
Подкрался робко к странникам
Крестьянин-белорус,
Туда же, к водке тянется:
«Налей и мне маненичко,
Я счастлив!» — говорит.

«А ты не лезь с ручищами!
Докладывай, доказывай
Сперва, чем счастлив ты?» —
«А счастье наше — в хлебушке:
Я дома в Белоруссии
С мякиною, с кострикою
Ячменный хлеб жевал;
Бывало, вопишь голосом,
Как роженица корчишься,
Как схватит животы.
А ныне — милость божия! —
Досыта у Губонина
Дают ржаного хлебушка,
Жую — не нажуюсь!»

Пришел какой-то пасмурный
Мужик с скулой свороченной,
Направо все глядит:
«Хожу я за медведями,
И счастье мне великое:
Троих моих товарищей
Сломали мишуки,
А я живу, бог милостив!» —
«А ну-ка влево глянь!»

Не глянул, как ни пробовал,
Какие рожи страшные
Ни корчил мужичок:
«Свернула мне медведица
Маненичко скулу!» —
«А ты с другой померяйся,
Подставь ей щеку правую —

Поправит. . .» — Посмеялся,
Однако поднесли.

Оборванные нищие,
Послышав запах пенного,
И те пришли доказывать,
Как счастливы они:
«Нас у порога лавочник
Встречает подаянием,
А в дом войдем, так из дому
Проводят до ворот. . .
Чуть запоем мы песенку,
Бежит к окну хозяйюшка
С краюхой, с ножом,
А мы-то заливаемся:
«Давать давай — весь каравай,
Не мнется и не крошится,
Тебе скорей, а нам спорей. . .»

Смекнули наши странники,
Что даром водку тратили,
Да кстати и ведерочку
Конец. «Ну, будет с вас!
Эй, счастье мужицкое!
Дырявое с заплатами,
Горбатое с мозолями,
Проваливай домой!»

«А вам бы, други милые,
Спросить Ермилу Гирина, —
Сказал, подсевши к странникам,

Деревни Дымоглотова
Крестьянин Федосей. —
Коли Ермил не выручит,
Счастливец не объявится,
Так и шататься нечего...» —
«А кто такой Ермил?
Князь, что ли, граф сиятельный?» —
«Не князь, не граф сиятельный,
А просто он — мужик!» —
«Ты говори толковее,
Садись, а мы слушаем,
Какой такой Ермил?»

«А вот такой: сиротскую
Держал Ермило мельницу
На Унже. По суду
Продать решили мельницу:
Пришел Ермило с прочими
В палату на торги.
Пустые покупатели
Скоренько отвалилися,
Один купец Алтынников
С Ермилом в бой вступил,
Не отстает, торгуется,
Наносит по копеечке.
Ермило как рассердится —
Хвать сразу пять рублей!
Купец опять копеечку,
Пошло у них сражение:
Купец его копейкою,
А тот его рублем!
Не устоял Алтынников!

Да вышла тут оказия:
Тотчас же стали требовать
Задатков третью часть,
А третья часть — до тысячи.
С Ермилом денег не было,
Уж сам ли он сплюшал,
Схитрили ли подьячие,
А дело вышло дрянь!
Повеселел Алтынников:
— Моя, выходит, мельница!
— Нет! — говорит Ермил,
Подходит к председателю. —
Нельзя ли вашей милости
Помешкать полчаса?
— Что в полчаса ты сделаешь?
— Я деньги принесу!
— А где найдешь? В уме ли ты?
Верст тридцать пять до мельницы,
А через час присутствию
Конец, любезный мой!
— Так полчаса позвольте?
— Пожалуй, час промешкаем! —
Пошел Ермил; подьячие
С купцом переглянулись,
Смеются, подлецы!
На площадь на торговую
Пришел Ермило (в городе
Тот день базарный был),
Стал на воз, видим: крестится,
На все четыре стороны
Поклон — и громким голосом
Кричит: «Эй, люди добрые!

Притихните, послушайте,
Я слово вам скажу!»
Притихла площадь людная,
И тут Ермил про мельницу
Народу рассказал:
«Давно купец Алтынников
Присватывался к мельнице,
Да не сплосал и я,
Раз пять справлялся в городе,
Сказали: с переторжкой
Назначены торги.
Без дела, сами знаете,
Возить казну крестьянину
Проселком не рука.
Приехал я без грошика,
Ан глядь — они спроворили
Без переторжки торг!
Схитрили, души подлые,
Да и смеются, нехристи:
«Что часом ты поделаешь?
Где денег ты найдешь?»
Авось, найду, бог милостив!
Хитры, сильны подьячие,
А мир их посильней;
Богат купец Алтынников,
А все не устоять ему
Против мирской казны:
Ее, как рыбу из моря,
Века ловить — не выловить.
Ну, братцы! видит бог,
Разделаюсь в ту пятницу!
Не дорога мне мельница,

Обида велика!
Коли Ермила знаете,
Коли Ермилу верите,
Так выручайте, что лы! . . .»

И чудо сотворилось —
На всей базарной площади
У каждого крестьянина
Как ветром полу левую
Заворотило вдруг!
Крестьянство раскошело,
Несут Ермилу денежки,
Дают кто чем богат.
Ермилу парень грамотный,
Да некогда записывать,
Успей пересчитать!
Наклали шляпу полную
Целковиков, лобанчиков,
Прожженной, битой, трепаной
Крестьянской ассигнации.
Ермилу брал — не брезговал
И медным пятакон.
Еще бы стал он брезговать,
Когда тут попадалася
Иная гривна медная
Дороже ста рублей!

Уж сумма вся исполнилась,
А щедрота народная
Росла: «Бери, Ермил Ильич,
Отдашь, не пропадет!»
Ермил народу кланялся

На все четыре стороны,
В палату шел со шляпою,
Зажавши в ней казну.
Сдвинулись подьячие,
Позеленел Алтынников,
Как он сполна всю тысячу
Им выложил на стол!..
Не волчий зуб, так лисий хвост, —
Пошли юлить подьячие,
С покупкой поздравлять!
Да не таков Ермил Ильич,
Не молвил слова лишнего,
Копейки не дал им!

Глядеть весь город съехался,
Как в день базарный, пятницу,
Через неделю времени
Ермил на той же площади
Рассчитывал народ.
Упомнить где же всякого?
В ту пору дело делалось
В горячке, второпях!
Однако споров не было,
И выдать гроша лишнего
Ермилу не пришлось.
Еще — он сам рассказывал —
Рубль лишний — чей, бог ведает! —
Остался у него.
Весь день с мощной раскрытою
Ходил Ермил, допытывал,
Чей рубль? да не нашел.
Уж солнце закатилось,

Когда с базарной площади
Ермил последний тронулся,
Отдав тот рубль слепым...
Так вот каков Ермил Ильич».

«Чудён! — сказали странники. —
Однако знать желательно —
Каким же колдовством
Мужик над всей округою
Такую силу взял?» —
«Не колдовством, а правдою.
Слыхали про Адовщину,
Юрлова князя вотчину?» —
«Слыхали, ну так что ж?» —
«В ней главный управляющий
Был корпуса жандармского
Полковник со звездой,
При нем пять-шесть помощников,
А наш Ермило писарем
В конторе состоял.

Лет двадцать было малому, —
Какая воля писарю?
Однако для крестьянина
И писарь человек.
К нему подходишь к первому,
А он и посоветует
И справку наведет;
Где хватит силы — выручит,
Не спросит благодарности,
И дашь, так не возьмет!

Худую совесть надобно
Крестьянину с крестьянина
Копейку вымогать.

Таким путем вся вотчина
В пять лет Ермилу Гирина
Узнала хорошо,
А тут его и выгнали...
Жалели крепко Гирина,
Трудненько было к новому,
Хапуге, привыкать,
Однако делать нечего,
По времени приладились
И к новому писцу.
Тот ни строки без трешника,
Ни слова без семишника,
Прожженный, из кутейников —
Ему и бог велел!

Однако волей божией
Недолго он поцарствовал:
Скончался старый князь,
Приехал князь молоденькой,
Прогнал того полковника,
Прогнал его помощника,
Контору всю прогнал,
А нам велел из вотчины
Бурмистра изобрать.
Ну, мы недолго думали,
Шесть тысяч душ, всей вотчиной
Кричим: «Ермилу Гирина!»

Как человек один!
Зовут Ермилу к барину.
Поговорив с крестьянином,
С балкона князь кричит:
«Ну, братцы! будь по-вашему.
Моей печатью княжеской
Ваш выбор утвержден:
Мужик проворный, грамотный,
Одно скажу: не молод ли?..»

А мы: «Нужды нет, батюшка,
И молод, да умен!»
Пошел Ермило царствовать
Над всей княжою вотчиной,
И царствовал же он!
В семь лет мирской копеечки
Под ноготь не зажал,
В семь лет не тронул правого,
Не попустил виновному,
Душой не покривил...»

«Стой! — крикнул укорительно
Какой-то попик седенький
Рассказчику. — Гресишь!
Шла борона прямехонько,
Да вдруг махнула в сторону —
На камень зуб попал!
Коли взялся рассказывать,
Так слова не выкидывай
Из песни: или странникам
Ты сказку говоришь?..»

Я знал Ермилу Гирина...» —
«А я, небось, не знал?
Одной мы были вотчины,
Одной и той же волости,
Да нас перевели...» —
«А коли знал ты Гирина,
Так знал и брата Митрия, —
Подумай-ка, дружок».

Рассказчик призадумался
И, помолчав, сказал:
«Соврал я: слово лишнее
Сорвалось на маху!
Был случай, и Ермил мужик
Свихнулся: из рекрутчины
Меньшого брата Митрия
Повыгородил он.
Молчим: тут спорить нечего,
Сам барин брата старосты
Забрить бы не велел,
Одна Ненила Власьевна
По сыне горько плачется,
Кричит: «Не наш черед!»
Известно, покричала бы
Да с тем бы и отъехала.
Так что же? Сам Ермил,
Покончивши с рекрутчиной,
Стал тосковать, печалиться,
Не пьет, не ест: тем кончилось,
Что в деннике с веревкою
Застал его отец.
Тут сын отцу покаялся:

«С тех пор как сына Власьевны
Поставил я не в очередь,
Постыл мне белый свет!»
А сам к веревке тянется.
Пытали уговаривать
Отец его и брат,
Он все одно: «Преступник я!
Злодей! вяжите руки мне,
Ведите в суд меня!»
Чтоб хуже не случилось,
Отец связал сердечного,
Приставил караул.
Сошелся мир, шумит, галдит,
Такого дела чудного
Вовек не приходило
Ни видеть, ни решать.
Ермиловы семейные
Уж не о том старались,
Чтоб мы им помирволили,
А строже рассуди —
Верни парнишку Власьевне,
Не то Ермил повесится,
За ним не углядишь!
Пришел и сам Ермил Ильич,
Босой, худой, с колодками,
С веревкой на руках,
Пришел, сказал: «Была пора,
Судил я вас по совести,
Теперь я сам грешнее вас:
Судите вы меня!»
И в ноги поклонился нам.

Ни дать ни взять юродивый,
Стоит, вздыхает, крестится;
Жаль было нам глядеть,
Как он перед старухою,
Перед Ненилой Власьевной,
Вдруг на колени пал!

Ну, дело все обладилось,
У господина сильного
Везде рука: сын Власьевны
Вернулся, сдали Митрия,
Да, говорят, и Митрию
Не тяжело служить,
Сам князь о нем заботится.
А за провинность с Гирина
Мы положили штраф:
Штрафные деньги рекруту,
Часть небольшая Власьевне,
Часть миру на вино...

Однако после этого
Ермил не скоро справился,
С год как шальной ходил.
Как ни просила вотчина,
От должности уволился,
В аренду снял ту мельницу,
И стал он пуще прежнего
Всему народу люб:
Брал за помол по совести,
Народу не задерживал:
Приказчик, управляющий,

Богатые помещики
И мужики беднейшие —
Все очереди слушались,
Порядок строгий вел!
Я сам уж в той губернии
Давненько не бывал,
А про Ермилу слыхивал,
Народ им не нахвалится,
Сходите вы к нему».

«Напрасно вы проходите, —
Сказал, уж раз заспоривший,
Седоволосый поп. —
Я знал Ермила Гирина,
Попал я в ту губернию
Назад тому лет пять
(Я в жизни много странствовал,
Преосвященный наш
Переводить священников
Любил)... С Ермилой Гириным
Соседи были мы.
Да! был мужик единственный!
Имел он все, что надобно
Для счастья: и спокойствие,
И деньги, и почет,
Почет завидный, истинный,
Не купленный ни деньгами,
Ни страхом: строгой правдою,
Умом и добротой!
Да только, повторяю вам,
Напрасно вы проходите,
В остроге он сидит...»

«Как так?» —

«А воля божия!

Слышал ли кто из вас,
Как бунтовалась вотчина
Помещика Обрубкова,
Испуганной губернии,
Уезда Недыханьева,
Деревня Столбняки?..
Как о пожарах пишется
В газетах (я их читывал):
«Осталась неизвестною
Причина» — так и тут:
До сей поры неведомо
Ни земскому исправнику,
Ни высшему правительству,
Ни Столбнякам самим,
С чего стряслась оказия,
А вышло дело дрянь.
Потребовалось воинство,
Сам государев посланный
К народу речь держал;
То руганью попробует
И плечи с эполетами
Подымет высоко,
То ласкою попробует,
Да брань была тут лишняя,
А ласка непонятная:
«Крестьянство православное!
Русь-матушка! царь-батюшка!»
И больше ничего!
Побившись так достаточно,

Хотели уж солдатыкам
Скомандовать: пали!
Да волостному писарю
Пришла тут мысль счастливая,
Он про Ермилу Гирина
Начальнику сказал:
«Народ поверит Гирина,
Народ его послушает...» —
«Позвать его, живей!»

.

Вдруг крик: «Ай, ай! помилуйте!»
Раздавшись неожиданно,
Нарушил речь священника,
Все бросились глядеть:
У валика дорожного
Секут лакея пьяного —
Попался в воровстве!
Где пойман, тут и суд ему:
Судей сошлось десятка три,
Решили дать по лозочке,
И каждый дал лозу!
Лакей вскочил и, шлепая
Худыми сапожишками,
Без слова тягу дал.
«Вишь, побежал как встрепанный! —
Шутили наши странники,
Узнавши в нем балясника,
Что хвастался какою-то
Особенной болезнью
От иностранных вин. —

Откуда прыть явилася!
Болезнь ту благородную
Вдруг сняло как рукой!»

«Эй, эй! куда ж ты, батюшка?
Ты доскажи историю,
Как бунтовалась вотчина
Помещика Обрубкова,
Деревня Столбняки?» —

«Пора домой, родимые.
Бог даст, опять мы встретимся,
Тогда и доскажу!»

Под утро поразъехалась,
Поразбрелась толпа.
Крестьяне спать надумали,
Вдруг тройка с колокольчиком
Откуда ни взялась,
Летит! А в ней качается
Какой-то барин кругленький,
Усатенький, пузатенький,
С сигарочкой во рту.
Крестьяне разом бросились
К дороге, сняли шапочки,
Низенько поклонилися,
Повыстроились в ряд,
И тройке с колокольчиком
Загородили путь...

Г Л А В А V
П О М Е Щ И К

Соседнего помещика
Гаврилу Афанасьича
Оболта-Оболдуева
Та троечка везла.
Помещик был румяненкоый,
Осанистый, присадистый,
Шестидесяти лет:
Усы седые, длинные,
Ухватки молодецкие,
Венгерка с бранденбурами,
Широкие штаны.
Гаврило Афанасьевич,
Должно быть, перетрусился,
Увидев перед тройкою
Семь рослых мужиков.
Он пистолетик выхватил,
Как сам, такой же толстенный,
И дуло шестиствольное
На странников навел:
«Ни с места! Если тронетесь,
Разбойники! грабители!
На месте уложу!..»
Крестьяне рассмеялись:
«Какие мы разбойники,
Гляди — у нас ни ножика,
Ни топоров, ни вил!» —
«Кто ж вы? чего вам надобно?»

«У нас забота есть,
Такая ли заботушка,
Что из домов повыжила,
С работой раздружила нас,
Отбила от еды.
Ты дай нам слово крепкое
На нашу речь мужицкую
Без смеху и без хитрости,
По правде и по разуму,
Как должно отвечать,
Тогда свою заботушку
Поведаем тебе...»

«Извольте: слово честное,
Дворянское даю!» —
«Нет, ты нам не дворянское,
Дай слово христианское!
Дворянское с побранкою,
С толчком да с зуботычиной,
То непригодно нам!»

«Эге! какие новости!
А впрочем, будь по-вашему!
Ну, в чем же ваша речь?» —
«Спрячь пистолетик! выслушай!
Вот так! Мы не грабители,
Мы мужики смиренные,
Из временно обязанных,
Подтянутой губернии,
Пустопорожней волости,
Из разных деревень —

Несытова, Неелова,
Заплатова, Дырявина,
Горелок, Голодухина,
Неурожайка тож.
Идя путем-дорогою,
Сошлись мы невзначай,
Сошлись мы — и заспорили:
Кому живется счастливо,
Вольготно на Руси?
Роман сказал: помещику,
Демьян сказал: чиновнику,
Лука сказал: попу.
Купчине толстопузому, —
Сказали братья Губины,
Иван и Митродор.
Пахом сказал: светлейшему,
Вельможному боярину,
Министру государеву.
А Пров сказал: царю...
Мужик что бык: втемяшится
В башку какая блажь —
Колом ее оттудова
Не выбьешь! Как ни спорили,
Не согласились мы!
Поспоривши — повздорили,
Повздоривши — подрались,
Подравшись — удумали
Не расходиться врозь,
В домишки не ворочаться,
Не видеться ни с женами,
Ни с малыми ребятами,
Ни с стариками старыми,

Покуда спору нашему
Решенья не найдем,
Покуда не доведем
Как ни на есть — доподлинно:
Кому жить любо-весело,
Вольготно на Руси?

Скажи ж ты нам по-божески,
Сладка ли жизнь помещичья?
Ты как — вольготно, счастливо,
Помещичек, живешь?»

Гаврило Афанасьевич
Из тарантаса выпрыгнул,
К крестьянам подошел:
Как лекарь, руку каждому
Пощупал, в лица глянул им,
Схватился за бока
И покатился со смеху...
Ха-ха! ха-ха! ха-ха! ха-ха!
Здоровый смех помещичий
По утреннему воздуху
Раскатываться стал...

Нахохотавшись досыта,
Помещик не без горечи
Сказал: «Наденьте шапочки,
Садитесь, *господа!*» —
«Мы господа не важные,
Перед твоею милостью
И постоим...» —

«Нет! нет!

Прошу садиться, *граждане!*»
Крестьяне поупрямились,
Однако, делать нечего,
Уселись на валу.

«И мне присесть позволите?
Эй, Прошка! рюмку хересу,
Подушку и ковер!»

Расположась на коврике
И выпив рюмку хересу,
Помещик начал так:

«Я дал вам слово честное
Ответ держать по совести,
А нелегко оно!
Хоть люди вы почтенные,
Однако не ученые,
Как с вами говорить?
Сперва понять вам надо бы,
Что значит слово самое:
Помещик, дворянин.
Скажите вы, любезные,
О родословном дереве
Слыхали что-нибудь?» —
«Леса нам не заказаны —
Видали древо всякое!» —
Сказали мужики.
«Попали пальцем в небо вы!..
Скажу вам вразумительней:
Я роду именитого,
Мой предок Оболдуй

Впервые поминается
В старинных русских грамотах
Два века с половиною
Назад тому. Гласит
Та грамота: «Татарину
Оболту-Оболдуеву
Дано суконце доброе,
Ценою в два рубля:
Волками и лисицами
Он тешил государыню,
В день царских именин
Спускал медведя дикого
С своим, и Оболдуева
Медведь тот ободрал...»
Ну, поняли, любезные?» —
«Как не понять! С медведями
Немало их шатается,
Прохвостов, и теперь».

«Вы всё свое, любезные!
Молчать! Уж лучше слушайте,
К чему я речь веду:
Тот Оболдуй, потешивший
Зверями государыню,
Был корень роду нашему,
А было то, как сказано,
С залишком двести лет.
Прапрадед мой по матери
Был и того древней:
«Князь Щепин с Васькой Гусевым
(Гласит другая грамота)
Пытал поджечь Москву,

Казну пограбить думали,
Да их казнили смертью».
А было то, любезные,
Без мала триста лет.
Так вот оно откудова
То дерево дворянское
Идет, друзья мои!» —
«А ты, примерно, яблочко
С того выходишь дерева?» —
Сказали мужики.
«Ну, яблочко так яблочко!
Согласен! Благо поняли
Вы дело наконец.
Теперь — вы сами знаете —
Чем дерево дворянское
Древней, тем именитее,
Почетней дворянин.
Не так ли, благодетели?»
«Так! — отвечали странники. —
Кость белая, кость черная,
И поглядеть, так разные, —
Им разный и почет!»
«Ну, вижу, вижу: поняли!
Так вот, друзья, — и жили мы
Как у Христа за пазухой
И знали мы почет.
Не только люди русские,
Сама природа русская
Покорствовалась нам.
Бывало, ты в окружности
Один, как солнце на небе,
Твои деревни скромные,

Твои леса дремучие,
Твои поля кругом!
Пойдешь ли деревенькою —
Крестьяне в ноги валяются,
Пойдешь лесными дачами —
Столетними деревьями
Преклонятся леса!
Пойдешь ли пашней, нивою —
Вся нива спелым колосом
К ногам господским стелется,
Ласкает слух и взор!
Там рыба в речке плещется:
«Жирей, жирей до времени!»
Там заяц лугом крадется:
«Гуляй, гуляй до осени!»
Все веселило барина,
Любовно травка каждая
Шептала: «Я твоя!»

Краса и гордость русская,
Белели церкви божии
По горкам, по холмам,
И с ними в славе спорили
Дворянские дома.
Дома с оранжереями,
С китайскими беседками
И с английскими парками;
На каждом флаг играл,
Играл-манил приветливо,
Гостеприимство русское
И ласку обещал.
Французу не привидится

Во сне — какие праздники,
Не день, не два — по месяцу
Мы задавали тут.
Свои индейки жирные,
Свои наливки сочные,
Свои актеры, музыка,
Прислуги — целый полк!

Пять поваров да пекаря,
Двух кузнецов, обойщика,
Семнадцать музыкантиков
И двадцать два охотника
Держал я... Боже мой!..»

Помещик закручинился,
Упал лицом в подушечку,
Потом привстал, поправился,
— Эй, Прошка! — закричал.
Лакей по слову барскому
Принес кувшинчик с водкою.
Гаврило Афанасьевич,
Откушав, продолжал:
«Бывало, в осень позднюю
Леса твои, Русь-матушка,
Одушевляли громкие
Охотничьи рога.
Унылые, поблекшие
Леса полураздетые
Жить начинали вновь;
Стояли по опушечкам
Борзовщики-разбойники,
Стоял помещик сам,

А там, в лесу, выжлятники
Ревели, сорви-головы,
Варили-варом гончие.
Чу! подзывает рог!..
Чу! стая воет! сгрудилась!
Никак по зверю красному
Погнали?.. Улю-лю!
Лисица чернобурая,
Пушистая, матерая,
Летит, хвостом метет!
Присели, притаилися,
Дрожа всем телом, рьяные,
Догадливые псы:
Пожалуй, гостя жданная!
Поближе к нам, молодчикам,
Подальше от кустов!
Пора! Ну, ну! не выдай, конь!
Не выдайте, собаченьки!
Эй! улю-лю! родимые!
Эй! улю-лю!.. а-ту!..»
Гаврило Афанасьевич,
Вскочив с ковра персидского,
Махал рукой, подпрыгивал,
Кричал! Ему мерещилось,
Что травит он лису...

Крестьяне молча слушали,
Глядели, любовались,
Посмеивались в ус...

«Ой ты, охота псовая!
Забудут всё помещики,

Но ты, исконно-русская
Потеха! не забудешься
Ни во веки веков!
Не о себе печалимся,
Нам жаль, что ты, Русь-матушка,
С охотою утратила
Свой рыцарский, воинственный,
Величественный вид!
Бывало, нас по осени
До полусотни съедется
В отъезжие поля;
У каждого помещика
Сто гончих в напуску,
У каждого по дюжине
Борзовщиков верхом,
При каждом с кашеварами,
С провизией обоз.
Как с песнями да с музыкой
Мы двинемся вперед,
На что кавалерийская
Дивизия твоя!
Летело время соколом,
Дышала грудь помещицья
Свободно и легко.
Во времена боярские,
В порядки древнерусские
Переносился дух!
Ни в ком противоречия,
Кого хочу — помилую,
Кого хочу — казню.
Закон — мое желание!
Кулак — моя полиция!

Удар искросыпительный,
Удар зубодробительный,
Удар скуловорррот! . . .»

Вдруг как струна порвалась,
Осеклась речь помещичья.
Потупился, нахмурился,
— Эй, Прощка! — закричал.
Глонул — и мягким голосом
Сказал: «Вы сами знаете,
Нельзя же и без строгости?
Но я карал — любя.
Порвалась цепь великая, —
Теперь не бьем крестьянина,
Зато уж и отечески
Не милуем его.
Да, был я строг по времени,
А впрочем, больше ласкою
Я привлекал сердца.

Я в Воскресенье светлое
Со всей своею вотчиной
Христосовался сам!
Бывало, накрывается
В гостиной стол огромнейший,
На нем и яйца красные,
И пасха, и кулич!
Моя супруга, бабушка,
Сынишки, даже барышни
Не брезгают, целуются
С последним мужиком.

«Христос воскрес!» — «Воистину!»
Крестьяне разговляются,
Пьют брагу и вино. . .

Пред каждым почитаемым
Двунадесятым праздником
В моих парадных горницах
Поп всенощну служил.
И к той домашней всенощной
Крестьяне допускались,
Молись — хоть лоб разбей!
Страдало обоняние,
Сбивали после с вотчины
Баб отмывать полы!
Да чистота духовная
Тем самым сберегалась,
Духовное родство!
Не так ли, благодетели?»

«Так!» — отвечали странники,
А про себя подумали:
«Колом сбивал их, что ли, ты
Молиться в барский дом? . . .»

«Зато, скажу не хвастая,
Любил меня мужик!
В моей сурминской вотчине
Крестьяне всё подрядчики, —
Бывало, дома скучно им,
Все на чужую сторону
Отпросятся с весны. . .
Ждешь не дождешься осени,

Жена, детишки малые,
И те гадают, ссорятся:
Какого им гостинчику
Крестьяне принесут?
И точно: поверх барщины,
Холста, яиц и живности,
Всего, что на помещика
Сбиралось искони, —
Гостинцы добровольные
Крестьяне нам несли!
Из Киева — с вареньями,
Из Астрахани — с рыбою,
А тот, кто подостаточней,
И с шелковой материей:
Глядь, чмокнул руку барыне
И сверток подает!
Детям игрушки, лакомства,
А мне, седому бражнику,
Из Питера вина!
Толк вызнали, разбойники,
Небось, не к Кривоногову,
К французу забежит.
Тут с ними разгуляешься,
По-братски побеседуешь,
Жена рукою собственной
По чарке им нальет.
А детки тут же малые
Посасывают прянички
Да слушают досужие
Рассказы мужиков —
Про трудные их промыслы,
Про чужедальны стороны,

Про Петербург, про Астрахань,
Про Киев, про Казань...

Так вот как, благодетели,
Я жил с моею вотчиной,
Не правда ль, хорошо?..» —
«Да, было вам, помещикам,
Житье куда завидное,
Не надо умирать!»

«И все прошло! все минуло!..
Чу! похоронный звон!..»

Прислушались странники,
И точно: из Кузьминского
По утреннему воздуху
Те звуки, грудь щемящие,
Неслись: «Покой крестьянину
И царствие небесное!» —
Проговорили странники
И покрестились все...

Гаврило Афанасьевич
Снял шапочку — и набожно
Перекрестился тож:
«Звонят не по крестьянину!
По жизни по помещицкой
Звонят!.. Ой, жизнь широкая!
Прости-прощай навек!
Прощай и Русь помещицья!
Теперь не та уж Русь!

Эй, Прощка! (выпил водочки
И посвистал)...

Невесело

Глядеть, как изменилось
Лицо твое, несчастная
Родная сторона!
Сословье благородное
Как будто все попряталось,
Повымерло! Куда
Ни едешь, попадаются
Одни крестьяне пьяные,
Акцизные чиновники,
Поляки пересыльные
Да глупые посредники,
Да иногда пройдет
Команда. Догадаешься:
Должно быть, взбунтовалось
В избытке благодарности
Селенье где-нибудь!
А прежде что тут мчалось
Колясок, бричек троечных,
Дормезов шестерней!
Катит семья помещицы —
Тут маменьки солидные,
Тут дочери миловидные
И резвые сынки!
Поющих колокольчиков,
Воркующих бубенчиков
Наслушаешься всласть.
А нынче чем рассеешься?
Картиной возмутительной

Что шаг — ты поражен:
Кладбищем вдруг повеяло,
Ну, значит, приближаемся
К усадьбе... Боже мой!
Разобран по кирпичику
Красивый дом помещичий,
И аккуратно сложены
В колонны кирпичи!
Обширный сад помещичий,
Столетиями взлелеянный,
Под топором крестьянина
Весь лег, — мужик любит,ся,
Как много вышло дров!
Черства душа крестьянина, —
Подумает ли он,
Что дуб, сейчас им сваленный,
Мой дед рукою собственной
Когда-то насадил?
Что вон под той рябиною
Резвились наши детушки —
И Ганичка и Верочка,
Аукались со мной?
Что тут, под этой липою,
Жена моя призналась мне,
Что тяжела она
Гаврюшей, нашим первенцем,
И спрятала на грудь мою
Как вишня покрасневшее
Прелестное лицо?..
Ему была бы выгода —
Радехонек помещичьи
Усадьбы изводить!

Деревней ехать совестно:
Мужик сидит — не двинется,
Не гордость благородную —
Желчь чувствуешь в груди.
В лесу не рог охотничий
Звучит — топор разбойничий.
Шалят!.. А что поделаешь?
Кем лес убережешь?..
Поля — не доработаны,
Посевы — не досеяны,
Порядку нет следа!
О матушка! о родина!
Не о себе печалимся,
Тебя, родная, жаль.
Ты, как вдова печальная,
Стоишь с косою распущенной,
С неубранным лицом!..

Усадьбы переводятся,
Взамен их распложаются
Питейные дома!..
Поят народ распущенный,
Зовут на службы земские,
Сажают, учат грамоте, —
Нужна ему она!
На всей тебе, Русь-матушка,
Как клейма на преступнике,
Как на коне тавро,
Два слова нацарапаны:
«Навынос и распивочно».
Чтоб их читать, крестьянина

Мудреной русской грамоте
Не стоит обучать!..

А нам земля осталась...
Ой ты, земля помещичья!
Ты нам не мать, а мачеха
Теперь... «А кто велел? —
Кричат писаки праздные, —
Так вымогать, насиловать
Кормилицу свою!»
А я скажу: а кто же ждал?
Ох! эти проповедники!
Кричат: «Довольно барствовать!
Проснись, помещик заспанный!
Вставай! учись! трудись!..»

Трудись! Кому вы вздумали
Читать такую проповедь?
Я не крестьянин-лапотник —
Я божиею милостью
Российский дворянин!
Россия — не неметчина,
Нам чувства деликатные,
Нам гордость внушена!
Сословья благородные
У нас труду не учатся.
У нас чиновник плохонький,
И тот полов не выметет,
Не станет печь топить...
Скажу я вам не хвастая,
Живу почти безвыездно
В деревне сорок лет,

А от ржаного колоса
Не отличу ячменного,
А мне поют: «Трудись!»

А если и действительно
Свой долг мы ложно поняли,
И наше назначение
Не в том, чтоб имя древнее,
Достоинство дворянское
Поддерживать охотою,
Пирами, всякой роскошью
И жить чужим трудом,
Так надо было ранее
Сказать... Чему учился я?
Что видел я вокруг?
Коптил я небо божие,
Носил ливрею царскую,
Сорил казну народную
И думал век так жить...
И вдруг... Владыко праведный!..»

Помещик зарыдал...

Крестьяне добродушные
Чуть тоже не заплакали,
Подумав про себя:
«Порвалась цепь великая,
Порвалась — расскочилась:
Одним концом по барину,
Другим по мужику!..»

КРЕСТЬЯНКА (ИЗ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ)

ПРОЛОГ

«**Н**е всё между мужчинами
Отыскивать счастливого,
Пощупаем-ка баб!» —
Решили наши странники
И стали баб опрашивать.
В селе Наготине
Сказали как отрезали:
«У нас такой не водится,
А есть в селе Клину:
Корова холмогорская,
Не баба! Доброумнее
И глаже — бабы нет.
Спросите вы Корчагину,
Матрену Тимофеевну,
Она же: губернаторша...»

Подумали — пошли.

Уж налились колосики.
Стоят столбы точеные,
Головки золоченые,

Задумчиво и ласково
Шумят. Пора чудесная!
Нет веселей, наряднее,
•Богаче нет поры!
«Ой, поле многохлебное!
Теперь и не подумаешь,
Как много люди божии
Побились над тобой,
Покамест ты оделося
Тяжелым, ровным колосом
И стало перед пахарем
Как войско пред царем!
Не столько росы теплые,
Как пот с лица крестьянского
Увлажнили тебя!..»

Довольны наши странники,
То рожью, то пшеницею,
То ячменем идут.
Пшеница их не радует:
Ты тем перед крестьянином,
Пшеница, провинилася,
Что кормишь ты *по выбору*,
Зато не налюбуются
На рожь, что *кормит всех*.

«Льны тоже нонче знатные...
Ай! бедненькой! застрял!»
Тут жаворонка малого,
Застрявшего во льну,
Роман распутал бережно,
Поцеловал: «Лети!»

И птичка ввысь помчалася,
За нею умиленные
Следили мужики. . .

Поспел горох! Накинулись
Как саранча на полосу:
Горох, что девку красную,
Кто ни пройдет — щипнет!
Теперь горох у всякого,
У старого, у малого,
Рассыпался горох
На семьдесят дорог!

Вся овощь огородная
Поспела: дети носят
Кто с репой, кто с морковкою,
Подсолнечник лушат,
А бабы свеклу дергают,
Такая свекла добрая!
Точь-в-точь сапожки красные
Лежит на полосе.

Шли долго ли, коротко ли,
Шли близко ли, далеко ли,
Вот наконец и Клин.
Селенье незавидное:
Что ни изба — с подпоркою,
Как нищий с костылем;
А с крыш солома скормлена
Скоту. Стоят как остовы
Убогие дома.
Ненастной, поздней осенью

Так смотрят гнезда галочки,
Когда галчата вылетят
И ветер придорожные
Березы обнажит...
Народ в полях — работает.
Заметив за селением
Усадьбу на пригорочке,
Пошли пока — глядеть.

Огромный дом, широкий двор,
Пруд, ивами обсаженный,
Посереде двора.
Над домом башня высится,
Балконом окруженная,
Над башней шпиль торчит.

В воротах с ними встретился
Лакей, какой-то буркою
Прикрытый: «Вам кого?
Помещик за границею,
А управитель при смерти!..»
И спину показал.
Крестьяне наши прыснули:
По всей спине дворового
Был нарисован лев.
«Ну, штука!» Долго спорили,
Что за наряд диковинный,
Пока Пахом догадливый
Загадки не решил:
«Холуй хитер: стащит ковер,
В ковре дыру проделает,

В дыру просунет голову,
Да и гуляет так! ..»

Как прусаки слоняются
По нетоплённой горнице,
Когда их вымораживать
Надумает мужик,
В усадьбе той слонялися
Голодные дворовые,
Покинутые барином
На произвол судьбы.
Всё старые, всё хворые
И как в цыганском таборе
Одеты. По пруду
Тащили бредень пятеро.

«Бог на́ помочь! Как ловится? ..» —
«Всего один карась!
А было их до пропасти,
Да крепко навалились мы,
Теперь — свищи в кулак!»

«Хоть бы пяточек вынули!» —
Проговорила бледная,
Беременная женщина,
Усердно раздувавшая
Костер на берегу.

«Точеные-то столбики
С балкону, что ли, умница?» —
Спросили мужики.

«С балкону!» —
«То-то высохли!
А ты не дуй! Сгорят они
Скорее, чем карасиков
Изловят на уху!» —
«Жду не дождусь. Измаялся
На черством хлебе Митенька,
Эх, горе — не житье!»

И тут она погладила
Полунагого мальчика
(Сидел в тазу заржавленном
Курносый мальчуган).

«А что? ему, чай, холодно, —
Сказал сурово Провушка, —
В железном-то тазу?» —
И в руки взять ребеночка
Хотел. Дитя заплакало,
А мать кричит: «Не тронь его!
Не видишь? Он катается!
Ну, ну! пошел! Колясочка
Ведь это у него! . . .»

Что шаг, то натыкались
Крестьяне на диковину:
Особая и странная
Работа всюду шла.
Один дворовый мучился
У двери: ручки медные
Отвинчивал; другой
Нес изразцы какие-то.

«Наковырял, Егорушка?» —
Окликнули с пруда.
В саду ребята яблоню
Качали. «Мало, дяденька!
Теперь они остались
Уж только наверху,
А было их до пропасти!» —
«Да что в них проку? Зеленые!» —
«Мы рады и таким!»

Бродили долго по саду:
«Затей-то! горы, пропасти!
И пруд опять... Чай, лебеди
Гуляли по пруду? ..
Беседка... стойте! с надписью! ..»
Демьян, крестьянин грамотный,
Читает по складам.

«Эй, врешь!» Хохочут странники...
Опять — и то же самое
Читает им Демьян.
(Насилу догадались,
Что надпись переправлена:
Затерты две-три литеры,
Из слова благородного
Такая вышла дрянь!)

Заметив любознательность
Крестьян, дворовый седенький
К ним с книгой подошел:
«Купите!» Как ни тужился,
Мудреного заглавия

Не одолел Демьян:
«Садись-ка ты помещиком
Под липой на скамеечку,
Да сам ее читай!» —
«А тоже грамотеями
Считаетесь! — с досадою
Дворовый прошипел. —
На что вам книги умные?
Вам вывески питейные
Да слово: воспрещается,
Что на столбах встречается,
Достаточно читать!»

— Дорожки так загажены,
Что срам! У девок каменных
Отшибены носы!
Пропали фрукты-ягоды,
Пропали гуси-лебеди
У холуя в зобу!
Что церкви без священника,
Угодам без крестьянина,
То саду без помещика! —
Решили мужики. —
Помещик прочно строился,
Такую даль загадывал,
А вот... (Смеются шестеро,
Седьмой повесил нос.)
Вдруг с вышины откуда-то
Как грянет песня! Головы
Задрали мужики:
Вкруг башни по балкончику
Похаживал в подряснике

Какой-то человек
И пел... В вечернем воздухе
Как колокол серебряный
Гудел громовый бас...
Гудел — и прямо за сердце
Хватал он наших странников:
Нерусские слова,
А горе в них такое же,
Как в русской песне, слышалось,
Без берегу, без дна.
Такие звуки плавные,
Рыдающие... «Умница,
Какой мужчина там?» —
Спросил Роман у женщины,
Уже кормившей Митеньку
Горяченькой ухой.

«Певец Ново-Архангельской.
Его из Малороссии
Сманили господа.
Свезти его в Италию
Сулились, да уехали...
А он бы рад-радехонек —
Какая уж Италия! —
Обратно в Конотоп,
Ему здесь делать нечего...
Собаки дом покинули
(Озлилась круто женщина),
Кому здесь дело есть?..
Да у него ни спереди,
Ни сзади... кроме голоса...» —
«Зато уж голосок!» —

«Не то еще услышите,
Как до утра пробудете:
Отсюда версты три
Есть дьякон... тоже с голосом...
Так вот они затеяли
По-своему здороваться
На утренней заре.
На башню как подыметса
Да рявкнет наш: «Здо-ро-во ли
Жи-вешь, о-тец И-пат?»
Так стекла затрещат!
А тот ему, оттуда-то:
«Здо-ро-во, наш со-ло-ву-шко!
Жду вод-ку пить!» — «И-ду! ..»
Иду-то это в воздухе
Час целый откликается...
Такие жеребцы! ..»

Домой скотина гонится,
Дорога запылилася,
Запахло молоком.
Вздохнула мать Митюхина:
Хоть бы одна коровушка
На барский двор вошла!
— Чу! песня за деревнею,
Прощай, горюшка бедная!
Идем встречать народ.

Легко вздохнули странники:
Им после дворни ноющей
Красива показалася

Здоровая, поющая
Толпа жнецов и жниц.
Все дело девки красили
(Толпа без красных девушек —
Что рожь без васильков).

«Путь добрый! А которая
Матрена Тимофеевна?» —

«Что нужно, молодцы?»

Матрена Тимофеевна
Осанистая женщина,
Широкая и плотная,
Лет тридцати осьми.
Красива; волос с проседью,
Глаза большие, строгие,
Ресницы богатейшие,
Сурова и смугла.
На ней рубаха белая,
Да сарафан коротенький,
Да серп через плечо.

«Что нужно вам, молодчики?»

Помалчивали странники,
Покамест бабы прочие
Не поушли вперед,
Потом поклон отвесили:
— Мы люди чужестранные,
У нас забота есть,
Такая ли заботушка,

Что из домов повыжила,
С работой раздружила нас,
Отбила от еды.
Мы мужики степенные,
Из временно обязанных,
Подтянутой губернии,
Пустопорожней волости,
Из смежных деревень:
Несытова, Неелова,
Заплатова, Дырявина,
Горелок, Голодухина,
Неурожайка тож.
Идя путем-дорогою,
Сошлись мы невзначай,
Сошлись мы — и заспорили:
Кому живется счастливо,
Вольготно на Руси?
Роман сказал: помещику,
Демьян сказал: чиновнику,
Лука сказал: попу.
Купчине толстопузому, —
Сказали братья Губины,
Иван и Митродор.
Пахом сказал: светлейшему,
Вельможному боярину,
Министру государеву.
А Пров сказал: царю...
Мужик что бык: втемяшится
В башку какая блажь —
Колом ее оттудова
Не выбьешь! Как ни спорили,
Не согласились мы!

Поспоривши — повздорили,
Повздоривши — подрались,
Подравшись — удумали
Не расходиться врозь,
В домишки не ворочаться,
Не видеться ни с женами,
Ни с малыми ребятами,
Ни с стариками старыми,
Покуда спору нашему
Решенья не найдем,
Покуда не доведем
Как ни на есть — доподлинно:
Кому жить любо-весело,
Вольготно на Руси? ..

Попа уж мы довели,
Довели помещика,
Да прямо мы к тебе!
Чем нам искать чиновника,
Купца, министра царского,
Царя (еще допустит ли
Нас, мужичонков, царь?), —
Освободи нас, выручи!
Молва идет всесветная,
Что ты вольготно, счастливо
Живешь... Скажи по-божески:
В чем счастье твое?

Не то чтоб удивилась
Матрена Тимофеевна,
А как-то закручинилась,
Задумалась она...

«Не дело вы затеяли!
Теперь пора рабочая,
Досуг ли толковать? . . .» —

«Полцарства мы промеряли,
Никто нам не отказывал!» —
Просили мужики.

«У нас уж колос сыпется,
Рук не хватает, милые. . .» —

«А мы на что, кума?
Давай серпы! Все семеро
Как станем завтра — к вечеру
Всю рожь твою сожнем!»

Смекнула Тимофеевна,
Что дело подходящее.
«Согласна, — говорит. —
Такие-то вы brave,
Нажнете, не заметите,
Снопов по десяти». —
«А ты нам душу выложи!» —
«Не скрою ничего!»

Покуда Тимофеевна
С хозяйством управлялася,
Крестьяне место знатное
Избрали за избой:
Тут рига, конопляники,
Два стога здоровенные,
Богатый огород.

И дуб тут рос — дубов краса.
Под ним присели странники:
*«Эй, скатерть самобранная!
Попотчуй мужиков!»*

И скатерть развернулася,
Откудова ни взялися
Две дюжие руки,
Ведро вина поставили,
Горой наклали хлебушка
И спрятались опять...
Гогочут братья Губины:
Такую редьку схапали
На огороде — страсть!

Уж звезды рассажалися
По небу темносинему,
Высоко месяц стал,
Когда пришла хозяйюшка
И стала нашим странникам
«Всю душу открывать...»

Г Л А В А I Д О З А М У Ж С Т В А

Мне счастье в девках выпало:
У нас была хорошая,
Непьющая семья.
За батюшкой, за матушкой,
Как у Христа за пазухой,
Жила я, молодцы.

Отец, поднявшись дó свету,
Будил дочурку ласкою,
А брат веселой песенкой;
Покамест одевается,
Поет: «Вставай, сестра!
По избам обряжаются,
В часовенках спасаются —
Пора вставать, пора!
Пастух уж со скотиною
Угнался; за малиною
Ушли подружки в бор,
В полях трудятся пахари,
В лесу стучит топор!»
Управится с горшочками,
Всё вымоет, всё выскребет,
Посадит хлебы в печь, —
Идет родная матушка,
Не будит — пуще кутает:
«Спи, милая, касатушка,
Спи, силу запасай!
В чужой семье — недолог сон!
Уложат спать позднихонько!
Придут будить до солнышка,
Лукошко припасут.
На донце бросят корочку:
Сгложи ее — да полное
Лукошко набери!..»

Да не в лесу родилася,
Не пеньям я молилася,
Не много я спала.
В день Симеона батюшка

Сажал меня на бурушку
И вывел из младенчества ¹
По пятому годку,
А на седьмом за бурушкой
Сама я в стадо бегала,
Отцу носила завтракать,
Утяточек пасла.
Потом грибы да ягоды.
Потсм: «Бери-ка грабельки
Да сено вороши!»
Так к делу приобыкла я...
И добрая работница,
И петь-плясать охотница
Я смолоду была.
День в поле проработаешь,
Грязна домой воротишься,
А банька-то на что?

Спасибо жаркой баенке,
Березовому веничку,
Студеному ключу, —
Опять бела, свежихонька,
За прялицей с подружками
До полночи поешь!

На парней я не вешалась,
Наянов обрывала я,
А тихому шепну:
«Я личиком разгарчива,

¹ Обычай.

А матушка догадлива,
Не троны! уйди!..» — уйдет...

Да как я их ни бегала,
А выискался суженый,
На горе — чужанин!
Филипп Корчагин — питерщик,
По мастерству печник.
Родительница плакала:
«Как рыбка в море синее
Юркнешь ты! как соловушко
Из гнездышка порхнешь!
Чужая-то сторонушка
Не сахаром посыпана,
Не медом полита!
Там холодно, там голодно,
Там холеную доченьку
Обвеют ветры буйные,
Обграют черны вороны,
Облают псы косматые,
И люди засмеют!..»
А батюшка со сватами
Подвыпил. Закручинилась,
Всю ночь я не спала...

Ах! что ты, парень, в девице
Нашел во мне хорошего?
Где высмотрел меня?
О святках ли, как с горок я
С ребятами, с подругами
Каталась, смеючись?

Ошибся ты, отецкий сын!
С игры, с катанья, с беганья,
С морозу разгорелось
У девушки лицо!
На тихой ли беседушке?
Я там была нарядная,
Дородства и пригожества
Понакопила за зиму,
Цвела, как маков цвет!
А ты бы поглядел меня,
Как лен треплю, как снопики
На риге молочу...
В дому ли во родительском?..
Ах! кабы знать! Послала бы
Я в город братца-сокола:
«Мил-братец! шелку, гарусу
Купи — семи цветов,
Да гарнитуру синего!»
Я по углам бы вышила
Москву, царя с царицею,
Да Киев, да Царьград,
А посередке — солнышко,
И эту занавесочку
В окошке бы повесила,
Авось ты загляделся бы, —
Меня бы промигал!..

Всю ночку я продумала.
«Оставь, — я парню молвила. —
Я в подневолье с волюшки,
Бог видит, не пойду!» —
«Такую даль мы ехали!

Иди, — сказал Филиппушка, —
Не стану обижать!»

Тужила, горько плакала,
А дело девка делала:
На суженого искоса
Поглядывала втай.
Пригож-румян, широк-могуч,
Рус волосом, тих говором —
Пал на сердце Филипп!

«Ты стань-ка, добрый молодец,
Против меня прямехонько,
Стань на одной доске!
Гляди мне в очи ясные,
Гляди в лицо румяное,
Подумывай, смекай:
Чтоб жить со мной — не каяться,
А мне с тобой не плакаться...
Я вся тут такова!» —
«Небось, не буду каяться,
Небось, не будешь плакаться!» —
Филиппушка сказал.

Пока мы торговались:
Филиппу я: — «Уйди ты прочь!» —
А он: «Иди со мной!»
Известно: «Ненаглядная,
Хорошая... пригожая...» —
«Ай!» — вдруг рванулась я...
«Чего ты? Эка силища!»

Не удержи — не видеть бы
Вовек ему Матренушки,
Да удержал Филипп!
Пока мы торговались,
Должно быть, так я думаю,
Тогда и было счастье. . .
А больше вряд когда!

Я помню, ночка звездная,
Такая же хорошая,
Как и теперь, была. . .

Вздохнула Тимофеевна,
Ко стогу приклонилася,
Унынным, тихим голосом
Пропела про себя:

Ты скажи, за что,
Молодой купец,
Полюбил меня,
Дочь крестьянскую?
Я не в серебре,
Я не в золоте,
Жемчугами я
Не увешана!

Чисто серебро —
Чистота твоя,
Красно золото —
Красота твоя,

Бел-крупен жемчуг —
Из очей твоих
Слезы катятся...

Велел родимый батюшка,
Благословила матушка,
Поставили родители
К дубовому столу,
С краями чары налили:
«Бери поднос, гостей-чужан
С поклоном обноси!»
Впервой я поклонилась —
Вздогнули ноги резвые;
Второй я поклонилась —
Поблекло бело личико;
Я в третий поклонилась,
И волюшка¹ скатилась
С девичьей головы...

«Так значит: свадьба? Следует, —
Сказал один из Губиных, —
Проздравить молодых». —
«Давай! Начин с хозяйшки». —
«Пьешь водку, Тимофеевна?» —
«Старухе — да не пить?..»

¹ Во время последней вечеринки, или порученья, с невесты снимают *волю*, то есть ленту, которую носят девушки до замужства.

ГЛАВА II
ПЕСНИ

У суда стоять
Ломит ноженьки,
Под венцом стоять
Голова болит,
Голова болит,
Вспоминается
Песня старая,
Песня грозная.
На широкий двор
Гости въехали,
Молоду жену
Муж домой привез,
А роденька-то
Как набросится!
Деверек ее —
Расточихою,
А золовушка —
Щеголихою,
Свекор-батюшка —
Тот медведицей,
А свекровушка —
Людоедицей,
Кто неряхою,
Кто непряхою...

Все, что в песенке
Той певалось,
Все со мной теперь
То и сталося!

Чай, певали вы?
Чай, вы знаете? ..

— Начинай, кума!
Нам подхватывать. . .

М а т р е н а

Спится мне, младенькой, дремлется,
Клонит голову на подушечку,
Свекор-батюшка по сеничкам похаживает,
Сердитый по новым погуливает.

С т р а н н и к и (хором)

Стучит, гремит, стучит, гремит,
Снохе спать не дает:
Встань, встань, встань, ты — сонливая!
Встань, встань, встань, ты — дремливая!
Сонливая, дремливая, неурядливая!

М а т р е н а

Спится мне, младенькой, дремлется,
Клонит голову на подушечку,
Свекровь-матушка по сеничкам похаживает,
Сердитая по новым погуливает.

С т р а н н и к и (хором)

Стучит, гремит, стучит, гремит,
Снохе спать не дает:
Встань, встань, встань, ты — сонливая!

Встань, встань, встань, ты — дремливая!
Сонливая, дремливая, неурядливая!

Семья была большущая,
Сварливая... попала я
С девичьей холи в ад!
В работу муж отправился,
Молчать, терпеть советовал:
Не плюй на раскаленное
Железо — зашипит!
Осталась я с золовками,
Со свекром, со свекровушкой,
Любить-голубить некому,
А есть кому журить!
На старшую золовушку,
На Марфу богомольную,
Работай, как раба;
За свекром приглядывай,
Сплошаешь — у кабатчика
Пропажу выкупай.
И встань и сядь с приметой,
Не то свекровь обидится;
А где их все-то знать?
Приметы есть хорошие,
А есть и бедокурные.
Случилось так: свекровь
Надула в уши свекору,
Что рожь добрее родится
Из краденых семян.
Поехал ночью Тихоныч,

Поймали, — полумертвого
Подкинули в сарай. . .

Как велено, так сделано:
Ходила с гневом на сердце,
А лишнего не молвила
Словечка никому.
Зимой пришел Филиппушка,
Привез платочек шелковый,
Да прокатил на саночках
В Екатеринин день,¹
И горя словно не было!
Запела, как певала я
В родительском дому.
Мы были однолеточки,
Не трогай нас — нам весело,
Всегда у нас лады.
То правда, что и мужа-то
Такого, как Филиппушка,
Со свечкой поискать. . .
«Уж будто не колачивал?»

Замялась Тимофеевна:
«Раз только», — тихим голосом
Промолвила она.
«За что?» — спросили странники.
«Уж будто вы не знаете,
Как ссоры деревенские
Выходят? К муженьку

1 Первое катанье на санях.

Сестра гостить приехала,
У ней коты разбились.
— Дай башмаки Оленушке,
Жена! — сказал Филипп.
А я не вдруг ответила.
Корчагу подымала я,
Такая тяга: вымолвить
Я слова не могла.
Филипп Ильич прогневался,
Пождал, пока поставила
Корчагу на шесток,
Да хлоп меня в висок!
— Ну, благо ты приехала,
И так походишь! — молвила
Другая, незамужняя
Филиппова сестра.

Филипп подбавил женушке.

— Давненько не видались мы,
А знать бы — так не ехать бы! —
Сказала тут свекровь.

Еще подбавил Филюшка...
И всё тут! Не годилось бы
Жене побои мужнины
Считать; да уж сказала я:
Не скрою ничего!

— Ну, женщины! С такими-то
Змеями подколодными
И мертвый плеть возьмет!

Хозяйка не ответила.
Крестьяне, ради случая,
По новой чарке выпили
И хором песню грянули
Про шелковую плеточку,
Про мужнину родню.

* * *

Мой постылый муж
Подымается:
За шелкову плеть
Принимается.

Х о р

Плетка свистнула,
Кровь пробрызнула...
Ах! лели! лели!
Кровь пробрызнула...

* * *

Свекру-батюшке
Поклонилася:
Свекор-батюшка,
Отними меня
От лиха-мужа,
Змея лютого!
Свекор-батюшка
Велит больше бить,
Велит кровь пролить...

Х о р

Плетка свистнула,
Кровь пробрызнула...
Ах! лели! лели!
Кровь пробрызнула...

* * *

Свекровь-матушке
Поклонилася:
Свекровь-матушка,
Отними меня
От лиха-мужа,
Змея лютого!
Свекровь-матушка
Велит больше бить,
Велит кровь пролить...

Х о р

Плетка свистнула,
Кровь пробрызнула...
Ах! лели! лели!
Кровь пробрызнула...

Филипп на Благовещенье
Ушел, а на Казанскую
Я сына родила.
Как писанный был Дёмушка!
Краса взята у солнышка,
У снегу белизна,
У маку губы алые,

Бровь черная у соболя,
У соболя сибирского,
У сокола глаза!
Весь гнев с души красавец мой
Согнал улыбкой ангельской,
Как солнышко весеннее
Сгоняет снег с полей...
Не стала я тревожиться,
Что ни велят — работаю,
Как ни бранят — молчу.

Да тут беда подсунулась:
Абрам Гордеич Ситников,
Господский управляющий,
Стал крепко докучать:
«Ты писаная кралечка,
Ты наливная ягодка...» —
«Отстань, бесстыдник! ягодка,
Да бору не того!»
Укланяла золовушку,
Сама нейду на барщину,
Так в избу прикатит!
В сарае, в риге спрячуся —
Свекровь оттуда вытащит:
«Эй, не шути с огнем!» —
«Гони его, родимая,
По шее!» — «А не хочешь ты
Солдаткой быть?» Я к дедушке:
— Что делать? Научи!

Из всей семейки мужчиной
Один Савелий, дедушка,

Родитель свекра-батюшки,
Жалел меня... Рассказывать
Про деда, молодцы?

«Вали всю подноготную!
Накинем по два снопика», —
Сказали мужики.

«Ну, то-то! речь особая.
Грех промолчать про дедушку,
Счастливец тоже был...

Г Л А В А ІІІ
С А В Е Л И Й,
Б О Г А Т Ы Р Ь С В Я Т О Р У С С К И Й

С большущей сивой гривой,
Чай, двадцать лет не стриженной,
С большущей бородой,
Дед на медведя смахивал,
Особенно как из лесу,
Согнувшись, выходил.
Дугой спина у дедушки.
Сначала все боялась я,
Как в низенькую горенку
Входил он: ну, распрямится?
Пробьет дыру, медведище,
В светелке головой!
Да распрямится дедушка
Не мог: ему уж стукнуло,
По сказкам, сто годов.
Дед жил в особой горнице,

Семейки недолюбивал,
В свой угол не пускал;
А та сердилась, лаялась,
Его «клейменым, каторжным»
Честил родной сынок.
Савелий не рассердится,
Уйдет в свою светелочку,
Читает святцы, крестится,
Да вдруг и скажет весело:
«Клейменный, да не раб!»...
А крепко досадят ему,
Подшутит: «Поглядите-тко,
К нам сваты!» Незамужняя
Золушка — к окну:
Ан вместо сватов — нищие!
Из оловянной пуговицы
Дед вылепил двугривенный,
Подбросил на полу —
Попался свекор-батюшка!
Не пьяный из питейного,
Побитый приплелся!
Сидят, молчат за ужином:
У свекра бровь рассечена,
У деда, словно радуга,
Усмешка на лице.

С весны до поздней осени
Дед брал грибы да ягоды,
Силочки становил
На глухарей, на рябчиков.
А зиму разговаривал
На печке сам с собой.

Имел слова любимые,
И выпускал их дедушка
По слову через час.

· · · · ·
«Погибшие... пропавшие...»

· · · · ·
«Эх вы, Аники-воины!
Со стариками, с бабами
Вам только воевать!»

· · · · ·
«Недотерпеть — пропавать,
Перетерпеть — пропавать!..»

· · · · ·
«Эх, доля святорусского
Богатыря сермяжного!
Всю жизнь его дерут,
Раздумается временем
О смерти — муки адские
В ту-светной жизни ждут».

· · · · ·
«Надумалась Корёжина,
Наддай! наддай! наддай!..»

· · · · ·
И много! да забыла я...
Как свекор развоюется,
Бежала я к нему.
Запремся. Я работаю,
А Дёма, словно яблочко
В вершине старой яблони,
У деда на плече
Сидит румяный, свеженький... .

Вот раз и говорю:
«За что тебя, Савельюшка,
Зовут клейменым, каторжным?» —

«Я каторжником был». —
«Ты, дедушка?» —

«Я, внученька!

Я в землю немца Фогеля
Христьяна Христианыча
Живого закопал...» —
«И полно! шутишь, дедушка!» —
«Нет, не шучу. Послушай-ка!»
И все мне рассказал.

«Во времена досюльные
Мы были тоже барские,
Да только ни помещиков,
Ни немцев-управителей
Не знали мы тогда.
Не правили мы барщины,
Оброков не платили мы,
А так, когда рассудится,
В три года раз пошлем».
— Да как же так, Савельюшка? —
«А были благодатные
Такие времена.
Недаром есть пословица,
Что нашей-то сторонушки
Три года черт искал:
Кругом леса дремучие,
Кругом болота топкие,

Ни конному проехать к нам,
Ни пешему пройти!
Помещик наш Шалашников
Через тропы звериные
С полком своим — военный был —
К нам достигнуться пробовал,
Да лыжи повернул!
К нам земская полиция
Не попадала по году, —
Вот были времена!
А нынче — барин под боком,
Дорога скатерть-скатертью...
ТЬфу! прах ее возьми!..
Нас только и тревожили
Медведи... да с медведями
Справлялись мы легко.
С ножищем да с рогатиной
Я сам страшной сохатого,
По заповедным тропочкам
Иду — «мой лес!» кричу.
Раз только испугался я,
Как наступил на сонную
Медведицу в лесу.
И то бежать не бросился,
А так всадил рогатину,
Что, словно как на вертеле
Цыпленок, завертелася,
И часу не жила!
Спина в то время хрустнула,
Побаливала изредка,
Покуда молод был,
А к старости согнулася

Не правда ли, Матренушка,
На очеп¹ я похож?»

— Ты начал, так досказывай!
Ну, жили — не тужили вы,
Что ж дальше, голова?

«По времени Шалашников
Удумал штуку новую,
Приходит к нам приказ:
«Явиться!» Не явились мы,
Притихли, не шелохнемся
В болотине своей.
Была засуха сильная,
Наехала полиция,
Мы дань ей — медом, рыбою!
Наехала опять,
Грозит с конвоем выправить,
Мы — шкурами звериными!
А в третий — мы ничем!
Обули лапти старые,
Надели шапки рваные,
Худые армяки —
И тронулась Корёжина!..
Пришли... (В губернском городе
Стоял с полком Шалашников.)
«Оброк!» — «Оброку нет!
Хлеба не уродились,
Снеточки не ловились...» —
«Оброк!» — «Оброку нет!»

¹ Деревенский колодец.

Не стал и разговаривать:
«Эй, перемена первая!» —
И начал нас пороть.

Туга мощна корёжская!
Да стоек и Шалашников:
Уж языки мешались,
Мозги уж потрясались
В головушках — дерет!
Укрепа богатырская,
Не розги!.. Делать нечего!
Кричим: постой, дай срок!
Онучи распороли мы
И барину «лобанчиков»¹
Полшапки поднесли.

Утих боец Шалашников!
Такого-то горчайшего
Поднес нам травнику,
Сам выпил с нами, чокнулся
С Корёгой покоренною:
«Ну, благо вы сдались! .
А то — вот бог — решился я
Содрать с вас шкуру начисто...
На барабан напялил бы
И подарил полку!
Ха-ха! ха-ха! ха-ха! ха-ха!
(Хохочет — рад придумочке)
Вот был бы барабан!»

¹ Полуимперналы.

Идем домой понурые...
Два старика кряжистые
Смеются... Ай, кряжи!
Бумажки сторублевые
Домой под подоплекою
Нетронуты несут!
Как уперлись: мы нищие,
Так тем и отбоярились!
Подумал я тогда:
Ну, ладно ж! черти сивые,
Вперед не доведется вам
Смеяться надо мной!
И прочим стало совестно,
На церковь побожились:
«Вперед не посрамымся мы,
Под розгами умрем!»

Понравились помещику
Корёжские лобанчики,
Что год — зовет... дерет...

Отменно драл Шалашников,
А не ахти великие
Доходы получал:
Сдавались люди слабые,
А сильные за вотчину
Стояли хорошо.
Я тоже перетерпывал,
Помалчивал, подумывал:
«Как ни дери, собачий сын,
А всей души не вышибешь,
Оставишь что-нибудь!»

Как примет дань Шалашников,
Уйдем — и за заставою
Поделим барыши:
«Что денег-то осталось!
Дурак же ты, Шалашников!»
И тешилась над барином
Корёга в свой черед!
Вот были люди гордые!
А нынче дай затрещину —
Исправнику, помещику
Тащат последний грош!

Зато купцами жили мы...

Подходит лето красное,
Ждем грамоты... Пришла...
А в ней уведомление,
Что господин Шалашников
Под Варною убит.
Жалеть не пожалели мы,
А пала дума на сердце:
«Приходит благоденствию
Крестьянскому конец!»
И точно, небывалое
Наследник средство выдумал:
К нам немца подослал.
Через леса дремучие,
Через болота топкие
Пешком пришел, шельмец!
Один как перст: фуражечка
Да тросточка, а в тросточке
Для уженья снаряд.

И был сначала тихонькой:
«Платите сколько можете». —
«Не можем ничего!» —
«Я барина уведомлю». —
«Уведомь!..» Тем и кончилось.
Стал жить да поживать;
Питался больше рыбою;
Сидит на речке с удочкой
Да сам себя то по носу,
То по лбу — бац да бац!
Смеялись мы: «Не любишь ты
Корёжского комарика...
Не любишь, немчура?..»
Катается по бережку,
Гогочет диким голосом,
Как в бане на полкё...

С ребятами, с девóчками
Сдружился, бродит по лесу...
Недаром он бродил!
«Коли платить не можете,
Работайте!» — «А в чем твоя
Работа?» — «Окопать
Канавками желательно
Болото...» Окопали мы...
«Теперь рубите лес...» —
«Ну, хорошо!..» Рубили мы,
А немчура показывал,
Где надобно рубить.
Глядим: выходит просека!
Как просеку прочистили,
К болоту поперечины

Велел по ней возить.
Ну, словом, спохватились мы,
Как уж дорогу сделали,
Что немец нас поймал!

Поехал в город парочкой!
Глядим, везет из города
Коробки, тюфяки;
Откудова ни взялися
У немца босоногого
Детишки и жена.
Повел хлеб-соль с исправником
И с прочей земской властью,
Гостишек полон двор!

И тут настала каторга
Корёжскому крестьянину —
До нитки разорил!
А драл... как сам Шалашников!
Да тот был прост: накинется
Со всей воинской силою,
Подумаешь: убьет!
А деньги сунь, отвалится,
Ни дать ни взять раздувшийся
В собачьем ухе клещ.
У немца хватка мертвая:
Пока не пустит по́ миру,
Не отойдя сосет!»

— Как вы терпели, дедушка? —
«А потому терпели мы,
Что мы — богатыри.

В том богатство русское.
Ты думаешь, Матренушка,
Мужик — не богатырь?
И жизнь его не ратная,
И смерть ему не писана
В бою — а богатырь!

Цепями руки кручены,
Железом ноги кованы,
Спина... леса дремучие
Прошли по ней — сломались.
А грудь? Илья-пророк
По ней гремит-катается
На колеснице огненной...
Все терпит богатырь!
И гнется, да не ломится,
Не ломится, не валится...
Ужли не богатырь?»

— Ты шутишь шутики, дедушка! —
Сказала я. — Такого-то
Богатыря могучего,
Чай, мыши заедят!

«Не знаю я, Матренушка.
Покамест тягу страшную
Поднять-то поднял он,
Да в землю сам ушел по грудь
С натуги! По лицу его
Не слезы — кровь течет!
Не знаю, не придумаю:
Что будет? Богу ведомо!

А про себя скажу:
Как выли вьюги зимние,
Как ныли кости старые,
Лежал я на печи;
Полеживал, подумывал:
Куда ты, сила, делася?
На что ты пригодилася? —
Под розгами, под палками
По мелочам ушла!»
— А что же немец, дедушка?
«А немец, как ни властвовал,
Да наши топоры
Лежали — до поры!

Осьмнадцать лет терпели мы.
Застроил немец фабрику,
Велел колодец рыть.
Вдвятером копали мы,
До полдня проработали,
Позавтракать хотим.
Приходит немец: «Только-то? ..»
И начал нас по-своему,
Не торопясь пилить.
Стояли мы голодные,
А немец нас поругивал,
Да в яму землю мокрую
Пошвыривал ногой.
Была уж яма добрая...
Случилось, я легонечко
Толкнул его плечом,
Потом другой толкнул его,
И третий... Мы посгрудились...

До ямы два шага...
Мы слова не промолвили,
Друг другу не глядели мы
В глаза... а всей гурьбой
Христьяна Христианыча
Поталкивали бережно
Всё к яме... всё на край...
И немец в яму бухнулся,
Кричит: веревку! лестницу!
Мы девятью лопатами
Ответили ему.
«Наддай! — я слово выронил —
Под слово люди русские
Работают дружной, —
Наддай! наддай!» Так на́ддали,
Что ямы словно не было —
Сровналася с землей!
Тут мы переглянулись...»

Остановился дедушка.

— Что ж дальше?

«Дальше: дрянь!
Кабак... острог в Буй-городе,
Там я учился грамоте,
Пока решили нас.
Решенье вышло: каторга
И плети предварительно;
Не выдрали — помазали,
Плохое там дранье!
Потом... бежал я с каторги...»

Поймали! Не погладили
И тут по голове.
Заводские начальники
По всей Сибири славятся —
Собаку съели драть.
Да нас дирал Шалашников
Больней — я не поморщился
С заводского дранья.
Тот мастер был — умел пороть!
Он так мне шкуру выделал,
Что носится сто лет.

А жизнь была нелегкая.
Лет двадцать строгой каторги,
Лет двадцать поселения.
Я денег прикопил,
По манифесту царскому
Попал опять на родину,
Пристроил эту горенку,
И здесь давно живу.
Покуда были денежки,
Любили деда, холили,
Теперь в глаза плюют!
Эх! вы, Аники-воины!
Со стариками, с бабами
Вам только воевать...»

Тут кончил речь Савельюшка...

«Ну, что ж? — сказали странники. —
Досказывай, хозяйюшка,
Свое житье-бытье!»

«Невесело досказывать.
Одной беды бог миловал:
Холерой умер Ситников, —
Другая подошла».

«Наддай!» — сказали странники
(Им слово полюбилось)
И выпили винца...

Г Л А В А IV Д Ё М У Ш К А

Зажгло грозою дерево,
А было соловьиное
На дереве гнездо.
Горит и стонет дерево,
Горят и стонут птенчики:
«Ой, матушка! где ты?
А ты бы нас похолила,
Пока не оперились мы:
Как крылья отрастим,
В долины, в рощи тихие
Мы сами улетим!»
Дотла сгорело дерево,
Дотла сгорели птенчики,
Тут прилетела мать.
Ни дерева... ни гнездышка...
Ни птенчиков!.. Поет-зовет...
Поет, рыдает, кружится,
Так быстро, быстро кружится,
Что крылышки свистят!..

Настала ночь, весь мир затих,
Одна рыдала пташечка,
Да мертвых не докликалась
До белого утра!..

Носила я Демидушку
По поженкам... лелеяла...
Да взъелася свекровь,
Как зыкнула, как рыкнула:
«Оставь его у дедушки,
Не много с ним нажнешь!»
Запугана, заругана,
Перечить не посмела я,
Оставила дитя.

Такая рожь богатая
В тот год у нас родилася,
Мы землю не ленясь
Удобрали, ухостили, —
Трудненько было пахарю,
Да весело жнее!
Снопамы нагружала я
Телегу со стропилами
И пела, молодцы.
(Телега нагружается
Всегда с веселой песнею,
А сани с горькой думою:
Телега хлеб домой везет,
А сани — на базар!)
Вдруг стоны я услышала:
Ползком ползет Савелий-дед,
Бледнешенек как смерть:

«Прости, прости, Матренушка! —
И повалился в ноженьки. —
Мой грех — недоглядел!..»

Ой, ласточка! ой, глупая!
Не вей гнезда под берегом,
Под берегом крутым!
Что день — то прибавляется
Вода в реке: зальет она
Детенышей твоих.
Ой, бедная молодушка!
Сноха в дому последняя,
Последняя раба!
Стерпи грозу великую,
Прими побои лишние,
А с глазу неразумного
Младенца не спускай!..

Заснул старик на солнышке,
Скормил свиньям Демидушку
Придурковатый дед!..
Я клубышком каталася,
Я червышком свивалася,
Звала, будила Дёмушку —
Да поздно было звать!..

Чу! конь стучит копытами,
Чу, сбруя золоченая
Звенит... еще беда!
Ребята испугались,
По избам разбежались,

У окон заметались
Старухи, старики.
Бежит деревней староста,
Стучит в окошки палочкой,
Бежит в поля, в луга.
Собрал народ: идут — кряхтят!
Беда! Господь прогневался,
Наслал гостей непрошенных,
Неправедных судей!
Знать, деньги издержались,
Сапожки притоптались,
Знать, голод разобрал!..

Молитвы Иисусовой
Не сотворив, уселися
У земского стола,
Налой и крест поставили,
Привел наш поп, отец Иван,
К присяге понятых.

Допрашивали дедушку,
Потом за мной десятника
Прислали. Становой
По горнице похаживал,
Как зверь в лесу порывивал...
«Эй! женка! состояла ты
С крестьянином Савелием
В сожительстве? Винись!»
Я шепотком ответила:
«Обидно, барин, шутите!
Жена я мужу честная,

А старику Савелию
Сто лет... Чай, знаешь сам?»
Как в стойле конь подкованный
Затопал; о кленовый стол
Ударил кулаком:
«Молчать! Не по согласью ли
С крестьянином Савелием
Убила ты дитя?..»
Владычица! что вздумали!
Чуть мироеда этого
Не назвала я нехристом,
Вся закипела я...
Да лекаря увидела:
Ножи, ланцеты, ножницы
Натачивал он тут.
Вздогнула я, одумалась.
«Нет, говорю, я Дёмушку
Любила, берегла...» —
«А зельем не поила ты?
А мышьяку не сыпала?» —
«Нет! сохрани господь!..» —
И тут я покорилася,
Я в ноги поклонилася:
«Будь жалостлив, будь добр!
Вели без поругания
Честнóму погребению
Ребеночка предать!
Я мать ему!..» Упросишь ли?
В груди у них нет душеньки,
В глазах у них нет совести,
На шее — нет креста!

Из тонкой из пеленочки
Повыкатали Дёмушку
И стали тело белое
Терзать и пластовать.
Тут свету я не взвидела, —
Металась и кричала я:
«Злодеи! палачи!
Падите мои слезоньки
Не на́ землю, не на́ воду,
Не на господень храм!
Падите прямо на́ сердце
Злодею моему!
Ты дай же, боже господи!
Чтоб тлен пришел на платьице,
Безумье на головушку
Злодея моего!
Жену ему неумную
Пошли, детей — юродивых!
Прими, услыши, господи,
Молитвы, слезы матери,
Злодея накажи!..»¹
— Никак, она помешана? —
Сказал начальник сотскому. —
Что ж ты не упредил?
Эй! не дури! связать велю!..

Присела я на лавочку.
Ослабла, вся дрожу.
Дрожу, гляжу на лекаря:
Рукавчики засучены,

¹ Взято почти буквально из народного причитанья.

Грудь фартуком завешена,
В одной руке — широкий нож,
В другой ручник — и кровь на нем,
А на носу очки!
Так тихо стало в горнице...
Начальничек помалчивал,
Поскрипывал пером,
Поп трубочкой попыхивал,
Не шелохнувшись, хмурые
Стояли мужики.
«Ножом в сердцах читаете», —
Сказал священник лекарю,
Когда злодей у Дёмушки
Сердечко распластал.
Тут я опять рванулася...
«Ну, так и есть — помешана!
Связать ее!» — десятнику
Начальник закричал.
Стал понятых опрашивать:
«В крестьянке Тимофеевой
И прежде помешательство
Вы примечали?» —

«Нет!»

Спросили свекра, деверя,
Свекровушку, золовушку:

«Не примечали, нет!»

Спросили деда старого:

«Не примечал! ровна была...
Одно: к начальству кликнули,

Пошла... а ни целковика,
Ни новины, пропащая,
С собой и не взяла!»

Заплакал нáвзрыд дедушка.
Начальничек нахмурился,
Ни слова не сказал.
И тут я спохватилася!
Прогневался бог: разуму
Лишил! Была готовая
В коробке новина!
Да поздно было каяться.
В моих глазах по косточкам
Изрезал лекарь Дёмушку,
Цыновочкой прикрыл.
Я словно деревянная
Вдруг стала: загляделась я,
Как лекарь руки мыл,
Как водку пил. Священнику
Сказал: прошу покорнейше!
А поп ему: «Что просите?
Без прутика, без кнутика
Все ходим, люди грешные,
На этот водопой!»

Крестьяне настоялися,
Крестьяне надрожалися.
(Откуда только бралися
У коршуна налетного
Корыстные дела!)
Без церкви намолилися,
Без образа накланялися!

Как вихорь налетал —
Рвал бороды начальничек,
Как лютый зверь наскакивал —
Ломал перстни злаченные...
Потом он кушать стал.
Пил-ел, с попом беседовал.
Я слышала, как шепотом
Поп плакался ему:
«У нас народ — всё голь да пьянь,
За свадьбу, за исповедь
Должают по годам.
Несут гроши последние
В кабак! А благочинному
Одни грехи тащат!»
Потом я песни слышала,
Всё голоса знакомые,
Девичьи голоса:
Наташа, Глаша, Дарьюшка...
Чу! пляска! чу! гармония!..
И вдруг затихло все...
Заснула, видно, что ли, я?..
Легко вдруг стало: чудилось,
Что кто-то наклоняется
И шепчет надо мной:
«Усни, многокручинная!
Усни, многострадальная!»
И крестит... С рук скатились
Веревки... Я не помнила
Потом уж ничего... .

Очнулась я. Темно кругом,
Гляжу в окно — глухая ночь!

Да где же я? да что со мной?
Не помню, хоть убей!
Я выбралась на улицу —
Пуста. На небо глянула —
Ни месяца, ни звезд.
Сплошная туча черная
Висела над деревнею,
Темны дома крестьянские,
Одна пристройка дедова
Сияла, как чертог.
Вошла — и все я вспомнила:
Свечами воску ярого
Обставлен, среди горенки
Дубовый стол стоял,
На нем гробочек крохотный,
Прикрыт камчатной скатертью,
Икона в головах...
«Ой, плотнички-работнички!
Какой вы дом построили
Сыночку моему?
Окошки не прорублены,
Стеколышки не вставлены,
Ни печи, ни скамьи!
Пуховой нет перинушки...
Ой, жестко будет Дёмушке,
Ой, страшно будет спать!..»

«Уйди!..» — вдруг закричала я,
Увидела я дедушку:
В очках, с раскрытой книгою
Стоял он перед гробиком,
Над Дёмою читал.

Я старика столетнего
Звала клейменым, каторжным.
Гневна, грозна, кричала я:
«Уйди! Убил ты Дёмушку!
Будь проклят ты... уйди!..»

Старик ни с места. Крестится,
Читает... Уходилась я,
Тут дедко подошел:
«Зимой тебе, Матренушка,
Я жизнь мою рассказывал,
Да рассказал не все:
Леса у нас угрюмые,
Озера нелюдимые,
Народ у нас дикарь.
Суровы наши промыслы:
Дави тетерю петлею,
Медведя режь рогатиной,
Сплошаешь — сам пропал!
А господин Шалашников
С своей воинской силою?
А немец-душегуб?
Потом острог да каторга...
Окаменел я, внученька,
Лютее зверя был.
Сто лет зима бессменная
Стояла. Растопил ее
Твой Дёма-богатырь!
Однажды я качал его,
Вдруг улыбнулся Дёмушка...
И я ему в ответ!
Со мною чудо сталося:

Третьеводни прицелился
Я в белку: на суку
Качалась белка... лапочкой,
Как кошка, умывалась...
Не выпалил: живи!
Брожу по рощам, по лугу,
Любуюсь каждым цветиком.
Иду домой, опять
Смеюсь, играю с Дёмушкой...
Бог видит, как я милого
Младенца полюбил!
И я же, по грехам моим,
Сгубил дитя невинное...
Кори, казни меня!
А с богом спорить нечего.
Стань! помолись за Дёмушку!
Бог знает, что творит:
Сладка ли жизнь крестьянина?»

И долго, долго дедушка
О горькой доле пахаря
С тоскою говорил...
Случись купцы московские,
Вельможи государевы,
Сам царь случись: не надо бы
Ладнее говорить!

«Теперь в раю твой Дёмушка,
Легко ему, светло ему...»

Заплакал старый дед.

«Я не ропщу, — сказала я, —
Что бог прибрал младенчика,
А больно то, зачем они
Ругались над ним?
Зачем, как черны вóроны,
На части тело белое
Терзали? .. Неужли
Ни бог, ни царь не вступится? ..» —
«Высоко бог, далеко царь. ..» —
«Нужды нет: я дойду!» —
«Ах! что ты? что ты, внученька? ..
Терпи, многокручинная!
Терпи, многострадальная!
Нам правды не найти». —
«Да почему же, дедушка?» —
«Ты — крепостная женщина!» —
Савельюшка сказал.

Я долго, горько думала...
Гром грянул, окна дрогнули,
И я вздрогнула... К гробику
Подвел меня старик:
«Молись, чтоб к лику ангелов
Господь причислил Дёмушку!»
И дал мне в руки дедушка
Горящую свечу.

Всю ночь до свету белого
Молилась я, а дедушка
Протяжным, ровным голосом
Над Дёмою читал...

ГЛАВА V
ВОЛЧИЦА

Уж двадцать лет как Дёмушка
Дерновым одеялечком
Прикрыт, — всё жаль сердечного!
Молюсь о нем, в рот яблока
До Спаса не беру.¹
Не скоро я оправилась.
Ни с кем не говорила я,
А старика Савелия
Я видеть не могла.
Работать не работала.
Надумал свекор-батюшка
Вожжами поучить,
Так я ему ответила:
«Убей!» Я в ноги кланялась:
«Убей! один конец!»
Повесил вожжи батюшка.
На Дёминой могилочке
Я день и ночь жила.
Платочком обметала я
Могилу, чтобы травушкой
Скорее поросла,
Молилась за покойничка,
Тужила по родителям:
Забыли дочь свою!
Собак моих боитесь?

¹ Примета: если мать умершего младенца станет есть яблоки до Спаса (когда они поспевают), то бог, в наказание, не даст на том свете ее умершему младенцу «яблочка поиграть».

Семьи моей стыдитесь?
— Ах нет, родная, нет!
Собак твоих не боязно,
Семьи твоей не совестно,
А ехать сорок верст
Свои беды рассказывать,
Твои беды выпрашивать
Жаль бурушку гонять!
Давно бы мы приехали,
Да ты мы думу думали:
Приедем — ты расплачешься,
Уедем — заревешь!

Пришла зима: кручиною
Я с мужем поделилася,
В Савельевой пристроечке
Тужили мы вдвоем.

«Что ж, умер, что ли, дедушка?»

Нет. Он в своей коморочке
Шесть дней лежал безвыходно,
Потом ушел в леса,
Так пел, так плакал дедушка,
Что лес стонал! А осенью
Ушел на покаяние
В Песочный монастырь.

У батюшки, у матушки
С Филиппом побывала я,
За дело принялась.

Три года, так считаю я,
Неделя за неделю,
Одним порядком шли;
Что год, то дети: некогда
Ни думать, ни печалиться,
Дай бог с работой справиться
Да лоб перекрестить.
Поешь — когда останется
От старших да от деточек,
Уснешь — когда больна...
А на четвертый новое
Подкралось горе лютое —
К кому оно привяжется,
До смерти не избыть!

Впереди летит — ясным соколом,
Позади летит — черным вороном,
Впереди летит — не укатится,
Позади летит — не останется...

Лишилась я родителей...
Слыхали ночи темные,
Слыхали ветры буйные
Сиротскую печаль,
А вам нет нужды сказывать...
На Дёмину могилочку
Поплакать я пошла.
Гляжу: могилка прибрана,
На деревянном крестике
Складная, золоченая
Икона. Перед ней
Я старца распростертого

Увидела. — Савельюшка!
Откуда ты взялся?

«Пришел я из Песочного...
Молюсь за Дёму бедного,
За все страдное русское
Крестьянство я молюсь!
Еще молюсь (не образу
Теперь Савелий кланялся),
Чтоб сердце гневной матери
Смягчил господь... Прости!» —

«Давно простила, дедушка!»

Вздыхнул Савелий... «Внученька!
А, внученька!» — «Что, дедушка?» —
«Попрежнему взгляни!»

Взглянула я попережнему.

Савельюшка засматривал
Мне в очи; спину старую
Пытался разогнуть.
Совсем стал белый дедушка.
Я обняла старинушку,
И долго у креста
Сидели мы и плакали.
Я деду горе новое
Поведала свое...

Недолго прожил дедушка.
По осени у старого

Какая-то глубокая
На шее рана сделалась,
Он трудно умирал:
Сто дней не ел; хирел да сох,
Сам над собой подтрунивал:
«Не правда ли, Матренушка,
На комара корёжского,
Костлявый, я похож?»
То добрый был, сговорчивый,
То злился, привередничал,
Пугал нас: «Не паши,
Не сей, крестьянин! Сгорбившись
За пряжей, за полотнами,
Крестьянка, не сиди!
Как вы ни бейтесь, глупые,
Что на роду написано,
Того не миновать!
Мужчинам три дороженьки:
Кабак, острог да каторга,
А бабам на Руси
Три петли: шелку белого,
Вторая — шелку красного,
А третья — шелку черного,
Любую выбирай!..
В любую полезай!..»
Так засмеялся дедушка,
Что все в коморке вздрогнули, —
И к ночи умер он.
Как приказал — исполнили:
Зарыли рядом с Дёмою...
Он жил сто семь годов.

Четыре года тихие,
Как близнецы похожие,
Прошли потом... Всему
Я покорилась: первая
С постели Тимофеевна,
Последняя — в постель;
За всех, про всех работаю, —
С свекрови, с свекра пьяного,
С золовушки бракованной¹
Снимаю сапоги...
Лишь деточек не трогайте!
За них горой стояла я...
Случилось, молодцы,
Зашла к нам богомолочка;
Сладкоречивой странницы
Заслушивались мы;
Спасаться, жить по-божески
Учила нас угодница,
По праздникам к заутрени
Будила... а потом
Потребовала странница,
Чтоб грудью не кормили мы
Детей по постным дням.
Село переполóшилось!
Голодные младенчики
По середам, по пятницам
Кричат! Иная мать
Сама над сыном плачущим
Слезами заливаётся:

¹ Если младшая сестра выйдет замуж ранее старшей, то последняя называется бракованной.

И бога-то ей боязно,
И дитятка-то жаль!
Я только не послушалась,
Судила я по-своему:
Коли терпеть, так матери,
Я перед богом грешница,
А не дитя мое!

Да, видно, бог прогневался.
Как восемь лет исполнилось
Сыночку моему,
В подпаски свекор сдал его.
Однажды жду Федотушку —
Скотина уж пригналася —
На улицу иду.
Там видимо-невидимо
Народу! Я прислушалась
И бросилась в толпу.
Гляжу, Федота бледного
Силантий держит за ухо.
«Что держишь ты его?» —
«Посечь хотим маненичко:
Овечками прикармливать
Надумал он волков!»
Я вырвала Федотушку
Да с ног Силантья-старосту
И сбила невзначай.

Случилось дело дивное:
Пастух ушел; Федотушка
При стаде был один.

«Сижу я, — так рассказывал
Сынок мой, — на пригорочке,
Откуда ни возьмись
Волчица преогромная
И хватъ овечку Марьину!
Пустился я за ней,
Кричу, кнутищем хлопаю,
Свищу Валетку, уськаю...
Я бегать молодец,
Да где бы окаянную
Нагнать, кабы не щённая:
У ней сосцы волочились,
Кровавым следом, матушка,
За нею я гнался!

Пошла потише серая,
Идет, идет — оглянется,
А я как припущу!
И села... Я кнутом ее:
«Отдай овцу, проклятая!»
Не отдает, сидит...
Я не сробел: «Так вырву же,
Хоть умереть!..» И бросился,
И вырвал... Ничего —
Не укусила серая!
Сама едва живехонька,
Зубами только шелкает
Да дышит тяжело.
Под ней река кровавая,
Сосцы травой изрезаны,
Все ребра на счету,
Глядит, поднявши голову,

Мне в очи... и завыла вдруг!
Завыла, как заплакала.
Пощупал я овцу:
Овца была уж мертвая...
Волчица так ли жалобно
Глядела, выла... Матушка!
Я бросил ей овцу!..»

Так вот что с парнем сталося.
Пришел в село, да, глупенький,
Все сам и рассказал,
За то и сечь надумали.
Да благо подоспела я...
Силантий осерчал,
Кричит: «Чего толкаешься?
Самой под розги хочется?»
А Марья, та свое:
«Дай, пусть проучат глупого!»
И рвет из рук Федотушку.
Федот как лист дрожит.

Трубят рога охотничьи,
Помещик возвращается
С охоты. Я к нему:
«Не выдай! Будь заступником!» —
«В чем дело?» Кликнул старосту
И мигом порешил:
«Подпaska малолетнего
По младости, по глупости
Простить... а бабу дерзкую
Примерно наказать!»

«Ай, барин! — Я подпрыгнула. —
Освободил Федотушку!
Иди домой, Федот!»

— Исполним повеленное! —
Сказал мирянам староста. —
Эй! погоди плясать!

Соседка тут подсунулась.
— А ты бы в ноги старосте. . .

«Иди домой, Федот!»

Я мальчика погладила:
«Смотри, коли оглянешься,
Я осержусь. . . Иди!»

Из песни слово выкинуть,
Так песня вся нарушится.
Легла я, молодцы. . .

.

В Федотову коморочку,
Как кошка, я прокралася:
Спит мальчик, бредит, мечется;
Одна ручонка свесилась,
Другая на глазу
Лежит, в кулак зажатая:
Ты плакал, что ли, бедненький?
Спи. Ничего. Я тут!
Тужила я по Дёмушке,
Как им была беременна, —
Слабенец родился,

Однако вышел умница:
На фабрике Алферова
Трубу такую вывели
С родителем, что страсть!
Всю ночь над ним сидела я,
Я пастушка любезного
До солнца подняла,
Сама обула в лапотки,
Перекрестила; шапочку,
Рожок и кнут дала.
Проснулась вся семеюшка,
Да я не показалась ей,
На пожню не пошла.

Я пошла на речку быструю,
Избрала я место тихое
У ракитова куста.
Села я на серый камушек,
Подперла рукой головушку,
Зарыдала, сирота!

Громко я звала родителя:
Ты приди, заступник батюшка!
Посмотри на дочь любимую...
Понапрасну я звала.
Нет великой оборонушки!
Рано гостя бесподсудная,
Бесплемянная, безродная,
Смерть родного унесла!

Громко кликала я матушку.
Отзывались ветры буйные,

Откликались горы дальние,
А родная не пришла!
День денна́ моя печальница,
В ночь — ночная богомолица!
Никогда тебя, желанная,
Не увижу я теперь!
Ты ушла в бесповоротную,
Незнакомую дороженьку,
Куда ветер не доносится,
Не дорыскивает зверь...

Нет великой оборонушки!
Кабы знали вы да ведали,
На кого вы дочь покинули,
Что без вас я выношу?
Ночь — слезами обливаюся,
День — как травка пристилаюся...
Я потупленную голову,
Сердце гневное ношу!..

ГЛАВА VI ТРУДНЫЙ ГОД

В тот год необычайная
Звезда играла на небе;
Одни судили так:
Господь по небу шествует,
И ангелы его
Метут метлою огненной¹
Перед стопами божьими

¹ Комета.

В небесном поле путь;
Другие то же думали,
Да только на Антихриста,
И чужали беду.
Сбылось: пришла бесхлебица!
Брат брату не уламывал
Куска! Был страшный год...
Волчицу ту Федотову
Я вспомнила — голодную,
Похожа с ребятишками
Я на нее была!
Да тут еще свекровушка
Приметой прислужилась,
Соседкам наплела,
Что я беду накликкала,
А чем? *Рубаху чистую*
*Надела в Рождество.*¹
За мужем за заступником
Я дешево отделалась;
А женщину одну
Никак за то же самое
Убили насмерть кольями.
С голодным не шути!..

Одной бедой не кончилось:
Чуть справились с бесхлебицей —
Рекрутчина пришла.
Да я не беспокоилась:
Уж за семью Филиппову
В солдаты брат ушел.

¹ Примета: не надевай чистую рубаху в Рождество, не то жди неурожая. (Есть у Даля.)

Сижу одна, работаю,
И муж и оба деверя
Уехали с утра;
На сходку свекор-батюшка
Отправился, а женщины
К соседкам разбрелись.
Мне крепко нездоровилось,
Была я Лиодорушкой
Беременна: последние
Дохаживала дни.
Управившись с ребятами,
В большой избе под шубою
На печку я легла.
Вернулись бабы к вечеру,
Нет только свекра-батюшки,
Ждут ужинать его.
Пришел: «Ох-ох! умаялся,
А дело не поправилось,
Пропали мы, жена!
Где видано, где слыхано:
Давно ли взяли старшего,
Теперь меньшого дай!
Я по годам высчитывал,
Я миру в ноги кланялся,
Да мир у нас какой?
Просил бурмистра: божится,
Что жаль, да делать нечего!
И писаря просил,
Да правды из мошенника
И топором не вырубись,
Что тени из стены!
Задарен... все задарены...

Сказать бы губернатору,
Так он бы задал им!
Всего и попросить-то бы,
Чтоб он по нашей волости
Очередные росписи
Поверить повелел.
Да сунься-ка!..» Заплакали
Свекровушка, золовушка,
А я... То было холодно,
Теперь огнем горю!
Горю... Бог весть, что думаю...
Не дума... бред... Голодные
Стоят сиротки-деточки
Передо мной... Неласково
Глядит на них семья,
Они в дому шумливые,
На улице драчливые,
Обжоры за столом...
И стали их пощипывать,
В головку поколачивать...
Молчи, солдатка-мать!

.
Теперь уж я не дольщица
Участку деревенскому,
Хоромному строеньицу,
Одѣже и скоту.
Теперь одно богатство:
Три озера наплакано
Горючих слез, засеяно
Три полосы бедой!

.

Теперь как виноватая
Стою перед соседями:
Простите! я была
Спесива, непоклончива,
Не чаяла я, глупая,
Остаться сиротой...
Простите, люди добрые,
Учите уму-разуму.
Как жить самой? Как деточек
Поить, кормить, растить?..

.
Послала деток по миру:
Просите, детки, ласкою,
Не смейте вороваты!
А дети в слезы: «Холодно!
На нас одёжа рваная,
С крылечка на крылечко-то
Устанем мы ступать,
Под окнами натопчемся,
Иззябнем... У богатого
Нам боязно просить;
«Бог даст!» — ответят бедные...
Ни с чем домой воротимся —
Ты станешь нас бранить!..»

.
Собрала ужин; матушку
Зову, золовок, деверя,
Сама стою голодная
У двери, как раба.
Свекровь кричит: «Лукавая!
В постель скорей торопишься?»
А деверь говорит:

«Не много ты работала!
Весь день за деревяночкой
Стояла: дожидалася,
Как солнышко зайдет!»

.
Получше нарядилась я,
Пошла я в церковь божию —
Смех слышу за собой!

.
Хорошо не одевайся,
Добела не умывайся,
У соседок очи зорки,
Востры языки!
Ходи улицей потише,
Носи голову пониже,
Коли весело — не смейся,
Не поплачь с тоски!

.
Пришла зима бессменная,
Поля, луга зеленые
Попрятались под снег.
На белом, снежном саване
Ни талой нет талиночки —
Нет у солдатки-матери
Во всем миру дружка!
С кем думушку подумати?
С кем словом перемолвиться?
Как справиться с убожеством?
Куда обиду сбыть?
В леса — леса повяли бы,
В луга — луга сгорели бы!

Во быстрюю реку?
Вода бы остоялася!
Носи, солдатка бедная,
С собой ее по гроб!

.
Нет мужа, нет заступника!
Чу, барабан! Солдатики
Идут... Остановились...
Построились в ряды.
«Живей!» Филиппа вывели
На середину площади:
«Эй! перемена первая!» —
Шалашников кричит.
Упал Филипп: «Помилуйте!» —
«А ты попробуй! слюбится!
Ха-ха! ха-ха! ха-ха! ха-ха!
Укрепа богатырская,
Не розги у меня!..»

.
И тут я с печи спрыгнула,
Обулась. Долго слушала —
Все тихо, спит семья!
Чуть-чуть я дверью скрипнула
И вышла. Ночь морозная...
Из Домниной избы,
Где парни деревенские
И девки собиралися,
Гремела песня складная,
Любимая моя...

«На горе стоит елочка,
Под горою светелочка,

Во светелочке Машенька.
Приходил к ней батюшка,
Будил ее, побуживал:
Ты, Машенька, пойдем домой!
Ты, Ефимовна, пойдем домой!

Я нейду и не слушаю:
Ночь темна и немесячна,
Реки быстры, перевозов нет,
Леса темны, караулов нет...

На горе стоит елочка,
Под горою светелочка,
Во светелочке Машенька.
Приходила к ней матушка,
Будила, побуживала:
Машенька, пойдем домой!
Ефимовна, пойдем домой!

Я нейду и не слушаю:
Ночь темна и немесячна,
Реки быстры, перевозов нет,
Леса темны, караулов нет...

На горе стоит елочка,
Под горою светелочка,
Во светелочке Машенька.
Приходил к ней Петр,
Петр, сударь Петрович,
Будил ее, побуживал:
Машенька, пойдем домой!
Душа Ефимовна, пойдем домой!

Я иду, сударь, и слушаю:
Ночь светла и месячна,
Реки тихи, перевозки есть,
Леса темны, караулы есть».

ГЛАВА VII
ГУБЕРНАТОРША

Почти бегом бежала я
Через деревню — чудилось,
Что с песней парни гонятся
И девицы за мной.
За Клином огляделась я:
Равнина белоснежная,
Да небо с ясным месяцем,
Да я, да тень моя...
Не жутко и не боязно
Вдруг стало, — словно радостью
Так и взмывало грудь...
Спасибо ветру зимнему!
Он, как водой студеною,
Больную напоил:
Обвеял буйну голову,
Рассеял думы черные,
Рассудок воротил.
Упала на колени я:
«Открой мне, мать божия,
Чем бога прогневила я?
Владычица! во мне
Нет косточки неломаной,
Нет жилочки нетянутой,
Кровинки нет непорченной —
Терплю и не ропщу!
Всю силу, богом данную,
В работу полагаю я,
Всю в деточек любовь!
Ты видишь все, владычица,

Ты можешь все, заступница!
Спаси рабу свою!..»

Молиться в ночь морозную
Под звездным небом Божиим
Люблю я с той поры.
Беда пристигнет — вспомните
И женам посоветуйте:
Усердней не помолишься
Нигде и никогда.
Чем больше я молилася,
Тем легче становилось;
И силы прибавлялось,
Чем чаще я касалась
До белой, снежной скатерти
Горящей головой... .

Потом — в дорогу тронулась,
Знакомая дороженька!
Езжала я по ней.
Поедешь ранним вечером,
Так утром вместе с солнышком
Поспеешь на базар.
Всю ночь я шла, не встретила
Живой души, под городом
Обозы начались,
Высокие, высокие
Возы сенца крестьянского, —
Жалела я коней:
Свои кормы законные
Везут с двора, сердечные,
Чтоб после голодать.

И так-то все, я думала:
Рабочий конь солому ест,
А пустопляс — овес!
Нужда с кулем тащилася, —
Мучица, чай, не лишняя,
Да подати не ждут!
С посада подгородного
Торговцы-колотырники
Бежали к мужикам;
Божба, обман, ругательство!

Ударили к заутрени,
Как в город я вошла.
Ищу соборной площади,
Я знала: губернаторский
Дворец на площадѣ.
Темна, пуста площадочка,
Перед дворцом начальника
Шагает часовой.

«Скажи, служивый, рано ли
Начальник просыпается?» —
«Не знаю. Ты иди,
Нам говорить не велено
(Дала ему двугривенный),
На то у губернатора
Особый есть швейцар». —
«А где он? как назвать его?» —
«Макаром Федосеичем...
На лестницу поди!»
Пошла, да двери заперты.

Присела я, задумалась,
Уж начало светать.
Пришел фонарщик с лестницей,
Два тусклые фонарика
На площади задул.

«Эй! что ты тут расселась?»

Вскочила, испугалась я:
В дверях стоял в халатике
Плешивый человек.
Скоренько я целковенькой
Макару Федосеичу
С поклоном подала:
«Такая есть великая
Нужда до губернатора,
Хоть умереть — дойти!» —

«Пускать-то вас не велено,
Да... ничего! .. толкнись-ка ты
Так... через два часа...»

Ушла. Бреду тихохонько...
Стоит из меди кованный,
Точь-в-точь Савелий-дедушка,
Мужик на площадѣ.
«Чей памятник?» — «Сусанина».
Я перед ним помешкала,
На рынок побрела.
Там крепко испугалась я,

Чего? Вы не поверите,
Коли сказать теперь:
У поваренка вырвался
Матерый серый селезень,
Стал парень догонять его,
А он как закричит!
Такой был крик, что за душу
Хватил — чуть не упала я,
Так под ножом кричат!
Поймали! Шею вытянул
И зашипел с угрозою,
Как будто думал повара,
Бедняга, испугать.
Я прочь бежала, думала:
Утихнет серый селезень
Под поварским ножом!

Теперь дворец начальника
С балконом, с башней, с лестницей,
Ковром богатым устланной,
Весь стал передо мной.
На окна поглядела я:
Завешены. «В котором-то
Твоя опочиваленка?
Ты сладко ль спишь, желанный мой,
Какие видишь сны?..»

Сторонкой, не по коврику,
Прокралась я в швейцарскую.

«Раненько ты, кума!»

Опять я испугалась,
Макара Федосеича
Я не узнала: выбрился,
Надел ливрею шитую,
Взял в руки булаву,
Как не бывало лысины.
Смеется. «Что ты вздрогнула?» —
«Устала я, родной!» —

«А ты не трусы! Бог милостив!
Ты дай еще целковенькой,
Увидишь — удружу!»

Дала еще целковенькой.
«Пойдем в мою коморочку,
Попьешь пока чайку!»

Коморочка под лестницей:
Кровать да печь железная,
Шандал да самовар.
В углу лампадка теплится,
А по стене картиночки.
«Вот он! — сказал Макар. —
Его превосходительство!»
И щелкнул пальцем бравого
Военного в звездах.

«Да добрый ли?» — спросила я.
«Как стих найдет! Сегодня вот
Я тоже добр, а временем —
Как пес бываю зол». —

«Скучаешь, видно, дяденька?» —
«Нет, тут статья особая,
Не скука тут — война!
И Сам и люди вечером
Уйдут, а к Федосеичу
В коморку враг: поборемся!
Борюсь я десять лет.
Как выпьешь рюмку лишнюю,
Махорки как накуришься,
Как эта печь накалится
Да свечка нагорит —
Так тут устой!..»

Я вспомнила
Про богатырство дедово:
«Ты, дядюшка, — сказала я, —
Должно быть, богатырь». —
«Не богатырь я, милая,
А силой тот не хвастайся,
Кто сна не поборал!»

В коморку постучались,
Макар ушел... Сидела я.
Ждала, ждала, соскучилась,
Приотворила дверь.
К крыльцу карету подали.
«Сам едет?» — «Губернаторша!» —
Ответил мне Макар
И бросился на лестницу.
По лестнице спускалася
В собольей шубе барыня,
Чиновничек при ней.

Не знала я, что делала
(Да, видно, надоумила
Владычица!)... Как брошусь я
Ей в ноги: «Заступись!
Обманом, не по-божески
Кормильца и родителя
У деточек берут!» —
«Откуда ты, голубушка?»

Впопад ли я ответила —
Не знаю... Мұка смертная
Под сердце подошла...

Очнулась я, молодчики,
В богатой, светлой горнице,
Под пологом лежу;
Против меня — кормилица,
Нарядная, в кокошнике,
С ребеночком сидит:
«Чье дитяtko, красавица?» —
«Твое!» Поцеловала я
Рожoное дитя..

Как в ноги губернаторше
Я пала, как заплакала,
Как стала говорить,
Сказалась усталъ долгая,
Истома непомерная,
Упередилось времечко —
Пришла моя пора!
Спасибо губернаторше,

Елене Александровне,
Я столько благодарна ей,
Как матери родной!
Сама крестила мальчика
И имя Лиодорушка
Младенцу избрала...

«А что же с мужем сталося?» —

«Послали в Клин нарочного,
Всю истину довели —
Филиппушку спасли.
Елена Александровна
Ко мне его, голубчика,
Сама — дай бог ей счастье! —
За ручку подвела.
Добра была, умна была,
Красивая, здоровая,
А деток не дал бог!
Пока у ней гостила я,
Все время с Лиодорушкой
Носилась как с родным.

Весна уж начиналася,
Березка распускалася,
Как мы домой пошли...

Хорошо, светло
В мире божием!
Хорошо, легко,
Ясно на сердце.

Мы идем, идем —
Остановимся,
На леса, луга
Полюбуемся,
Полюбуемся
Да послушаем,
Как шумят-бегут
Воды вешние,
Как поет-звенит
Жавороночек!
Мы стоим, глядим...
Очи встретятся —
Усмехнемся мы,
Усмехнется нам
Лиодорушка.

А увидим мы
Старца нищего,
Подадим ему
Мы копеечку:
«Не за нас молись, —
Скажем старому, —
Ты молись, старик,
За Еленушку,
За красавицу
Александровну!»

А увидим мы
Церковь божию,
Перед церковью
Долго крестимся:

«Дай ей, господи,
Радость-счастье,
Доброй душеньке
Александровне!»

Зеленеет лес,
Зеленеет луг,
Где низиночка —
Там и зеркало!
Хорошо, светло
В мире божием,
Хорошо, легко,
Ясно на сердце.
По водам плыву
Белым лебедем,
По степям бегу —
Перепелочкой.

Прилетела в дом
Сизым голубем...
Поклонился мне
Свекор-батюшка;
Поклонилась
Мать-свекровушка,
Деверья, зятя
Поклонились,
Поклонились,
Повинились!
Вы садитесь-ка,
Вы не кланяйтесь,
Вы послушайте,
Что скажу я вам:

Тому кланяться,
Кто сильнее меня;
Кто добрей меня,
Тому славу петь.
Кому славу петь?
Губернаторше!
Доброй душеньке
Александровне!»

ГЛАВА VIII
БАБЬЯ ПРИТЧА

Замолкла Тимофеевна.
Конечно, наши странники
Не пропустили случая
За здравье губернаторши
По чарке осушить.
И видя, что хозяйюшка
К стогу приклонилася,
К ней подошли гуськом:
«Что ж дальше?» —

«Сами знаете:

Ославили счастливицей,
Прозвали губернаторшей
Матрену с той поры...
Что дальше? Домом правлю я,
Ращу детей... На радость ли?
Вам тоже надо знать.
Пять сыновей! Крестьянские
Порядки нескончаемы —
Уж взяли одного!»

Красивыми ресницами
Моргнула Тимофеевна,
Поспешно приклонилась
Ко стогу головой.
Крестьяне мялись, мешкали,
Шептались. «Ну, хозяйюшка!
Что скажешь нам еще?»

«А то, что вы затеяли
Не дело — между бабами
Счастливую искать!..» —

«Да все ли рассказала ты?» —

«Чего же вам еще?
Не то ли вам рассказывать,
Что дважды погорели мы,
Что бог сибирской язвою
Нас трижды посетил?
Потуги лошадиные
Несли мы; погуляла я,
Как мерин, в бороне!»

Ногами я не топтана,
Веревками не вязана,
Иголками не колота...
Чего же вам еще?
Сулилась душу выложить,
Да, видно, не сумела я, —
Простите, молодцы!
Не горы с места сдвинулись,

Упали на головушку,
Не бог стрелой громовою
Во гневе грудь пронзил,
По мне — тиха, невидима —
Прошла гроза душевная,
Покажешь ли ее?
По матери поруганной,
Как по змее растоптанной,
Кровь первенца прошла,
По мне обиды смертные
Прошли неотплаченные,
И плеть по мне прошла!
Я только не отведала —
Спасибо! умер Ситников —
Стыда неискупимого,
Последнего стыда!
А вы — за счастьем сунулись!
Обидно, молодцы!
Идите вы к чиновнику,
К вельможному боярину,
Идите вы к царю,
А женщин вы не трогайте,
Вот бог! ни с чем проходите
До гробовой доски!
К нам на ночь попросилася
Одна старушка божия:
Вся жизнь убогой старицы —
Убийство плоти, пост;
У гроба Иисусова
Молилась, на Афонские
Всходила высоты,
В Иордань-реке купалася...

И та святая старица
Рассказывала мне:
«Ключи от счастья женского,
От нашей вольной волюшки
Заброшены, потеряны
У бога самого!
Отцы-пустынножители,
И жены непорочные,
И книжники-начетчики
Их ищут — не найдут!
Пропали! думать надобно,
Сглотнула рыба их...
В веригах, изможденные,
Голодные, холодные,
Прошли господни ратники
Пустыни, города,
И у волхвов выпрашивать
И по звездám высчитывать
Пытались — нет ключей!
Весь божий мир извели,
В горах, в подземных пропастях
Искали. . . Наконец
Нашли ключи сподвижники!
Ключи неоценимые,
А всё — не те ключи!
Пришлись они — великое
Избранным людям божим
То было торжество, —
Пришлись к рабам-невольникам:
Темницы растворились,
По миру вздох прошел,
Такой ли громкий, радостный!..

А к нашей женской волюшке
Все нет и нет ключей!
Великие подвижники
И по сей день стараются —
На дно морей спускаются,
Под небо поднимаются, —
Все нет и нет ключей!
Да вряд они и сыщутся...
Какою рыбой сглонуты
Ключи те заповедные,
В каких морях та рыба
Гуляет — бог забыл! . . .»

ПОСЛЕДЫШ
(ИЗ ВТОРОЙ ЧАСТИ)

I

Петровки. Время жаркое.
В разгаре сенокос.

Минув деревню бедную,
Безграмотной губернии,
Старо-Вахлацкой волости,
Большие Вахлаки,
Пришли на Волгу странники...
Над Волгой чайки носятся;
Гуляют кулики
По отмели. А по лугу,
Что гол, как у подъячего
Щека, вчера побритая,
Стоят «Князя Волконские»¹
И детки их, что ранее
Родятся, чем отцы.²
— Прокосы широчайшие! —
Сказал Пахом Онисимыч. —

¹ Стоги.

² Копны.

Здесь богатырь народ! —
Смеются братья Губины:
Давно они заметили
Высокого крестьянина
Со жбаном — на стогу;
Он пил, а баба с вилами,
Здравши кверху голову,
Глядела на него.
Со стогом поровнялся —
Все пьет мужик! Отмерили
Еще шагов полста,
Все разом оглянулись:
Попрежнему, закинувшись,
Стоит мужик; посудина
Дном кверху поднята...

Под берегом раскинуты
Шатры; старухи, лошади
С порожними телегами
Да дети видны тут.
А дальше, где кончается
Отава подкошенная,
Народу тьма! Там белые
Рубахи баб, да пестрые
Рубахи мужиков,
Да голоса, да звяканье
Проворных кос. «Бог на помочы!» —
«Спасибо, молодцы!»

Остановились странники...
Размахи сенокосные
Идут чредою правильной:
Все разом занесенные

Сверкнули косы, звякнули,
Трава мгновенно дрогнула
И пала, прошумев!

По низменному берегу,
На Волге, травы рослые,
Веселая косьба.
Не выдержали странники:
«Давно мы не работали,
Давайте — покосим!»
Семь баб им косы отдали.
Проснулась, разгорелась
Привычка позабытая
К труду! Как зубы с голоду,
Работает у каждого
Проворная рука.
Валят траву высокую
Под песню, незнакомую
Вахлацкой стороне;
Под песню, что навеяна
Метелями и вьюгами
Родимых деревень:
Заплатова, Дырявина,
Разутова, Знобишина,
Горелова, Неелова,
Неурожайка тож...

Натешившись, усталые,
Присели к стогу завтракать...

«Откуда, молодцы? —
Спросил у наших странников

Седой мужик (которого
Бабенки звали Власушкой). —
Куда вас бог несет?»
«А мы. . .» — сказали странники
И замолчали вдруг:
Послышалась им музыка!
«Помещик наш катается, —
Промолвил Влас, и бросился
К рабочим: — Не зевать!
Коси дружной! А главное:
Не огорчить помещика.
Рассердится — поклон ему!
Похвалит вас — «ура» кричи. . .
Эй, бабы! не галдеть!»
Другой мужик, присадистый,
С широкой бородищею,
Почти что то же самое
Народу приказал,
Надел кафтан — и барина
Бежит встречать. «Что за́ люди?
Оторопелым странникам
Кричит он на бегу. —
Снимите шапки!»

К берегу

Причалили три лодочки.
В одной прислуга, музыка,
В другой — кормилка дюжая
С ребенком, няня старая
И приживалка тихая,
А в третьей — господа:
Две барыни красивые

(Потоньше — белокурая,
Потолще — чернобровая),
Усатые два барина,
Три б́арчонка-погодочки
Да старый старичок:
Худой! как зайцы зимние,
Весь бел, и шапка белая,
Высокая, с околышем
Из красного сукна.
Нос клювом, как у ястреба,
Усы седые, длинные
И — разные глаза:
Один здоровый — светится,
А левый — мутный, пасмурный,
Как оловянный грош!

При них: собачки белые,
Мохнатые, с султанчиком,
На крохотных ногах...

Старик, поднявшись на берег,
На красном, мягком коврике
Долгонько отдыхал,
Потом покос осматривал:
Его водили под руки
То господа усатые,
То молодые барыни, —
И так, со всею свитою,
С детьми и приживалками,
С кормилкою и нянькою,
И с белыми собачками,
Все поле сенокосное

Помещик обошел.
Крестьяне низко кланялись,
Бурмистр (смекнули странники,
Что тот мужик присадистый
Бурмистр) перед помещиком,
Как бес перед заутрней,
Юлил: «Так точно! Слушаю-с!»
И кланялся помещику
Чуть-чуть не до земли.

В один стожище мáтерой,
Сегодня только сметанный,
Помещик пальцем ткнул,
Нашел, что сено мокрое,
Вспылил: «Добро господское
Гноить? Я вас, мошенников,
Самих сгною на барщине!
Пересушить сейчас!..»
Засуетился староста:
«Недосмотрел маненичко!
Сыренько: виноват!»
Созвал народ — и вилами
Богатыря кряжистого,
В присутствии помещика,
По клочьям разнесли.
Помещик успокоился.

(Попробовали странники:
Сухохонько сенцо!)

Бежит лакей с салфеткою,
Хромает: «Кушать подано!»

Со всей своею свитою,
С детьми и приживалками,
С кормилкою и нянькою,
И с белыми собачками,
Пошел помещик завтракать,
Работы осмотрев.
С реки из лодки грянула
Навстречу барам музыка,
Накрытый стол белеется
На самом берегу...

Дивятся наши странники.
Пристали к Власу: «Дедушка!
Что за порядки чюдные?
Что за чудной старик?» —
«Помещик наш: Утятин-князь!» —
«Чего же он куражится?
Теперь порядки новые,
А он дурит по-старому:
Сенцо сухим-сухохонько —
Велел пересушить!» —
«А то еще диковинней,
Что и сенцо-то самое
И пожня — не его!» —

«А чья же?» —

«Нашей вотчины». —

«Чего же он тут суется?
Ин вы у бога не люди?» —
«Нет, мы, по божьей милости,
Теперь крестьяне вольные,

У нас, как у людей,
Порядки тоже новые,
Да тут статья особая...» —
«Какая же статья?»

Под стогом лег старинушка
И — больше ни словца!
К тому же стогу странники
Присели; тихо молвили:
— *Эй! скатерть самобранная,
Попотчуй мужиков!* —
И скатерть развернулася,
Откудова ни взялися
Две дюжие руки:
Ведро вина поставили,
Горой наклали хлебушка
И спрятались опять...

Налив стаканчик дедушке,
Опять пристали странники:
«Уважь! скажи нам, Власушка,
Какая тут статья?» —
«Да пустяки! Тут нечего
Рассказывать... А сами вы
Что за люди? Откуда вы?
Куда вас бог несет?» —
«Мы люди чужестранные,
Давно, по делу важному,
Домишки мы покинули,
У нас забота есть...
Такая ли заботушка,
Что из домов повыжила,

С работой раздружила нас,
Отбила от еды...»
Остановились странники...

«О чем же вы хлопчете?» —
«Да помолчим! Поели мы,
Так отдохнуть желательно».
И улеглись. Молчат!

«Вы так-то! А по-нашему,
Коль начал, так досказывай!» —

«А сам, небось, молчишь!
Мы не в тебя, старинушка!
Изволь, мы скажем: видишь ли.
Мы ищем, дядя Влас,
Непоротой губернии,
Непотрошенной волости,
Избыткова-села!..»
И рассказали странники,
Как встретились нечаянно,
Как подрались, заспоривши,
Как дали свой зарок
И как потом шатались,
Искали по губерниям
Подтянутой, Подстреленной,
Кому живется счастливо,
Вольготно на Руси?

Влас слушал — и рассказчиков
Глазами мерял: «Вижу я,
Вы тоже люди странные! —

Сказал он наконец. —
Чудим и мы достаточно,
А вы — и нас чудней!» —

«Да что ж у вас-то деется?
Еще стаканчик, дедушка!»

Как выпил два стаканчика,
Разговорился Влас:

II

«Помещик наш особенный,
Богатство непомерное,
Чин важный, род вельможеский,
Весь век чудил, дурил,
Да вдруг гроза и грянула...
Не верит: врут, разбойники!
Посредника, исправника
Прогнал! Дурит по-старому.
Стал крепко подозрителен,
Не поклонись — дерет!
Сам губернатор к барину
Приехал: долго спорили,
Сердитый голос барина
В застойной дворя слышала;
Озлился так, что к вечеру
Хватил его удар!
Всю половину левую
Отбило: словно мертвая,
И, как земля, черна...
Пропал ни за копеечку!

Известно, не корысть,
А спесь его подрезала,
Соринку он терял».

— Что значит, други милые,
Привычка-то помещичья! —
Заметил Митродор.

— Не только над помещиком,
Привычка над крестьянином
Сильна, — сказал Пахом. —
Я раз, по подозрению
В острог попавши, чудного
Там видел мужика.
За конокрадство, кажется,
Судился, звали Сидором, —
Так из острога барину
Он посылал оброк!
(Доходы арестантские
Известны: подаяние,
Да что-нибудь сработает,
Да стащит что-нибудь.)
Ему смеялись прочие:
«А ну, на поселение
Сошлют — пропали денежки!» —
«Все лучше», — говорит. . .

— Ну, дальше, дальше, дедушка!

«Соринка дело плевое,
Да только не в глазу:
Пал дуб на море тихое,

И море все заплакало —
Лежит старик без памяти
(Не встанет, так и думали!).
Приехали сыны,
Гвардейцы черноусые
(Вы их на пожне видели,
А барыни красивые —
То жены молодцов).
У старшего доверенность
Была: по ней с посредником
Установили грамоту...
Ан вдруг и встал старик!
Чуть заикнулись... Господи!
Как зверь метнулся раненый,
И загремел, как гром!
Дела-то всё недавние,
Я был в то время старостой,
Случился тут — так слышал сам,
Как он честил помещиков,
До слова помню все:
«Корят жидов, что предали
Христа... а вы что сделали?
Права свои дворянские,
Веками освященные,
Вы предали!..» Сынам
Сказал: «Вы трусы подлые!
Не дети вы мои!
Пускай бы люди мелкие,
Что вышли из поповичей,
Да, понажившись взятками,
Купили мужиков,
Пускай бы... им простительно!

А вы... князя Утятины?
Какие вы У-тя-ти-ны!
Идите вон!.. подкидыши,
Не дети вы мои!»

Орббели наследники:
А ну, как перед смертью
Лишит наследства? Мало ли
Лесов, земель у батюшки?
Что денег понакоплено,
Куда пойдет добро?
Гадай! У князя в Питере
Три дочери побочные
За генералов выданы, —
Не отказал бы им!

А князь опять больнехонек...
Чтоб только время выиграть,
Придумать: как тут быть?
Которая-то барыня
(Должно быть, белокурая:
Она ему, сердечному,
Слышал я, терла щеткою
В то время левый бок)
Возьми и брякни барину,
Что мужиков помещикам
Велели воротить!

Поверил! Проще малого
Ребенка стал старинушка,
Как паралич расшиб!

Заплакал! Пред иконами
Со всей семьею молится,
Велит служить молебствие,
Звонить в колокола!

И силы словно прибыло,
Опять: охота, музыка,
Дворовых дует палкою,
Велит созвать крестьян.

С дворовыми наследники
Стакнулись, разумеется,
А есть один (он давеча
С салфеткой прибежал),
Того и уговаривать
Не надо было: барина
Столь много любит он!
Ипатом прозывается.
Как воля нам готовилась,
Так он не верил ей:
«Шалишь! Князя Утятину
Останутся без вотчины?
Нет, руки коротки!»
Явилось «Положение»,
Ипат сказал: «Балуйте вы!
А я князей Утятиних
Холоп — и весь тут сказ!»
Не может барских милостей
Забуть Ипат! Потешные
О детстве и о младости,
Да и о самой старости,
Рассказы у него

(Придешь, бывало, к барину,
Ждешь, ждешь... Неволей слушаешь,
Сто раз я слышал их):
«Как был я мал, наш князюшка
Меня рукою собственной
В тележку запрягал;
Достиг я резвой младости:
Приехал в отпуск князюшка
И, подгулявши, выкупал
Меня, раба последнего,
Зимою в проруби!
Да как чудно! Две проруби:
В одну опустит в неводе,
В другую мигом вытянет —
И водки поднесет.
Клониться стал я к старости.
Зимой дороги узкие,
Так часто с князем ездили
Мы гусем в пять коней.
Однажды князь — затейник же! —
И посади фалетуром
Меня, раба последнего,
Со скрипкой — впереди.
Любил он крепко музыку.
«Играй, Ипат!» А кучеру
Кричит: «Пошел живей!»
Метель была изрядная,
Играл я: руки заняты,
А лошадь спотыкливая —
Свалился я с нее!
Ну, сани, разумеется,
Через меня проехали,

Попридавили грудь.
Не то беда: а холодно,
Замерзнешь — нет спасения,
Кругом пустыня, снег...
Гляжу на звезды частые
Да каюсь во грехах.
Так что же, друг ты истинный?
Послышал я бубенчики,
Чу, ближе! чу, звончей!
Вернулся князь (закапали
Тут слезы у дворового,
И сколько ни рассказывал,
Всегда тут плакал он!),
Одел меня, согрел меня
И рядом, недостойного,
С своей особой княжеской
В санях привез домой!»

Похохотали странники...
Глонув вина (в четвертый раз),
Влас продолжал: — Наследники
Ударили и вотчине
Челом: «Нам жаль родителя,
Порядков новых, нынешних
Ему не перенести,
Поберегите батюшку!
Помалчивайте, кланяйтесь,
Да не перечьте хворому,
Мы вас вознаградим:
За лишний труд, за барщину.
За слово даже бранное,
За всё заплатим вам.

Недолго жить, сердечному,
Навряд ли два-три месяца,
Сам дохтур объявил!
Уважьте нас, послушайтесь,
Мы вам луга поемные
По Волге подарим;
Сейчас пошлем посреднику
Бумагу, дело верное!»

Собрался мир, галдит!

Луга-то (эти самые),
Да водка, да с три короба
Посулов то и сделали,
Что мир решил помалчивать
До смерти старика.
Поехали к посреднику:
Смеется! «Дело доброе,
Да и луга хорошие,
Дурачьтесь, бог простит!
Нет на Руси, вы знаете,
Помалчивать да кланяться
Запрета никому!»
Однако я противился:
— Вам, мужикам, сполáгоря,
А мне-то какво?
Что ни случится: к барину
Бурмистра! Что ни вздумает,
За мной пошлет! Как буду я
На спросы бестолковые
Ответствовать? дурацкие
Приказы исполнять?

«Ты стой пред ним без шапочки,
Помалчивай да кланяйся,
Уйдешь — и дело кончено.
Старик больной, расслабленный,
Не помнит ничего!»

Оно и правда: можно бы!
Морочить полоумного
Нехитрая статья,
Да быть шутом гороховым,
Признаться, не хотелось.
И так я на веку,
У притолоки стоючи,
Помялся перед баринном
Досыта! «Коли мир
(Сказал я, миру кланяясь)
Дозволит покуражиться
Уволенному барину
В останные часы,
Молчу и я — покорствую,
А только что от должности
Увольте вы меня!»

Чуть дело не разладилось,
Да Климка Лавин выручил:
«А вы бурмистром сделайте
Меня! Я удовольствую
И старика и вас.
Бог приберет «Последыша»
Скоренько, а у вотчины
Останутся луга.

Так будем мы начальствовать,
Такие мы строжайшие
Порядки заведем,
Что надорвет животики
Вся вотчина... Увидите!»

Долгонько думал мир.
Что ни на есть отчаянный
Был Клим мужик: и пьяница,
И на́ руку нечист.
Работать не работает,
С цыганами возжается,
Бродяга, коновал!
Смеется над трудящимся:
С работы, как ни мучайся,
Не будешь ты богат,
А будешь ты горбат!
А впрочем, парень грамотный,
Бывал в Москве и в Питере,
В Сибирь ездил с купечеством —
Жаль, не остался там!
Умен, а грош не держится,
Хитер, а попадается
Впросак! Бахвал мужик!
Каких-то слов особенных
Наслушался: атчество,
Москва первопрестольная,
Душа великорусская.
«Я — русский мужичок!» —
Горланил диким голосом
И, кокнув в лоб посудю,
Пил залпом полуштоф!

Как рукомойник кланяться
Готов за водку всякому,
А есть казна — поделится,
Со встречным все пропьет!
Горазд орать, балясничать,
Гнилой товар показывать
С хазового конца.
Нахвастает с три короба,
А уличишь — отшутится
Бесстыжей поговоркою,
Что «за погудку правую
Смычком по роже бьют!»

Подумавши, оставили
Меня бурмистром: правлю я
Делами и теперь.
А перед старым барином
Бурмистром Климку назвали,
Пускай его! По барину
Бурмистр! Перед «Последышем»
Последний человек!
У Клима совесть глиняна,
А бородища Минина, —
Посмотришь, так подумаешь,
Что не найти крестьянина
Степенней и трезвей.
Наследники построили
Кафтан ему: одел его,
И сделался Клим Яковлич
Из Климки бесшабашного
Бурмистр первейший сорт.

Пошли порядки старые!
Последышу-то нашему,
Как на беду, приказаны
Прогулки. Что ни день —
Через деревню катится
Рессорная колясочка:
Вставай! картуз долой!
Бог весть с чего накинется,
Бранит, корит; с угрозой
Подступит — ты молчи!
Увидит в поле пахаря
И за его же полосу
Облает: и лентяи-то
И лежебоки мы!
А полоса сработана,
Как никогда на барина
Не работál мужик,
Да невдомек Последышу,
Что уж давно не барская,
А наша полоса!

Сойдемся — смех! У каждого
Свой сказ про юродивого
Помещика: икается,
Я думаю, ему!
А тут еще Кли́м Яковли́ч.
Придет, глядит начальником
(Горда свинья: чесалася
О барское крыльцо!),
Кричит: «Приказ по вотчине!»
Ну, слушаем приказ:
«Докладывал я барину,

Что у вдовы Терентьевны
Избенка развалилася,
Что баба побирается
Христовым подаением,
Так барин приказал:
На той вдове Терентьевой
Женить Гаврилу Жохова,
Избу поправить заново,
Чтоб жили в ней, плодились
И правили тягло!»
А той вдове — под семьдесят,
А жениху — шесть лет!
Ну, хохот, разумеется!..
Другой приказ: «Коровушки
Вчера гнались до солнышка
Близ барского двора,
И так мычали, глупые,
Что разбудили барина, —
Так пастухам приказано
Впредь унимать коров!»
Опять смеется вотчина.
«А что смеетесь? Всякие
Бывают приказания:
Сидел на губернаторстве
В Якутске генерал.
Так на кол тот коровушек
Сажал! Долгонько слушались:
Весь город разукрасили,
Как Питер монументами,
Казненными коровами,
Пока не догадались,
Что спятил он с ума!»

Еще приказ: «У сторожа,
У ундера Софронова,
Собака непочтительна:
Залаяла на барина, —
Так ундера прогнать,
А сторожем к помещицъей
Усадьбе назначается
Ерёмка! ..» Покатилися
Опять крестьяне со смеху:
Ерёмка тот с рождения
Глухонемой дурак!

Доволен Клим. Нашел-таки
По нраву должности! Бегаёт,
Чудит, во все мешается,
Пить даже меньше стал!
Бабенка есть тут бойкая,
Орефьевна, кума ему,
Так с ней Климаха барина
Дурачит заодно.
Лафа бабенкам! Бегают
На барский двор с полотнами,
С грибами, с земляникою:
Всё покупают барыни,
И кормят, и поят!

Шутили мы, дурачились,
Да вдруг и дошутились
До сущей до беды:
Был грубый, непокладистый
У нас мужик Агап Петров,

Он много нас корил:
«Ай, мужики! Царь сжалился,
Так вы в хомут охотою...
Бог с ними, с сенокосами!
Знать не хочу господ!..»
Тем только успокоили,
Что штоф вина поставили
(Винцо-то он любил).
Да черт его со временем
Нанес-таки на барина:
Везет Агап бревно
(Вишь, мало ночи, глупому,
Так воровать отправился
Лес — среди бела дня!),
Навстречу та колясочка,
И барин в ней: «Откудова
Бревно такое славное
Везешь ты, мужичок?..»
А сам смекнул, откудова.
Агап молчит: бревешко-то
Из лесу из господского,
Так что тут говорить!
Да больно уж окрысился
Старик: пилил, пилил его,
Права свои дворянские
Высчитывал ему!

Крестьянское терпение
Выносливо, а временем
Есть и ему конец.
Агап раненько выехал,

Без завтрака: крестьянина
Тошнило уж и так,
А тут еще речь барская,
Как муха неотвязная,
Жужжит под ухо самое...

Захохотал Агап!
«Ах, шут ты, шут гороховый!
Нишкни!» — да и пошел!
Досталось тут Последышу
За дедов и за прадедов,
Не только за себя.
Известно, гневу нашему
Дай волю! Брань господская
Что жало комариное,
Мужицкая — обух!
Опешил барин! Легче бы
Стоять ему под пулями,
Под каменным дождем!
Опешили и сродники,
Бабенки было бросились
К Агапу с уговорами,
Так он вскричал: убью!..
«Что брага раскуражились
Подонки из поганого
Корыта... Цыц! Нишкни!
Крестьянских душ владение
Покончено. Последыш ты!
Последыш ты! По милости
Мужицкой нашей глупости
Сегодня ты начальствуешь,

А завтра мы Последышу
Пинка — и кончен бал!
Иди домой, похаживай,
Поджавши хвост, по горницам,
А нас оставь! Нишкни! ..» —

«Ты — бунтовщик!» — с хрипотою
Сказал старик, затрясся весь
И полумертвый пал!
«Теперь конец!» — подумали
Гвардейцы черноусые
И барыни красивые;
Ан вышло — не конец!

Приказ: пред всею вотчиной,
В присутствии помещика,
За дерзость беспримерную
Агапа наказать.
Забегали наследники
И жены их — к Агапушке,
И к Климу, и ко мне!
«Спасите нас, голубчики!
Спасите!» Ходят бледные:
«Коли обман откроется,
Пропали мы совсем!»
Пошел бурмистр орудовать!
С Агапом пил до вечера;
Обнявшись, до полуночи
Деревней с ним гулял,
Потом опять с полуночи
Поил его — и пьяного

Привел на барский двор.
Все обошлось любехонько:
Не мог с крылечка сдвинуться
Последыш — так расстроился...
Ну, Климке и лафа!

В конюшню плут преступника
Привел, перед крестьянином
Поставил штоф вина:
«Пей да кричи: помилуйте!
Ой, батюшки! ой, матушки!»
Послушался Агап,
Чу, вóпит! Словно музыку
Последыш стоны слушает.
Чуть мы не рассмеялися,
Как стал он приговаривать:
«Ка-тай его, раз-бой-ника,
Бун-тов-щи-ка... Ка-тай!»
Ни дать ни взять под розгами
Кричал Агап, дурачился,
Пока не допил штоф:
Как из конюшни вынесли
Его мертвецки пьяного
Четыре мужика,
Так барин даже сжалился:
«Сам виноват, Агапушка!» —
Он ласково сказал...

«Вишь, тоже добрый! сжалился», —
Заметил Пров, а Влас ему:
«Не зол... да есть пословица:

Хвали траву в стогу,
А барина — в гробу!
Все лучше, кабы бог его
Прибрал... Уж нет Агапушки...» —

«Как! умер?» —

«Да, почтенные:

Почти что в тот же день!
Он к вечеру разохался,
К полуночи попа просил,
К белу свету преставился.
Зарыли и поставили
Животворящий крест...
С чего? Один бог ведает!
Конечно, мы не тронули
Его не только розгами —
И пальцем. Ну, а все ж
Нет-нет — да и подумаешь:
Не будь такой оказии,
Не умер бы Агап!
Мужик сырой, особенный,
Головка непоклончива,
А тут: иди, ложись!
Положим: ладно кончилось,
А все Агап надумался:
Упрешься — мир осердится,
А мир, дурак, — доймет!
Все разом так подстроилось:
Чуть молодые барыни
Не целовали старого,
Полсотни, чай, подсунули,
А пуще: Клим бессовестный

Сгубил его, анафема,
Винищем! . . .
 Вон от барина
Посол идет: откушали!
Зовет, должно быть, старосту,
Пойду взгляну камедь!»

III

Пошли за Власом странники;
Бабенок тоже несколько
И парней с ними тронулось;
Был полдень, время отдыха,
Так набралось порядочно
Народу — поглазеть.
Все стали в ряд почтительно
Поодаль от господ. . .

За длинным белым столиком,
Уставленным бутылками
И кушаньями разными,
Сидели господа:
На первом месте — старый князь.
Седой, одетый в белое,
Лицо перекошённое,
И — разные глаза.
В петлице крестик беленький
(Влас говорит: Георгия
Победоносца крест).
За стулом в белом галстуке
Ипат, дворовый преданный,
Обмахивает мух.

По сторонам помещика
Две молодые барыни:
Одна черноволосая,
Как свекла губы красные,
По яблоку — глаза!
Другая белокурая,
С распущенной косой.
Ай, косонька! как золото
На солнышке горит!
На трех высоких стульчиках
Три мальчика нарядные,
Салфеточки подвязаны
Под горло у детей.
При них старуха нянюшка,
А дальше — челядь разная:
Учительницы, бедные
Дворянки. Против барина —
Гвардейцы черноусые,
Последыша сыны.

За каждым стулом девочка,
А то и баба с веткою —
Обмахивает мух.
А под столом мохнатые
Собачки белошерстые.
Барчонки дразнят их...

Без шапки перед барином
Стоял бурмистр:
«А скоро ли, —
Спросил помещик, кушая, —
Окончим сенокос?»

«Да как теперь прикажете:
У нас по положению
Три дня в неделе барские,
С тягла: работник с лошадью,
Подросток или женщина,
Да полстарухи в день.
Господский срок кончается...»

«Тсс! тсс! — сказал Утятин-князь,
Как человек, заметивший,
Что на тончайшей хитрости
Другого изловил. —
Какой такой *господский срок*?
Откуда ты взял его?»
И на бурмистра верного
Навел пытливо глаз.

Бурмистр потупил голову.
— Как приказать изволите!
Два-три денька хорошие,
И сено вашей милости
Всё уберем, бог даст!
Не правда ли, ребяташки?..
(Бурмистр воротит к барщине
Широкое лицо.)
За барщину ответила
Проворная Орефьевна,
Бурмистрова кума:
— Вестимо так, Клим Яковлич,
Покуда вёдро держится,
Убрать бы сено барское,
А наше — подождет!

«Бабенка, а умней тебя!» —
Помещик вдруг ослабился
И начал хохотать.
«Ха-ха! дурак! .. Ха-ха-ха-ха!
Дурак! дурак! дурак!
Придумали: господский срок!
Ха-ха... дурак! ха-ха-ха-ха!
Господский срок — вся жизнь раба!
Забыли, что ли, вы:
Я божиею милостью,
И древней царской грамотой,
И родом и заслугами
Над вами господин! ..»

Влас нáземь опускается.
— Что так? — спросили странники.
«Да отдохну пока!
Теперь не скоро князюшка
Сойдет с коня любимого!
С тех пор как слух прошел,
Что воля нам готовится,
У князя речь одна:
Что мужику у барина
До светопреставления
Зажату быть в горсти! ..»

И точно: час без малого
Последыш говорил
Язык его не слушался:
Старик слюною брызгался,
Шипел! И так расстроился,
Что правый глаз задергало,

А левый вдруг расширился
И — круглый, как у филина, —
Вертелся колесом.
Права свои дворянские,
Веками освященные,
Заслуги, имя древнее
Помещик поминал,
Царевым гневом, божиим
Грозил крестьянам, ежели
Взбунтуются они,
И накрепко приказывал,
Чтоб пустяков не думала,
Не баловалась вотчина,
А слушалась господ!

— Отцы! — сказал Клим Яковлич
С каким-то визгом в голосе,
Как будто вся утроба в нем,
При мысли о помещиках,
Заликовала вдруг. —
Кого же нам и слушаться?
Кого любить? надеяться
Крестьянству на кого?
Бедами упиваемся,
Слезами умываемся,
Куда нам бунтовать?
Все ваше, все господское —
Домишки наши ветхие,
И животишки хворые,
И сами — ваши мы!
Зерно, что в землю брошено,
И овощ огородная,

И волос на нечесаной
Мужицкой голове —
Все ваше, все господское!
В могилках наши прадеды,
На печках деда старые
И в зыбках дети малые —
Все ваше, все господское!
А мы, как рыба в неводе,
Хозяева в дому!

Бурмистра речь покорная
Понравилась помещику:
Здоровый глаз на старосту
Глядел с благоволением,
А левый успокоился:
Как месяц в небе стал!
Налив рукою собственной
Стакан вина заморского,
«Пей!» — барин говорит.
Вино на солнце искрится,
Густое, маслянистое;
Клим выпил, не поморщился
И вновь сказал: — Отцы!
Живем за вашей милостью,
Как у Христа за пазухой:
Попробуй-ка без барина
Крестьянин так пожить!
(И снова, плут естественный,
Глонул вина заморского.)
Куда нам без господ?
Бояре — кипарисовы,
Стоят, не гнут головушки!

Над ними — царь один!
А мужики вязóвые —
И гнутся-то и тянутся,
Скрипят! Где мат крестьянину,
Там барину сполáгоря:
Под мужиком лед ломится,
Под барином трещит!
Отцы! руководители!
Не будь у нас помещиков,
Не наготовим хлебушка,
Не запасем травы!
Хранители! радетели!
И мир давно бы рушился
Без разума господского,
Без нашей простоты!
Вам на роду написано
Блюсти крестьянство глупое,
А нам работать, слушаться,
Молиться за господ!

Дворовый, что у барина
Стоял за стулом с веткою,
Вдруг всхлипнул! Слезы катятся
По старому лицу.
«Помолимся же господу
За долголетье барина!» —
Сказал холуй чувствительный
И стал креститься дряхлою,
Дрожащею рукой.
Гвардейцы черноусые
Кисленько как-то глянули
На верного слугу;

Однако — делать нечего! —
Фуражки сняли, крестятся.
Перекрестились барыни,
Перекрестилась нянюшка,
Перекрестился Клим. . .

Да и мигнул Орефьевне:
И бабы, что протискались
Поближе к господам,
Креститься тоже начали.
Одна так даже всхлипнула
В подобие дворового.
(«Урчи! вдова Терентьевна!
Старуха полоумная!» —
Сказал сердито Влас.)
Из тучи солнце красное
Вдруг выглянуло; музыка
Протяжная и тихая
Послышалась с реки. . .

Помещик так растрогался,
Что правый глаз заплаканный
Ему платочком вытерла
Сноха с косою распущенной
И чмокнула старинушку
В здоровый этот глаз.
«Вот! — молвил он торжественно
Сынам своим наследникам
И молодым снохам. —
Желал бы я, чтоб видели
Шуты, вралі столичные,

Что обзывают дикими
Крепостниками нас,
Чтоб видели, чтоб слышали. . .»

Тут случай неожиданный
Нарушил речь господскую:
Один мужик не выдержал —
Как захохочет вдруг!

Задергало Последыша.
Вскочил, лицом уставился
Вперед! Как рысь, высматривал
Добычу. Левый глаз
Заколесил. . . «Сы-скать его!
Сы-скать бун-тов-щи-ка!»

Бурмистр в толпу отправился;
Не ищет виноватого,
А думает: как быть?
Пришел в ряды последние,
Где были наши странники,
И ласково сказал:
«Вы люди чужестранные,
Что с вами он поделает?
Подите кто-нибудь!»
Замялись наши странники,
Желательно бы выручить
Несчастных вахлаков,
Да барин глуп: судись потом,
Как вlepит сотню добрую
При всем честном миру!
«Иди-ка ты, Романушка! —

Сказали братья Губины. —
Иди! ты любишь бар!» —

«Нет, сами вы попробуйте!»
И стали наши странники
Друг другу посылать.
Клим плюнул. «Ну-ка, Власушка,
Придумай, что тут сделаем?
А я устал; мне мочи нет!» —

«Ну, да и врал же ты!» —

«Эх, Влас Ильич! где враки-то? —
Сказал бурмистр с досадою. —
Не в их руках мы, что ль? ..
Придет пора последняя:
Заедем все в ухаб,¹
Не выедем никак,
В кромешный ад провалимся,
Так ждет и там крестьянина
Работа на господ!» —
«Что ж там-то будет, Климушка?» —
«А будет что назначено:
Они в котле кипеть,
А мы дрова подкладывать!»
(Смеются мужики.)

Пришли сыны Последыша:
«Эх! Клим-чудак! до смеху ли!
Старик прислал нас; сердится,
Что долго нет виновного. . .

¹ Могила.

Да кто у вас сплосал?» —
«А кто сплосал, и надо бы
Того тащить к помещику,
Да все испортит он!
Мужик богатый... Питерщик...
Вишь, принесла нелегкая
Домой его на грех!
Порядки наши чудные
Ему пока в диковинку,
Так смех и разобрал!
А мы теперь расхлебывай!» —

«Ну... вы его не трогайте,
А лучше киньте жеребий.
Заплатим мы: вот пять рублей...» —

«Нет! разбегутся все...» —

«Ну, так скажите барину,
Что виноватый спрятался». —

«А завтра как? Забыли вы
Агапа неповинного?» —

«Что ж делать?.. Вот беда!»

— Давай сюда бумажку ту!
Постойте! я вас выручу! —
Вдруг объявила бойкая
Бурмистрова кума
И побежала к барину;
Бух в ноги: «Красно солнышко!
Прости, не погуби!

Сыночек мой единственный,
Сыночек надурил!
Господь его без разуму
Пустил на свет! Глупешенек:
Идет из бани — чешется!
Лаптишком, вместо ковшика,
Напиться норовит!
Работать не работает,
Знай скалит зубы белые,
Смешлив... так бог родил!
В дому-то мало радости:
Избенка развалилася,
Случается, есть нечего —
Смеется дурачок!
Подаст ли кто копеечку,
Ударит ли по темени —
Смеется дурачок!
Смешлив... что с ним поделаешь?
Из дурака, родименький,
И горе смехом прет!»

Такая баба ловкая!
Орет, как на девишнике,
Целует ноги барину.
«Ну бог с тобой! Иди! —
Сказал Последыш ласково. —
Я не сержусь на глупого,
Я сам над ним смеюсь!» —
«Какой ты добрый!» — молвила
Сноха черноволосая
И старика погладила
По белой голове.

Гвардейцы черноусые
Словечко тоже вставили:
Где ж дурню деревенскому
Понять слова господские,
Особенно Последыша
Столь умные слова?
А Клим полой суконною
Отер глаза бесстыжие
И пробурчал: «Отцы!
Отцы! сыны атечества!
Умеют наказать,
Умеют и помиловать!»

Повеселел старик!
Спросил вина шипучего.
Высоко пробки прянули,
Попадали на баб.
С испугу бабы визгнули,
Шарахнулись. Старинушка
Захохотал! За ним
Захохотали барыни,
За ними — их мужья,
Потом дворецкий преданный,
Потом кормилки, нянюшки.
А там — и весь народ!
Пошло веселье! Барыни
По приказанью барина
Крестьянам поднесли,
Подросткам дали пряников,
Девицам сладкой водочки.
А бабы тоже выпили
По рюмке простяку...

Последыш пил да чокался,
Красивых снох пощипывал.
(«Вот так-то! Чем бы старому
Лекарство пить, — заметил Влас, —
Он пьет вино стаканами.
Давно уж меру всякую
Как в гневе, так и в радости
Последыш потерял».)

Гремит на Волге музыка,
Поют и пляшут девицы —
Ну, словом, пир горой!
К девицам присоседиться
Хотел старик, встал на ноги
И чуть не полетел!
Сын поддержал родителя.
Старик стоял: притопывал,
Присвистывал, прищелкивал,
А глаз свое выделявал —
Вертелся колесом!

«А вы что ж не танцуете? —
Сказал Последыш барыням
И молодым сынам. —
Танцуйте!» Делать нечего!
Прошлись они под музыку.
Старик их осмеял!
Качаясь, как на палубе
В погоду непокойную,
Представил он, как тешились
В его-то времена!
«Спой, Люба!» Не хотелось

Петь белокурой барыне,
Да старый так пристал!

Чудесно спела барыня!
Ласкала слух та песенка,
Негромкая и нежная,
Как ветер летним вечером,
Легонько пробегающий
По бархатной муравушке,
Как шум дождя весеннего
По листьям молодым!

Под песню ту прекрасную
Уснул Последыш. Бережно
Снесли его в ладью
И уложили сонного.
Над ним с зеленым зонтиком
Стоял дворовый преданный,
Другой рукой отмахивал
Слепней и комаров.
Сидели молча brave
Гребцы, играла музыка.
Чуть слышно... лодка тронулась
И мерно поплыла...
У белокурой барыни
Коса, как флаг распущенный,
Играла на ветру...

— Уважил я Последыша! —
Сказал бурмистр. — Господь с тобой!
Куражься, колобродь!
Не знай про волю новую,

Умри, как жил, помещиком,
Под песни наши рабские,
Под музыку холопскую, —
Да только поскорей!
Дай отдохнуть крестьянину!
Ну, братцы! поклонитесь мне,
Скажи спасибо. Влас Ильич
Я миру порадел!
Стоять перед Последышем
Напасть... язык примелется,
А пуще смех долит.
Глаз этот... как завертится,
Беда! Глядишь да думаешь:
«Куда ты, друг единственный?
По надобности собственной
Аль по чужим делам?
Должно быть, раздобылся ты
Курьерской подорожною!..»
Чуть раз не прыснул я.
Мужик я пьяный, ветреный,
В амбаре крысы с голоду
Подохли, дом пустехонек,
А не взял бы, свидетель бог,
Я за такую каторгу
И тысячи рублей,
Когда б не знал доподлинно,
Что я перед *последышем*
Стою... что он куражится
По воле по моей...

Влас отвечал задумчиво:
— Бахвалься! А давно ли мы,

Не мы одни — вся вотчина...
(Да... все крестьянство русское!)
Не в шутку, не за денежки,
Не три-четыре месяца,
А целый век... Да что уж тут!
Куда уж нам бахвалиться,
Недаром вахлаки!

Однако Клима Лавина
Крестьяне полупьяные
Уважили: «Качать его!»
И ну качать... «Ура!»
Потом вдову Терентьевну
С Гаврилкой, малолеточком,
Клим посадил рядком
И жениха с невестою
Поздравил! Подурачились
Досыта мужики.
Приели всё, всё припили,
Что господа оставили,
И только поздним вечером
В деревню прибрели.
Домашние их встретили
Извещьем неожиданным:
Скончался старый князь!
«Как так?» — «Из лодки вынесли
Его уж бездыханного —
Хватил второй удар!»

Крестьяне пораженные
Переглянулись... крестятся...

Вздохнули... Никогда
Такого вздоха дружного,
Глубокого-глубокого
Не испускала бедная
Безграмотной губернии
Деревня Вахлаки...

Но радость их вахлацкая
Была непродолжительна.
Со смертью Последыша
Пропала ласка барская:
Опохмелиться не дали
Гвардейцы вахлакам!
А за луга поемные
Наследники с крестьянами
Тягаются дондесь.
Влас за крестьян ходатаем,
Живет в Москве... был в Питере...
А толку что-то нет!

ПИР — НА ВЕСЬ МИР
(ИЗ ВТОРОЙ ЧАСТИ)

Посвящается
Сергею Петровичу Боткину

В С Т У П Л Е Н И Е

В конце села Вахлачина,
Где житель — пахарь исстари,
И частью — смолокур,
Под старой-старой ивою,
Свидетельницей скромною
Всей жизни вахлаков,
Где праздники справляются,
Где сходки собираются,
Где днем секут, а вечером
Целуются, милуются, —
Шел пир, великий пир!
Орудовать по-питерски
Привыкший дело всякое,
Знакомец наш Клим Яковлич,
Видавший благородные
Пирь с речами, спичами, —
Затейщик пира был.

На бревна, тут лежавшие,
На сруб избы застроенной
Уселись мужики;
Тут тоже наши странники
Сидели с Власом-старостой
(Им дело до всего).
Как только пить надумали,
Влас сыну-малолеточку
Вскричал: «Беги за Трифоном!»
С дьячком приходским Трифоном,
Гулякой, кумом старосты,
Пришли его сыны,
Семинаристы: Саввушка
И Гриша; было старшему
Уж девятнадцать лет,
Теперь же протодьяконом
Смотрел; а у Григория
Лицо худое, бледное,
И волос тонкий, вьющийся,
С оттенком красноты.
Простые парни, добрые,
Косили, жали, сеяли
И пили водку в праздники
С крестьянством наравне.

Тотчас же за селением
Шла Волга, а за Волгою
Был город небольшой
(Сказать точнее, города
В ту пору тени не было,
А были головни:
Пожар всё снес третьеводни).

Так люди мимоезжие,
Знакомцы вахлаков,
Тут тоже становилися,
Парома поджидаячи,
Кормили лошадей.
Сюда брели и нищие,
И тараторка-странница,
И тихий богомол.

В день смерти князя старого
Крестьяне не предвидели,
Что не луга поемные,
А тяжбу наживут.
И, выпив по стаканчику,
Первей всего заспорили:
Как им с лугами быть?

Не вся ты, Русь, обмеряна
Землицей: попадаютя
Углы благословенные,
Где ладно обошлось.
Какой-нибудь случайностью —
Неведеньем помещика,
Живущего вдали,
Ошибкою посредника,
А чаще изворотами
Крестьян-руководителей —
В надел крестьянам изредка
Попало и леску.
Там горд мужик, попробуй-ка
В окошко стукнуть староста
За податью — осердится!

Один ответ до времени:
«А ты леску продай!»
И вахлаки надумали
Свои луга поемные
Сдать старосте — на подати:
Все взвешено, рассчитано,
Как раз — оброк и подати,
С залишком. «Так ли, Влас?» —

«А коли подать справлена,
Я никому не здравствую!
Охота есть — работаю.
Не то — валяюсь с бабою,
Не то — иду в кабак!» —

«Так!» — вся орда вахлацкая
На слово Клима Лавина
Откликнулась: на подати!
«Согласен, дядя Влас?»

«У Клима речь короткая
И ясная, как вывеска,
Зовущая в кабак, —
Сказал шутливо староста. —
Начнет Климаха бабою,
А кончит — кабаком!»

«А чем же? Не острогом же
Кончать-то? Дело верное,
Не каркай, пореши!»

Но Власу не до карканья.
Влас был душа добрейшая,
Болея за всю вахлячину,
Не за одну семью.
Служа при строгом барине,
Нес тяготу на совести
Невольного участника
Жестокостей его.
Как молод был, ждал лучшего,
Да вечно так случалось,
Что лучшее кончалось
Ничем или бедой.
И стал бояться нового,
Богатого посулами,
Неверующий Влас.
Не столько в Белокаменной
По мостовой проехано,
Как по душе крестьянина
Прошло обид... до смеху ли? ..
Влас вечно был угрюм.
А тут — сплошал старинушка!
Дурачество вахлацкое
Коснулось и его!
Ему невольно думалось:
«Без барщины... без подати...
Без палки... Правда ль, господи?»
И улыбнулся Влас.
Так солнце с неба знойного
В лесную глушь дремучую
Забросит луч — и чудо там:
Роса горит алмазами,
Позолотился мох.

«Пей, вахлачки, погуливай!»
Не в меру было весело:
У каждого в груди
Играло чувство новое,
Как будто выносила их
Могучая волна
Со дна бездонной пропасти
На свет, где нескончаемый
Им уготован пир!
Еще ведро поставили,
Галденье непрерывное
И песни начались!
Как, схоронив покойника,
Родные и знакомые
О нем лишь говорят,
Покамест не управятся
С хозяйским угощением
И не начнут зевать, —
Так и галденье долгое
За чарочкой, под ивою,
Все, почитай, сложилось
В поминки по подрезанным
Помещичьим «крепям».
К дьячку с семинаристами
Пристали: «Пой веселую!»
Запели молодцы.
(Ту песню — не народную —
Впервые спел сын Трифона,
Григорий, вахлакам,
И с «Положенья» царского,
С народа крепки снявшего,
Она по пьяным праздникам

Как плясовая пелася
Попами и дворовыми, —
Вахлак ее не пел,
А слушая, притопывал,
Присвистывал, «веселюю»
Не в шутку называл.)

**1. ГОРЬКОЕ ВРЕМЯ —
ГОРЬКИЕ ПЕСНИ**

Веселая

«Кушай тюрю, Яша!
Молочка-то нет!» —
«Где ж коровка наша?» —
«Увели, мой свет!
Барин для приплоду
Взял ее домой.
Славно жить народу
На Руси святой!»

«Где же наши куры?» —
Девчонки орут.
«Не орите, дуры!
Съел их земский суд;
Взял еще подводу,
Да сулил постой...
Славно жить народу
На Руси святой!»

Разломило спину,
А квашня не ждет!

Баба Катерину
Вспомнила — ревет:
В дворне больше году
Дочка... нет родной!
Славно жить народу
На Руси святой!

Чуть из ребятишек,
Глядь — и нет детей:
Царь возьмет мальчишек,
Барин — дочерей!
Одному уроду
Вековать с семьей.
Славно жить народу
На Руси святой!

Потом свою вахлацкую,
Родную хором грянули,
Протяжную, печальную, —
Иных покамест нет.
Не диво ли? Широкая
Сторонка Русь крещеная,
Народу в ней тьма тём,
А ни в одной-то душеньке
Спокон веков до нашего
Не загорелась песенка
Веселая и ясная,
Как вёдренный денек.
Не дивно ли? не страшно ли?
О время, время новое!

Ты тоже в песне скажешься,
Но как?.. Душа народная!
Воссмейся ж наконец!..

Барщинная

Беден, нечесан Калинушка,
Нечем ему щеголять.
Только расписана спинушка,
Да за рубахой не знать.
С лаптя до ворота
Шкура вся вспорота,
Пухнет с мякины живот.

Верченный, крученный,
Сеченый, мученый
Еле Калина бредет.

В ноги кабатчику стукнется,
Горе потопит в вине,
Только в субботу аукнется
С барской конюшни жене...

«Ай, песенка!.. Запомнить бы!..» —
Тужили наши странники,
Что память коротка,
А вахлаки бахвалились:
«Мы барщинные! С наше-то
Попробуй потерпи!
Мы барщинные! Выросли

Под рылом у помещика;
День — каторга, а ночь?
Что сраму-то! За девками
Гонцы скакали тройками
По нашим деревням.
В лицо позабывали мы
Друг дружку, в землю гляючи,
Мы потеряли речь.
В молчанку напивались,
В молчанку целовались,
В молчанку драка шла». —
«Ну, ты насчет молчанки-то
Не очень! Нам молчанка-то
Досталась солоней! —
Сказал соседней волости
Крестьянин, с сеном ехавший
(Нужда пристигла крайняя,
Скосил — и на базар!), —
Решила наша барышня
Гертруда Александровна,
Кто скажет слово крепкое,
Того нещадно драть.
И драли же, покудова
Не перестали лаяться.
А мужику не лаяться —
Едино что молчать.
Намаялись! Уж подлинно
Отпраздновали волю мы
Как праздник: так ругались,
Что поп Иван обиделся
За звоны колокольные,
Гудевшие в тот день.

Такие сказы чудные
Посыпались... И диво ли?
Ходить далеко за словом
Не надо — все прописано
На собственной спине».

«У нас была оказия, —
Сказал детина с черными
Большими бакенбардами, —
Так нет ее чудней».
(На малом шляпа круглая,
С значком, жилетка красная,
С десятком светлых пуговиц,
Посконные штаны
И лапти: малый смахивал
На дерево, с которого
Кору подпасок крохотный
Всю снизу ободрал.
А выше — ни царапины,
В вершине не побрезгует
Ворона свить гнездо.)
«Так что же, брат, рассказывай!» —
«Дай прежде покурю!»
Покамест он покуривал,
У Власа наши странники
Спросили: «Что за гусь?» —
«Так, подбегало-мученик,¹
Приписан к нашей волости,

¹ Подбегало — человек нетутошний, пришлый, приписавшийся к деревне.

Барона Синегузина ¹
Дворовый человек,
Викентий Александрович.
С запяток в хлебопашество
Прыгнул! За ним осталася
И кличка: «Выездной».
Здоров, а ноги слабые,
Дрожат; его-то барыня
В карете цугом ездила
Четверкой по грибы...
Расскажет он! послушайте!
Такая память знатная,
Должно быть (кончил староста),
Сорочьи яйца ел». ²

Поправив шляпу круглую,
Викентий Александрович
К рассказу приступил.

*Про холопа примерного —
Якова верного*

Был господин невысокого рода,
Он деревнишку на взятки купил,
Жил в ней безвыездно тридцать три года,
Вольничал, бражничал, горькую пил.
Жадный, скупой, не дружился с дворянами,
Только к сестрице ездил на чаек;
Даже с родными, не только с крестьянами,
Был господин Поливанов жесток;

¹ Тизенгаузена.

² Примета: чтоб иметь хорошую память, нужно есть сорочьи яйца.

Дочь повенчав, муженька благоверного
Высек — обоих прогнал нагишом,
В зубы холопа примерного,
Якова верного,
Пóходя дал каблуком.

Люди холопского звания —
Сущие псы иногда:
Чем тяжелей наказания,
Тем им милей господа.

Яков таким объявился из младости,
Только и было у Якова радости:
Барина холить, беречь, ублажать
Да племяша-малолетка качать.
Так они оба до старости дожили,
Стали у барина ножки хиреть,
Ездил лечиться, да ноги не ожили...
Полно кутить, баловаться и петь!
Очи-то ясные,
Щеки-то красные,
Пухлые руки как сахар белы,
Да на ногах — кандалы!

Смирно помещик лежит под халатом,
Горькую долю клянет,
Яков при барине: другом и братом
Верного Якова барин зовет.
Зиму и лето вдвоем коротали,
В карточки больше играли они,
Скуку рассеять к сестрице езжали
Верст за двенадцать в хорошие дни.
Вынесет сам его Яков, уложит,

Сам на долгушке свезет до сестры,
Сам до старушки добратся поможет.
Так они жили ладком — до поры.

Вырос племянничек Якова, Гриша,
Барину в ноги: «Жениться хочу!» —
«Кто же невеста?» — «Невеста — Ариша».
Барин отвечает: «В гроб вколочу!»

Думал он сам, на Аришу-то глядя:
«Только бы ноги господь воротил!»

Как ни просил за племянника дядя,
Барин соперника в рекруты сбыл.
Крепко обидел холопа примерного,

Якова верного,

Барин, — холоп задурил!

Мертвую запил... Неловко без Якова,
Кто ни послужит — дурак, негодяй!
Злость-то давно накопилась у всякого,
Благо есть случай: груби, вымещай!
Барин то просит, то пёсски ругается,

Так две недели прошли.

Вдруг его верный холоп возвращается...

Первое дело — поклон до земли.

Жаль ему, видишь ты, стало безногого:
Кто-де сумеет его соблюсти?

«Не поминай только дела жестокого, —
Буду свой крест до могилы нести!»

Снова помещик лежит под халатом,

Снова у ног его Яков сидит,

Снова помещик зовет его братом.

«Что ты нахмурился, Яша?» — «Мутит!»

Много грибов нанизали на нитки,

В карты сыграли, чайку напились,

Ссыпали вишни, малину в напитки
И поразвлекся к сестре собрались.

Курит помещик, лежит беззаботно,
Ясному солнышку, зелени рад;
Яков угрюм, говорит неохотно,
Вожжи у Якова дрожмя дрожат,
Крестится. «Чур меня, сила нечистая! —
Шепчет. — Рассыпья!» (Мутил его враг.)
Едут... Направо трущоба лесистая,
Имя ей исстари: Чертов овраг;
Яков свернул и поехал оврагом,
Барин опешил: «Куда ж ты, куда?»
Яков ни слова. Проехали шагом
Несколько верст; не дорога — беда!
Ямы, валежник; бегут по оврагу
Вешние воды, деревья шумят...
Стали лошадки — и дальше ни шагу,
Сосны стеной перед ними торчат.

Яков, не глядя на барина бедного,
Начал коней отпрягать;
Верного Яшу, дрожащего, бледного,
Начал помещик тогда умолять.
Выслушал Яков посулы — и грубо,
Зло засмеялся: «Нашел душегуба!
Стану я руки убийством марать,
Нет, не тебе умирать!»

Яков на сосну высокую прынул,
Вожжи в вершине ее укрепил,
Перекрестился, на солнышко глянул,
Голову в петлю — и ноги спустил...

Экие страсти господни! Висит
Яков над барином, мерно качается.
Мечется барин, рыдает, кричит,
Эхо одно откликается!

Вытянул голову, голос напряг
Барин — напрасные крики!
В саван окутался Чертов овраг,
Ночью там росы велики,
Зги не видать! только совы снуют,
Оземь ширяясь крылами,
Слышно, как лошади листья жуют,
Тихо звеня бубенцами.
Словно чугунок подходит — горят
Чьи-то два круглые, яркие ока,
Птицы какие-то с шумом летят,
Слышно, посели они недалеко.
Ворон над Яковым каркнул один.
Чул их слетелось до сотни!
Ухнул, грозит костылем господин.
Экие страсти господни!

Барин в овраге всю ночь пролежал,
Снонами птиц и волков отгоняя;
Утром охотник его увидал.
Барин вернулся домой, причитая:
«Грешен я, грешен! Казните меня!»
Будешь ты, барин, холопа примерного,
Якова верного,
Помнить до судного дня!

«Грехи, грехи! — послышалось
Со всех сторон. — Жаль Якова,
Да жутко и за барина, —
Какую принял казны!» —
«Жалей! . . .» Еще прослушали
Два-три рассказа страшные
И горячо заспорили
О том, кто всех грешней?
Один сказал: кабатчики,
Другой сказал: помещики,
А третий — мужики.
То был Игнатий Прохоров,
Извозом занимавшийся,
Степенный и зажиточный
Мужик — не пустослов.
Видал он виды всякие,
Изъездил всю губернию
И вдоль и поперек.
Его послушать надо бы,
Однако вахлаки
Так обозлились, не дали
Игнатью слова вымолвить,
Особенно Клим Яковлев
Куражился: «Дурак же ты! . . .» —
«А ты бы прежде выслушал. . .» —
«Дурак же ты. . .» —

«И все-то вы,
Я вижу, дураки! —
Вдруг вставил слово грубое
Еремин, брат купеческий,
Скупавший у крестьян

Что ни попало, лапти ли,
Теленка ли, бруснику ли,
А главное — мастак
Подстерегать оказии,
Когда собирались подати
И собственность вахлацкая
Пускалась с молотка. —
Затеять спор затеяли,
А в точку не утрафили!
Кто всех грешней? подумайте!» —
«Ну, кто же? говори!» —
«Известно, кто: разбойники!»
А Клим ему в ответ:
«Вы крепостными не были,
Была капель великая,
Да не на вашу плешь!
Набил мошну: мерещатся
Везде ему разбойники;
Разбой — статья особая,
Разбой тут ни при чем!» —
«Разбойник за разбойника
Вступился!» — прасол вымолвил,
А Лавин — скок к нему!
«Молись!» — и в зубы прасола.
«Прощайся с животишками!» —
И прасол в зубы Лавина.
«Ай, драка! молодцы!»
Крестьяне расступились,
Никто не подзадоривал,
Никто не разнимал.
Удары градом сыпались:
«Убью! пиши к родителям!» —

«Убью! зови попа!»
Тем кончилось, что прасола
Клим сжал рукой, как обручем,
Другой вцепился в волосы
И гнул со словом «кланяйся»
Купца к своим ногам.
— Ну, баста! — прасол вымолвил,
Клим выпустил обидчика,
Обидчик сел на бревнышко,
Платком широким клетчатым
Отерся и сказал:
«Твоя взяла! и диво ли?
Не жнет, не пашет — шляется
По коновальской должности,
Как сил не нагулять?»
(Крестьяне засмеялись.)
«А ты еще не хочешь ли?» —
Сказал задорно Клим.
«Ты думал, нет? Попробуем!» —
Купец снял чуйку бережно
И в руки поплевал.

«Раскрыть уста греховные
Пришел черед: прислушайте!
И так вас помирю!» —
Вдруг возгласил Ионушка,
Весь вечер молча слушавший,
Вздыхавший и крестившийся,
Смиранный богомол.
Купец был рад; Клим Яковлев
Помалчивал. Уселися,
Настала тишина.

І І. СТРАННИКИ И БОГОМОЛЬЦЫ

Бездомного, безродного
Немало попадается
Народу на Руси,
Не жнут, не сеют — кормятся
Из той же общей житницы,
Что кормит мышку малую
И воинство несметное:
Оседлого крестьянина
Горбом ее зонут.
Пускай народу ведомо,
Что целые селения
На попрошайство осенью,
Как на доходный промысел,
Идут: в народной совести
Уставилось решение,
Что больше тут злосчастия,
Чем лжи, — им подают.
Пускай нередки случаи,
Что странница окажется
Воровкой; что у баб
За просфоры афонские,
За «слезки богородицы»
Паломник пряжу выманит,
А после бабы сведают,
Что дальше Троицы-Сергия
Он сам-то не бывал.
Был старец, чудным пением
Пленял сердца народные;
С согласия матерей,
В селе Крутые Заводи

Божественному пению
Стал девок обучать;
Всю зиму девки красные
С ним в риге запирались,
Оттуда пенье слышалось,
А чаще смех и визг.
Однако чем же кончилось?
Он петь-то их не выучил,
А перепортил всех.
Есть мастера великие
Подлаживаться к барыням:
Сначала через баб
Доступится до девичьей,
А там и до помещицы.
Бренчит ключами, по двору
Похаживает барином,
Плкнет в лицо крестьянину,
Старушку богомольную
Согнул в бараний рог!..
Но видит в тех же странниках
И лицевую сторону
Народ. Кем церкви строятся?
Кто кружки монастырские
Наполнил через край?
Иной добра не делает,
И зла за ним не видится,
Иного не поймешь.
Знаком народу Фомушка:
Вериги двупудовые
По телу опоясаны,
Зимой и летом бос,
Бормочет непонятное,

А жить — живет по-божески:
Доска да камень в головы,
А пища — хлеб один.
Чудён ему и памятен
Старообряд Кропильников,
Старик, вся жизнь которого
То воля, то острог.
Пришел в село Усолово:
Корит мирян безбожием,
Зовет в леса дремучие
Спасаться. Становой
Случился тут, все выслушал:
«К допросу сомустителя!» —
Он то же и ему:
«Ты враг Христов, антихристов
Посланник!» Сотский, староста
Мигали старику:
«Эй, покорись!» Не слушает!
Везли его в острог,
А он корил начальника
И, на телеге стоячи,
Усоловцам кричал:

«Горе вам, горе, пропащие головы!
Были оборваны — будете голы вы,
Били вас палками, розгами, кнутьями —
Будете биты железными прутьями!..»

Усоловцы крестились,
Начальник бил глашатая:
«Попомнишь ты, анафема,
Судью ерусалимского!»

У парня, у подводчика,
С испугу вожжи выпали
И волос дыбом стал!
И, как на грех, воинская
Команда утром грянула:
В Устой, село недалёное,
Солдатики пришли.
Допросы! усмирение!
Тревога! Поспопутности
Досталось и усоловцам:
Пророчество строптивного
Чуть в точку не сбылось.

Вовек не позабудется
Народом Евфросиньюшка,
Посадская вдова:
Как божия посланница,
Старушка появляется
В холерные года;
Хоронит, лечит, возится
С больными. Чуть не молятся
Крестьянки на нее...

Стучись же, гость неведомый!
Кто б ни был ты, уверенно
В калитку деревенскую
Стучись! Не подозрителен
Крестьянин коренной,
В нем мысль не зарождается
Как у людей достаточных,
При виде незнакомого,

Убогого и робкого:
Не стибрил бы чего?
А бабы — те радехоньки.
Зимой, перед лучиною,
Сидит семья, работает,
А странничек гласит.
Уж в баньке он попарился,
Ушицы ложкой собственной,
С рукой благословляющей,
Досыта похлебал.
По жилам ходит чарочка,
Рекою льется речь.
В избе все словно замерло:
Старик, чинивший лапотки,
К ногам их уронил;
Челнок давно не чикает,
Заслушалась работница
У ткацкого станка;
Застыл уж на уколоте
Мизинце у Евгеньюшки,
Хозяйской старшей дочери,
Высокий бугорок,
А девка и не слышала,
Как укололась до крови;
Шитье к ногам спустилось,
Сидит — зрачки расширены, —
Руками развела...
Ребята, свесив головы
С полатей, не шелохнутся:
Как тюленята сонные
На льдинах за Архангельском,
Лежат на животе.

Лиц не видать, завешены
Спустившимися прядями
Волос — не нужно сказывать,
Что желтые они.
Постой! уж скоро странничек
Доскажет быль афонскую,
Как турка взбунтовавшихся
Монахов в море гнал,
Как шли покорно иноки
И погибали сотнями...
Услышишь шепот ужаса,
Увидишь ряд испуганных,
Слезами полных глаз!
Пришла минута страшная —
И у самой хозяйюшки
Веретено пузатое
Скатилось с колен.
Кот Васька насторожился —
И прыг к веретену!
В другую пору то-то бы
Досталось Ваське шустрому,
А тут и не заметили,
Как он проворной лапкою
Веретено потрогивал,
Как прыгал на него,
И как оно каталось,
Пока не размоталась
Напряденная нить!

Кто видывал, как слушает
Своих захожих странников
Крестьянская семья,

Поймет, что ни работою,
Ни вечною заботою,
Ни игом рабства долгого,
Ни кабаком самим
Еще народу русскому
Пределы не поставлены:
Пред ним широкий путь.
Когда изменят пахарю
Поля старозапашные,
Клочки в лесных окраинах
Он пробует пахать.
Работы тут достаточно,
Зато полоски новые
Дают без удобрения
Обильный урожай.
Такая почва добрая —
Душа народа русского...
О сеятель! приди!..

Иона (он же Ляпушкин)
Сторонушку вахлацкую
Издавна навещал.
Не только не гнушались
Крестьяне божьим странником,
А спорили о том,
Кто первый приютит его?
Пока их спорам Ляпушкин
Конца не положил:
«Эй! бабы! выносите-ка
Иконы!» Бабы вынесли;
Пред каждою иконою
Иона падал ниц:

«Не спорьте! дело божие,
Котора взглянет ласковой,
За тою и пойду!»
И часто за беднейшею
Иконой шел Ионушка
В беднейшую избу.
И к той избе особое
Почтенье: бабы бегают
С узлами, сковородками
В ту избу. Чашей полною,
По милости Ионушки,
Становится она.

Негромко и нетóропко
Повел рассказ Ионушка
«О двух великих грешниках».
Усердно покрестясь.

О двух великих грешниках

Господу-богу помолимся,
Древнюю быль возвестим,
Мне в Соловках ее сказывал
Инок, отец Питирим.

Было двенадцать разбойников,
Был Кудеяр — атаман,
Много разбойники пролили
Крови честных христиан,

Много богатства награбили,
Жили в дремучем лесу,

Вождь Кудеяр из-под Киева
Вывез девицу-красу.

Днем с полюбовницей тешился,
Ночью набеги творил,
Вдруг у разбойника лютого
Совесьть господь пробудил.

Сон отлетел; опротивели
Пьянство, убийство, грабеж,
Тени убитых являются,
Целая рать — не сочтешь!

Долго боролся, противился
Господу зверь-человек,
Голову снес полюбовнице
И есаула засек.

Совесьть злодея осилила,
Шайку свою распустил,
Роздал на церкви имущество,
Нож под ракитой зарыл.

И прегрешенья отмаливать
К гробу господню идет,
Странствует, молится, кается,
Легче ему не стает.

Старцем, в одежде монашеской,
Грешник вернулся домой,
Жил под навесом старейшего
Дуба, в трущобе лесной.

Денно и ночью всевышнего
Молит: грехи отпусти!
Тело предай истязанию,
Дай только душу спасти!

Сжалился бог и к спасению
Схимнику путь указал:
Старцу в молитвенном бдении
Некий угодник предстал,

Рек: «Не без божьего промысла
Выбрал ты дуб вековой,
Тем же ножом, что разбойничал,
Срежь его, той же рукой!

Будет работа великая,
Будет награда за труд,
Только что рухнется дерево,
Цепи греха упадут».

Смерил отшельник страшилище.
Дуб — три обхвата кругом!
Стал на работу с молитвою,
Режет булатным ножом,

Режет упругое дерево,
Господу славу поет,
Годы идут — подвигается
Медленно дело вперед.

Что с великаном поделает
Хилый, больной человек?

Нужны тут силы железные,
Нужен не старческий век!

В сердце сомнение крадется,
Режет и слышит слова:
«Эй, старина, что ты делаешь?»
Перекрестился сперва,

Глянул — и пана Глуховского
Видит на борзом коне,
Пана богатого, знатного,
Первого в той стороне.

Много жестокого, страшного
Старец о пане слышал
И в поучение грешнику
Тайну свою рассказал.

Пан усмехнулся: «Спасения
Я уж не чаю давно,
В мире я чту только женщину,
Золото, честь и вино.

Жить надо, старче, по-моему:
Сколько холопов гублю,
Мучу, пытаю и вешаю,
А поглядел бы, как сплю!»

Чудо с отшельником сталося:
Бешеный гнев ощутил,
Бросился к пану Глуховскому,
Нож ему в сердце вонзил!

Только что пан окровавленный
Пал головой на седло,
Рухнуло древо громадное,
Эхо весь лес потрясло.

Рухнуло древо, скатилось
С инока бремя грехов!..
Господу-богу помолимся:
Милуй нас, темных рабов!

III. И СТАРОЕ И НОВОЕ

Иона кончил, крестится;
Народ молчит. Вдруг прасола
Сердитым криком прорвало:

«Эй вы, тетери сонные!
Па-ром, живей, па-ром!» —
«Парома не докличешься
До солнца! Перевозчики
И днем-то трусу празднуют —
Паром у них худой.
Пожди! Про Кудеяра-то...» —
«Паром! па-ром! пар-ром!»
Ушел, с телегой возится,
Корова к ней привязана —
Он пнул ее ногой;
В ней курочки курлыкают,
Сказал им: «Дуры! цыц!»
Теленок в ней мотается —
Досталось и теленочку
По звездочке на лбу.

Нажег коня саврасого
Кнутом — и к Волге двинулся.
Плыл месяц над дорогою,
Такая тень потешная
Бежала рядом с прасолом
По лунной полосе!
«Отдумал, стало, драться-то?
А спорить — видит — не о чем, —
Заметил Влас. — Ой, господи!
Велик дворянский грех!» —
«Велик, а все не быть ему
Против греха крестьянского», —
Опять Игнатий Прохоров
Не вытерпел — сказал.
Клим плюнул. «Эк приспичило!
Кто с чем, а нашей галочке
Родные галченяточки
Всего милей. . . ну, сказывай,
Что за великий грех?»

Крестьянский грех

Адмирал-вдовец по морям ходил,
По морям ходил, корабли водил,
Под Ачаковым бился с туркою,
Наносил ему поражение,
И дала ему государыня
Восемь тысяч душ в награждение.
В той ли вотчине припеваючи
Доживает век адмирал-вдовец,
И вручает он, умираючи,
Глебу-старосте золотой ларец.

«Гой ты, староста! Береги ларец!
Воля в нем моя сохраняется:
Из цепей-крепей на свободушку
Восемь тысяч душ отпускается!»

Адмирал-вдовец на столе лежит,
Дальний родственник хоронить катит..

Схоронил, забыл! Кличет старосту
И заводит с ним речь окольную;
Все повыведал, насулил ему
Горы золота, выдал вольную...

Глеб — он жаден был — соблазняется:
Завещание сожигается!

На десятки лет, до недавних дней
Восемь тысяч душ закрепил злодей,
С родом, с племенем; что народу-то!
Что народу-то! с камнем в воду-то!
Все прощает бог, а Иудин грех
Не прощается.

Ой, мужик! мужик! ты грешнее всех,
И за то тебе вечно маяться!

Суровый и рассерженный,
Грозовым, грозным голосом
Игнатий кончил речь.
Толпа вскочила на ноги,
Пронесся вздох, послышалось:
«Так вот он, грех крестьянина!»

И впрямь страшный грех!» —
«И впрямь: нам вечно маяться,
Ох-ох! . . .» — сказал сам староста,
Опять убитый, в лучшее
Не верующий Влас
И скоро поддававшийся
Как горю, так и радости.
«Великий грех! великий грех!» —
Тоскливо вторил Клим.

Площадка перед Волгою,
Луною освещенная,
Переменилась вдруг.
Пропали люди гордые,
С уверенной походкою,
Остались вахлаки,
Досыта не едавшие,
Несолоно хлебавшие,
Которых вместо барина
Драть будет волостной,
К которым голод стукнуться
Грозит: засуха долгая,
А тут еще — жучок!
Которым прасол-выжига
Урезать цену хвалится
На их добычу трудную,
Смолу, слезу вахлацкую,
Урежет, попрекнет:
«За что платить вам много-то?
У вас товар некупленный,
Из вас на солнце топится
Смола, как из сосны!»

Опять упали, бедные,
На дно бездонной пропасти,
Притихли, приубожились,
Легли на животы;
Лежали, думу думали
И вдруг запели. Медленно,
Как туча надвигается,
Текли слова тягучие.
Так песню отчеканили,
Что сразу наши странники
Упомнили ее:

Голодная

Стоит мужик —
Кольшется,
Идет мужик —
Не дышится!

С коры его
Распучило,
Тоска-беда
Измучила.

Темней лица
Стеклянного
Не видано
У пьяного.

Идет — пыхтит,
Идет — и спит,

Прибрел туда,
Где рожь шумит.

Как идол, стал
На полосу,
Стоит, поет
Без голосу:

«Дозрей, дозрей,
Рожь-матушка!
Я пахарь твой,
Панкратушка!

Ковригу съем
Гора горой,
Ватрушку съем
Со стол большой!

Все съем один,
Управлюсь сам.
Хоть мать, хоть сын
Проси — не дам!»

«Ой, батюшки, есть хочется!» —
Сказал упалым голосом
Один мужик; из пещура
Достал краюху — ест.
«Поют они без голосу,
А слушать — дрожь по волосу!» —
Сказал другой мужик.
И правда, что не голосом —

Нутром — свою «Голодную»
Пропели вахлаки,
Иной во время пения
Стал на ноги, показывал,
Как шел мужик расслабленный,
Как сон долил голодного,
Как ветер колыхал,
И были строги, медленны
Движенья. Спев «Голодную»,
Шатаясь, как разбитые,
Гуськом пошли к ведерочку
И выпили певцы.

«Дерзай!» — за ними слышится
Дьячково слово; сын его
Григорий, крестник старосты,
Подходит к землякам.
«Хошь водки?» — «Пил достаточно.
Что тут у вас случилось?
Как в воду вы опущены!..» —
«Мы?.. что ты?..» Насторóжились,
Влас положил на крестника
Широкую ладонь.

«Неволя к вам вернулася?
Погонят вас на барщину?
Луга у вас отобраны?» —
«Луга-то?.. Шутишь, брат!» —
«Так что ж переменялось?..
Закаркали «Голодную»,
Накликать голод хочется?» —
«Никак и впрямь ништо!» —

Клим как из пушки выпалил.
У многих зачесались
Затылки, шепот слышится:
«Никак и впрямь ништо!»

«Пей, вахлячки, погуливай!
Все ладно, все по-нашему,
Как было ждано-гадано,
Не вешай головы!» —
«По-нашему ли, Климушка?
А Глеб-то? ..»

Потолковано
Немало: в рот положено,
Что не они ответчики
За Глеба окаянного,
Всему виною: крепь!
«Змея родит змеенышей,
А крепь — грехи помещика,
Грех Якова несчастного,
Грех Глеба родила!
Нет крепя — нет помещика,
До петли доводящего
Усердного раба,
Нет крепя — нет дворового,
Самоубийством мстящего
Злодею своему,
Нет крепя — Глеба нового
Не будет на Руси!»

Всех пристальней, всех радостней
Прослушал Гришу Пров:

Ослабился, товарищам
Сказал победным голосом:
«Мотайте-ка на ус!» —
«Так, значит, и «Голодную»
Теперь навеки побоку?
Эй, други! Пой веселую!» —
Клим радостно кричал...
Пошло, толпой подхвачено,
О крепи слово верное
Трепаться: «Нет змеи —
Не будет и змеенышей!»
Клим Яковлев Игнатия
Опять ругнул: «Дурак же ты!» —
Чуть-чуть не подрались!
Дьячок рыдал над Гришею:
«Создаст же бог головушку!
Недаром порывается
В Москву, в новорситет!»
А Влас его поглаживал:
«Дай бог тебе и серебра,
И золотца, дай умную,
Здоровую жену!» —
«Не надо мне ни серебра,
Ни золота, а дай господь,
Чтоб землякам моим
И каждому крестьянину
Жилось вольготно-весело
На всей святой Руси!» —
Зардевшись, словно девушка,
Сказал из сердца самого
Григорий — и ушел.

Светает. Снаряжаются
Подводчики. — Эй, Влас Ильич!
Иди сюда, гляди, кто здесь! —
Сказал Игнатий Прохоров,
Взяв к бревнам приваленную
Дугу. Подходит Влас,
За ним бегом Клим Яковлев,
За Климом — наши странники
(Им дело до всего):
За бревнами, где нищие
Вповалку спали с вечера,
Лежал какой-то смученный,
Избитый человек;
На нем одёжа новая,
Да только вся изорвана,
На шее красный шелковый
Платок, рубаха красная,
Жилетка и часы.
Нагнулся Лавин к спящему,
Взглянул и с криком: «Бей его!» —
Пнул в зубы каблуком.
Вскочил детина, мутные
Протер глаза, а Влас его
Тем временем в скулу.
Как крыса прищемленная,
Детина пискнул жалобно —
И к лесу! Ноги длинные,
Бежит — земля дрожит!
Четыре парня бросились
В погоню за детиною,
Народ кричал им: «Бей его!» —

Пока в лесу не скрылися
И парни и беглец.

«Что за мужчина? — старосту
Допытывали странники. —
За что его тузят?» —
«Не знаем, так наказано
Нам из села из Тискова,
Что буде где покажется
Егорка Шутов — бить его!
И бьем. Подъедут тисковцы.
Расскажут». — «Удоволили?» —
Спросил старик вернувшихся
С погони молодцов.
«Догнали, удоволили!
Побег к Кузьмо-Демьянскому,
Там, видно, переправиться
За Волгу норовит». —
«Чудной народ! Бьют сонного,
За что, про что, не знаючи...» —
«Коли всем миром велено:
Бей! — стало, есть за что! —
Прикрикнул Влас на странников. —
Не ветрогоны тисковцы,
Давно ли там десятого
Пороли?.. Ой, Егор!..
Ай, служба — должность подлая!
Гнусь-человек! — Не бить его,
Так уж кого и бить?
Не нам одним наказано,
От Тискова по Волге-то
Тут деревень четырнадцать,

Чай, через все четырнадцать
Прогнали, как сквозь строй!»

Притихли наши странники.
Узнать-то им желательно,
В чем штука? да прогневался
И так уж дядя Влас.

Совсем светло. Позавтракать
Мужьям хозяйки вынесли:
Ватрушки с творогом,
Гусятина (прогнали тут
Гусей; три затомилися,
Мужик их нес подмышкою:
«Продай! помрут до городу!»
Купили ни за что).
Как пьет мужик, толковано
Немало, а не всякому
Известно, как он ест.
Жаднее на говядину,
Чем на вино, бросается;
Был тут непьющий каменщик,
Так опьянел с гусятины, —
На что твое вино!
Чу! слышен крик: «Кто едет-то!
Кто едет-то!» Наклюнулось
Еще подспорье шумному
Веселью вахлаков.
Воз с сеном приближается;
Высоко на возу

Сидит солдат Овсяников,
Верст на двадцать в окружности
Знакомый мужикам,
И рядом с ним Устиньюшка,
Сироточка-племянница,
Поддержка старика.
Райком кормился дедушка,
Москву да Кремль показывал,
Вдруг инструмент испортился,
А капиталу нет!
Три желтенькие ложечки
Купил — так не приходится
Заученные натвердо
Присловья к новой музыке,
Народа не смешат!
Хитер солдат! По времени
Слова придумал новые,
И ложки в ход пошли.
Обрадовались старому:
«Здорово, дедко! спрыгни-ка,
Да выпей с нами рюмочку,
Да в ложечки ударь!» —
«Забраться-то забрался я,
А как сойду, не ведаю:
Ведет!» — «Небось, до города
Опять за полной пенцией?
Да город-то сгорел!» —
«Сгорел? И поделом ему!
Сгорел? Так я до Питера!
Там все мои товарищи
Гуляют с полной пенцией,
Там — дело разберут!» —

«Чай, по чугушке тронешься?»
Служивый посвистал:
«Недолго послужила ты
Народу православному,
Чугунка бусурманская!
Была ты нам любя,
Как от Москвы до Питера
Возила за три рублика,
А коли семь-то рубликов
Платить, так черт с тобой!» —
«А ты ударь-ка в ложечки, —
Сказал солдату староста. —
Народу подгулявшего
Покуда тут достаточно, —
Авось, дела поправятся.
Орудуй живо, Клиим!»
(Влас Клиима недолюбивал,
А чуть делишко трудное,
Тотчас к нему: «Орудуй, Клиим!»
А Клиим тому и рад.)

Спустили с возу дедушку.
Солдат был хрупок на ноги,
Высок и тощ до крайности;
На нем сюртук с медалями
Висел как на шесте.
Нельзя сказать, чтоб доброе
Лицо имел, особенно
Когда сводило старого, —
Черт чертом! Рот ощерится,
Глаза — что угольки!

Солдат ударил в ложечки.
Что было вплоть до берегу
Народу — все сбегается.
Ударил — и запел:

Солдатская

Тошен свет,
Правды нет;
Жизнь тошна,
Боль сильна.

Пули немецкие,
Пули турецкие,
Пули французские,
Палочки русские!

Тошен свет,
Хлеба нет,
Крова нет,
Смерти нет.

Ну-тка, с реду-та-то с первого номеру,
Ну-тка, с Георгием — по́ миру, по́ миру!

У богатого,
У богатины,
Чуть не подняли
На рогатину.
Весь в гвоздях забор
Ощетинился,
А хозяин-вор
Оскотинился.

Нет у бедного
Гроша медного:

«Не взыщи, солдат!» —

«И не надо, брат!»

Тошен свет,

Хлеба нет,

Крова нет,

Смерти нет.

Только трех Матрен

Да Луку с Петром

Помяну добром.

У Луки с Петром

Табачку нюхнем,

А у трех Матрен

Провиант найдем.

У первой Матрены

Грузочки ядрены,

Матрена вторая

Несет каравая,

У третьей водицы попью из ковша:

Вода ключевая, а мера — душа!

Тошен свет,

Правды нет,

Жизнь тошна,

Боль сильна.

Служивого задергало.

Опершись на Устиньюшку,

Он поднял ногу левую

И стал ее раскачивать,

Как гирю на весу;

Проделал то же с правою,

Ругнулся: «Жизнь проклятая!» —

И вдруг на обе стал.

«Орудуй, Клим!» По-питерски
Клим дело оборудовал:
По блюдцу деревянному
Дал дяде и племяннице,
Поставил их рядком,
А сам вскочил на бревнышко
И громко крикнул: — Слушайте!
(Служивый не выдерживал
И часто в речь крестьянина
Вставлял словечко меткое
И в ложечки стучал.)

К л и м

Колода есть дубовая
У моего двора,
Лежит давно: измладости
Колю на ней дрова,
Так та не столь изранена,
Как господин служивенькой.
Взгляните: в чем душа!

С о л д а т

Пули немецкие,
Пули турецкие,
Пули французские,
Палочки русские.

К л и м

А пенциону полного
Не вышло, забракованы
Все раны старика;

Взглянул помощник лекаря,
Сказал: «Второразрядные!
По ним и пенцион».

С о л д а т

Полного выдать не велено:
Сердце насквозь не прострелено!

(Служивый всхлипнул; в ложечки
Хотел ударить — скорчило!
Не будь при нем Устиньюшки,
Упал бы старина.)

К л и м

Солдат опять с прошением.
Вершками раны смеряли
И оценили каждую
Чуть-чуть не в медный грош.
Так мерял пристав следственный
Побои на подравшихся
На рынке мужиках:
«Под правым глазом ссадина
Величиной с двугривенный,
В середине лба пробоина
В целковый. Итого:
На рубль пятнадцать с деньгою
Побоев...» Приравняем ли
К побоищу базарному
Войну под Севастополем,
Где лил солдатик кровь?

С о л д а т

Только горами не двигали,
А на редуты как прыгали!
Зайцами, белками, дикими кошками, —
Там и простился я с ножками,
С адского грохоту, свисту оглох,
С русского голоду чуть не подох!

К л и м

Ему бы в Питер надобно
До комитета раненых, —
Пеш до Москвы дотянется,
А дальше как? Чугунка-то
Кусаться начала!

С о л д а т

Важная барыня! гордая барыня!
Ходит, змеєю шипит:
«Пусто вам! пусто вам! пусто вам!» —
Русской деревне кричит;
В рожу крестьянину фыркает,
Давит, увечит, кувыркает,
Скоро весь русский народ
Чище метлы подметет.

Солдат слегка притопывал,
И слышалось, как стукалась
Сухая кость о кость,
А Клим молчал: уж двинулся
К служивому народ.
Все дали: по копеечке,

По грошу, на тарелочках
Рублишко набрался...

**IV. ДОБРОЕ ВРЕМЯ—
ДОБРЫЕ ПЕСНИ**

В замену спичей с песнями,
В подспорье речи с дракою,
Пир только к утру кончился,
Великий пир!.. Расходится
Народ. Уснув, остались
Под ивой наши странники,
И тут же спал Ионушка,
Смиранный богомол.
Качаясь, Савва с Гришею
Вели домой родителя
И пели; в чистом воздухе
Над Волгой, как набатные,
Согласные и сильные
Гремели голоса:

Доля народа,
Счастье его,
Свет и свобода
Прежде всего!

Мы же немного
Просим у бога:
Честное дело
Делать умело
Силы нам дай!

Жизнь трудовая —
Другу прямая
К сердцу дорога;
Прочь от порога,
Трус и лентяй!
То ли не рай?

Доля народа,
Счастье его,
Свет и свобода
Прежде всего!

Беднее захудалого
Последнего крестьянина
Жил Трифон. Две коморочки:
Одна с дымящей печкою,
Другая, в сажень — летняя,
И вся тут недолга;
Коровы нет, лошадки нет,
Была собака Зудушка,
Был кот — и те ушли.

Спать уложив родителя,
Взялся за книгу Саввушка,
А Грише не сиделось,
Ушел в поля, в луга.

У Гриши — кость широкая,
Но сильно исхудалое
Лицо — их недокармливал
Хапуга-эконом.

Григорий в семинарии
В час ночи просыпается
И уж потом до солнышка
Не спит — ждет жадно ситника,
Который выдавался им
Со сбитнем по утрам.
Как ни бедна вахлячина,
Они в ней отъедались, —
Спасибо Власу-крестному
И прочим мужикам!
Платили им молодчики,
По мере сил, работою,
По их делишкам хлопоты
Справляли в городу.

Дьячок хвалился детками,
А чем они питаются —
И думать позабыл.
Он сам был вечно голоден,
Весь тратился на поиски
Где выпить, где поесть.
И был он нрава легкого,
А будь иного, вряд ли бы
И дожил до седин.
Его хозяйка Домнушка
Была куда заботлива,
Зато и долговечности
Бог не дал ей. Покойница
Всю жизнь о соли думала:
Нет хлеба — у кого-нибудь
Попросит, а за соль
Дать надо деньги чистые,

А их по всей вахлачине,
Сгоняемой на барщину,
Не густо! Благо — хлебушком
Вахлак делился с Домною.
Давно в земле истлели бы
Ее родные деточки,
Не будь рука вахлацкая
Щедра чем бог послал.

Батрачка безответная
На каждого, кто чем-нибудь
Помог ей в черный день,
Всю жизнь о соли думала,
О соли пела Домнушка,
Стирала ли, косила ли,
Баюкала ли Гришеньку,
Любимого сынка.
Как сжалось сердце мальчика,
Когда крестьянки вспомнили
И спели песню Домнину
(Прозвал ее «Соленою»
Находчивый вахлак).

Соленая

Никто, как бог!
Не ест, не пьет
Меньшой сынок,
Гляди — умрет!

Дала кусок,
Дала другой —

Не ест, кричит:
«Посыпь сольцой!»

А соли нет,
Хоть бы щепоть!
«Посыпь мукой», —
Шепнул господь.

Раз-два куснул,
Скривил роток.
«Соли еще!» —
Кричит сынок.

Опять мукой...
А на кусок
Слезла рекой!
Поел сынок!

Хвалилась мать —
Сынка спасла...
Знать, солона
Слезла была!..

Запомнил Гриша песенку
И голосом молитвенным
Тихонько в семинарии,
Где было темно, холодно,
Угрюмо, строго, голодно,
Певал — тужил о матушке
И обо всей вахлячине,
Кормилице своей.
И скоро в сердце мальчика

С любовью к бедной матери
Любовь ко всей вахлячине
Слилась — и лет пятнадцати
Григорий твердо знал уже,
Что будет жить для счастья
Убогого и темного
Родного уголка.

Довольно демон ярости.
Летал с мечом карающим
Над русской землей.
Довольно рабство тяжкое
Одни пути лукавые
Открытыми, влекущими
Держало на Руси!
Над Русью оживающей
Иная песня слышится:
То ангел милосердия,
Незримо пролетающий
Над нею, души сильные
Зовет на честный путь.

Средь мира дольного
Для сердца вольного
Есть два пути.

Взвесь силу гордую,
Взвесь волю твердую —
Каким идти?

Одна просторная
Дорога — торная,
Страстей раба,

По ней громадная,
К соблазну жадная
Идет толпа,

О жизни искренней,
О цели выпренной
Там мысль смешна.

Кипит там вечная,
Бесчеловечная
Вражда-война

За блага бранные...
Там души пленные
Полны греха.

На вид блестящая,
Там жизнь мертвящая
К добру глуха.

* * *

Другая — тесная
Дорога, честная,
По ней идут

Лишь души сильные,
Любвеобильные,
На бой, на труд

За обойденного,
За угнетенного —
Стань в их ряды.

Иди к униженным,
Иди к обиженным
Там нужен ты.

И ангел милосердия
Недаром песнь призывную
Поет над русским юношей —
Немало Русь уж выслала
Сынов своих, отмеченных
Печатью дара божьего,
На честные пути,
Немало их оплакала
(Пока звездой падучею
Прносятся они!).
Как ни темна вахлячина,
Как ни забита барщиной
И рабством — и она,
Благословясь, поставила
В Григорье Добросклонове
Такого посланца.
Ему судьба готовила
Путь славный, имя громкое
Народного заступника,
Чахотку и Сибирь.

Светило солнце ласково,
Дышало утро раннее
Прохладой, ароматами
Косимых всюду трав...

Григорий шел задумчиво
Сперва большой дорогою
(Старинная: с высокими
Курчавыми березами,
Прямая как стрела).
Ему то было весело,
То грустно. Возбужденная
Вахлацкою пирушкою,
В нем сильно мысль работала
И в песне излилась:

«В минуты унынья, о родина-мать!
Я мыслью вперед улетаю.
Еще суждено тебе много страдать,
Но ты не погибнешь, я знаю.

Был гуще невежества мрак над тобой,
Удушливый сон непробудный,
Была ты глубоко несчастной страной,
Подавленной, рабски-бессудной.

Давно ли народ твой игрушкой служил
Позорным страстям господина?
Погомок татар, как коня, выводил
На рынок раба-славянина,

И русскую деву влекли на позор,
Свиристествовал бич без боязни,
И ужас народа при слове «набор»
Подобен был ужасу казни?

Довольно! Окончен с прошедшим расчет,
Окончен расчет с господином!
Сбирается с силами русский народ
И учится быть гражданином,

И ношу твою облегчила судьба,
Сопутница дней славянина!
Еще ты в семействе покуда — раба,
Но мать уже вольного сына!»

Сманила Гришу узкая,
Извилистая тропочка,
Через хлеба бегущая,
В широкий луг покошенный
Спустился он по ней.
В лугу траву сушившие
Крестьянки Гришу встретили
Его любимой песнею.
Взгрустнулось крепко юноше
По матери-страдалице,
А пуще злость брала.
Он в лес ушел. Аукаясь,
В лесу, как перепелочки
Во ржи, бродили малые
Ребята (а постарше-то
Ворочали сенцо).
Он с ними кузов рыжиков
Набрал. Уж жжется солнышко;
Ушел к реке. Купается, —
Три дня тому сгоревшего

Обугленного города
Картина перед ним:
Ни дома уцелевшего,
Одна тюрьма спасенная,
Недавно побеленная,
Как белая коровушка
На выгоне, стоит.
Начальство там попряталось,
А жители под берегом,
Как войско, стали лагерем.
Все спит еще, немногие
Проснулись: два подьячие.
Придерживая полочки
Халатов, пробираются
Между шкафами, стульями.
Узлами, экипажами
К палатке-кабаку.
Туда ж портняга скорченный
Аршин, утюг и ножницы
Несет — как лист дрожит.
Восстав от сна с молитвою.
Причесывает голову
И держит на отлет,
Как девка, косу длинную.
Высокий и осанистый
Протоерей Стефан.
По сонной Волге медленно
Плоты с дровами тянутся,
Стоят под правым берегом
Три барки нагруженные:
Вчера бурлаки с песнями
Сюда их привели.

А вот и он — измученный
Бурлак! походкой праздничной
Идет, рубаха чистая,
В кармане медь звенит.
Григорий шел, поглядывал
На бурлака довольного,
А с губ слова срывались
То шепотом, то громкие.
Григорий думал вслух:

Бурлак

«Плечами, грудью и спиной
Тянул он барку бечевой,
Полдневный зной его палил,
И пот с него ручьями лил.
И падал он и вновь вставал,
Хрипя, «дубинушку» стонал;
До места барку дотянул
И богатырским сном уснул
И; в бане смыв поутру пот,
Беспечно пристанью идет.
Зашиты в пояс три рубля.
Остатком — медью — шевели,
Подумал миг, зашел в кабак
И молча кинул на верстак
Трудом добытые гроши
И, выпив, крикнул от души,
Перекрестил на церковь грудь:
Пора и в путь! пора и в путь!
Он бодро шел, жевал калач,
В подарок нес жене кумач,

Сестре платок, а для детей
В сусальном золоте коней.
Он шел домой — неблизкий путь,
Дай бог дойти и отдохнуть!»

С бурлака мысли Гришины
Ко всей Руси загадочной,
К народу перешли.
И долго Гриша берегом
Бродил, волнуясь, думая,
Покуда песней новою
Не утолил натруженной,
Горящей головы.

Русь

Ты и убогая,
Ты и обильная,
Ты и могучая,
Ты и бессильная,
Матушка-Русь!

В рабстве спасенное
Сердце свободное —
Золото, золото
Сердце народное!

Сила народная,
Сила могучая —
Совесь спокойная,
Правда живучая!

Сила с неправдою
Не уживается,
Жертва неправдою
Не вызывается —

Русь не шелохнется,
Русь — как убитая!
А загорелась в ней
Искра сокрытая —

Встали — небужены,
Вышли — непрошены,
Жита по зернышку
Горы nanoшены!

Рать подымается —
Неисчислимая!
Сила в ней скажется
Несокрушимая!

Ты и убогая,
Ты и обильная,
Ты и забитая,
Ты и всесильная,
Матушка-Русь!..

▼

«Удалась мне песенка! — молвил Гриша, прыгая. —
Горячо сказалася правда в ней великая!
Завтра же спою ее вахлячкам — не всё же им
Песни петь унылые... Помогай, о боже, им!

Как с игры да с беганья щеки разгораются,
Так с хорошей песенки духом поднимаются
Бедные, забытые...» Прочитав торжественно
Брату песню новую (брат сказал: «Божественно!»),
Гриша спать попробовал. Спалось не спалось,
Краше прежней песенка в полусне слагалась;
Быть бы нашим странникам под родною крышею,
Если б знать могли они, что творилось с Гришею.
Слышал он в груди своей силы необъятные,
Услаждали слух его звуки благодатные,
Звуки лучезарные гимна благородного —
Пел он воплощение счастья народного!..

1863—1877

ПРИМЕЧАНИЯ

КОМУ НА РУСИ ЖИТЬ ХОРОШО

В поэме, начатой уже после реформы 1861 года, Некрасов хотел показать народную жизнь в новых общественных условиях, складывавшихся в пореформенную эпоху. Осуществить весь замысел ему не удалось, хотя работа над поэмой шла до самой смерти поэта.

Замысел поэмы, видимо, менялся в ходе работы. По первоначальному плану семеро мужиков должны были повстречаться с чиновником (исправником), приехавшим на следствие по поводу сибирской язвы, с купцом и, наконец, близ Петербурга — с царем и министром. Неясно, была ли бы поэма осуществлена Некрасовым в таком виде, поскольку в ней появился новый образ — Гриши Добросклонова, образ, который, несомненно, занял бы в поэме центральное место. Образом «народного заступника», т. е. революционер-демократа Некрасов разрешал вопрос-загадку, поставленную в названии его поэмы. Возможно, что дальнейшие поиски ответа уже оказались бы для «странников» излишними.

Поэма написана стихотворным размером, который Некрасов впервые применил в стихотворе-

нии «Зеленый Шум» (1861). В содержании и стиле поэмы со всей полнотой сказалось замечательное знание Некрасовым народной речи и народно-поэтического творчества — песен, пословиц, поговорок. При этом Некрасов воспользовался и многочисленными сборниками сказок, былин и песен, вышедшими в 1860—1870 годах.

Существенно важный материал для художественного воспроизведения народной жизни средствами народно-поэтического творчества нашел Некрасов в книге Е. Барсова «Причитания Северного края» (1872), где впервые были напечатаны причитания и плачи замечательного народного поэта Ирины Федосовой. Для «Крестьянки» Некрасов воспользовался также и автобиографией И. Федосовой, записанной Е. Барсовым и приложенной к сборнику причитаний.

Место действия поэмы приурочено Некрасовым к хорошо ему знакомым местам — смежным волостям б. Ярославской и Костромской губерний. Деревня Клин (или Клины) находилась в Даниловском уезде б. Ярославской губернии; от деревни Клин до Костромы около 30 км, так что Матрена Тимофеевна могла за ночь пройти этот путь и по зимней дороге. Савелий — богатырь святорусский — после убийства Фогеля попадает в острог в г. Буге б. Костромской губернии, и т. д.

Поэма в целом представляет собой художественный итог наблюдений и изучения народной жизни, которыми Некрасов занимался всю жизнь.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Пролог. *Семь временно обязанных.* — После опубликования манифеста об освобождении крестьян в 1861 году крестьяне обязаны были работать на помещиков еще два года и назывались уже временно обязанными.

Глава I. Поп. *Да строит вас не лишняя копейка, а кровная беда* — в деревнях, вновь построенных после пожара. *Как достается грамота поповскому сынку* — имеются в виду жестокие нравы и схоластическое обучение в духовных училищах (бурсах). *Какой ценой поповичем священство покупается.* — До 1917 года одним из способов получения свободного священнического места была женитьба на дочери умершего священника. *Потом статья... раскольники.* — До 1864 года раскольники подвергались преследованиям со стороны правительственных чиновников и давали взятки православному духовенству, чтобы оно сообщало о выполнении ими обрядов государственной церкви. *Воздухи* — покрывало для чаши в православных церквах. *Треба* — богослужебный обряд, совершаемый по просьбе одного или нескольких верующих.

Глава II. Сельская ярмонка. *На Ни-колу вешнего* — 22 мая (9 мая по ст. стилю). *Шлык* — шапка. *Штофные лавочки* — ларьки, торгующие водкой. *Ренковский погреб* — подвальный магазин виноградных (рейнских) вин. *Плис* —

хлопчатобумажная ворсистая ткань. *Подол на обр-ручах* — юбка на стальном каркасе, кринолин. *Петров день* — 12 июля (29 июня по ст. стилю). *Косуля* — соха. *Изделье кимряков* — кустарная обувь, изготовленная в с. Кимры б. Тверской губ. *Офени* — странствующие торговцы мануфактурой, галантереей, книгами и картинами. *С Лубянки первый вор*. — На Лубянке в Москве производилась тогда оптовая торговля дешевой книгой для народа. *Блюхер* (1742—1819) — генерал, командовавший войсками союзников в сражении с Наполеоном под Ватерлоо. *Фотий* (1792—1838) — церковно-политический деятель, реакционер и обскурант. *Сипко* — судился в 1860 году за изготовление фальшивых денег. *Шут Балакирев*. — Собрание анекдотов и острот, приписанное И. А. Балакиреву, придворному шуту Анны Иоанновны, было впервые издано в 1830 году, многократно переиздавалось и стало ходовой народной книжкой. «*Английский милорд*». — «Повесть о приключениях английского милорда Георга и о бранденбургской маркграфине Фредерике Луизе», первое издание вышло в 1782 году. Это сочинение Матвея Комарова стало очень распространенной в народе книгой. *Хожалый* — рассыльный служитель при полиции. *Полпиво* — легкое вино, брага.

Глава III. Пьяная ночь. *Этапное здание* — место ночлега арестантов, следующих под конвоем в Сибирь. *Сотский* — выборный полицейский надзиратель из крестьян. *Становой* — становой пристав, начальник полицейского участ-

ка — стана. *Четвертый, злей татарина* — пожар. *Зажорина* — подснежная вода в яме. *Плетюха* — высокая плетеная корзина для травы или сена.

Глава IV. Счастливые. *Вертоград* — сад. *Косушечка* — полбутылки. *На машину сел* — на поезд. *Пеун* — петух. *Трюфель* — подземный гриб. *Кострика* — стебли льна или конопли. *Губонин П. И.* — железнодорожный делец. *Пенное* — крепкое очищенное хлебное вино. *Палата* — казенная палата, губернский орган министерства финансов, произволил всякого рода торги на сдачу в аренду. *Лобанчик* — золотая монета; первоначально так назывались французские золотые монеты с изображением головы. *Гривна медная* — десятикопечная медная монета, чеканилась до 1839 года. *Трешник* — копейка серебром, равная трем копейкам на ассигнации. *Семишник* — две копейки серебром. *Кутейник* — ироническое прозвище лиц духовного сословия. *Денник* — хлев. *Колодка* — деревянные кандалы. *Преосвященный* — епископ, архиерей. *Как бунтовалась вотчина* — очевидно, имеется в виду один из крестьянских бунтов 1861 года, связанных с тем, что крестьяне не хотели принимать уставных грамот, лишавших их значительной доли земли.

Глава V. Помещик. *Присадистый* — приземистый и плотный. *Отъезжие поля* — псовая охота далеко от жилья, когда ночуют в поле. *Напуск* — свора гончих собак. *Двунадесятые*

праздники — двенадцать главных праздников православной церкви. *Акцизные чиновники* — чиновники, ведавшие налогами на предметы потребления. *Поляки пересыльные* — участники восстания в Польше в 1863 году, отправлявшиеся на поселение в центральную и северную Россию. *Посредники* — мировые посредники из дворян, назначенные для проведения крестьянской реформы и для составления так называемых уставных грамот, определявших отношения между помещиком и освобожденными от крепостной зависимости крестьянами. *Команда* — здесь воинская часть, отправленная на усмирение взбунтовавшихся крестьян. *Дормез* — дорожная карета, в которой можно было расположиться для сна.

Крестьянка (Из третьей части). *В день Симеона* — 14 сентября (1 сентября по ст. стилю). *Наян* — нахал. *Питерщик* — крестьянин, работавший в Петербурге, на отхожем промысле. *Гарнитур* — здесь *гродетур*, шелковая ткань. *Екатеринин день* — 7 декабря (24 ноября по ст. стилю). *Благовещение* — 7 апреля (25 марта по ст. стилю). *Казанская* — 21 июля (8 июля по ст. стилю). *По сказкам сто годов* — по ревизским сказкам, т. е. по переписям помещичьих крестьян. *Досюльный* — прежний. *Рогатина* — охотничье оружие в виде копья для охоты на медведя. *Травник* — водка, настоенная на травах. *Под Варною убит* — во время войны с турками в 1773 году. *Новина* — цельный сотканый холст. *Колотырки* — перекупщики. *Памятник* — памятник Ива-

ну Сусанину в г. Костроме. *Шандал* — подсвечник. *Гроб Иисусов* — по христианским преданиям, Христос похоронен в Иерусалиме.

Последыш (Из второй части). *Петровки* — пост перед Петровым днем — 12 июля (29 июня по ст. стилю). *Шапка белая, высокая, с околышем из красного сукна* — дворянская фуражка. *Установили грамоту* — уставная грамота определяла отношения между помещиком и освобожденными крестьянами. *Положение* — «Общее положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости», изданное 5 марта 1861 года. *Фалетур*, правильно фореитор — при запряжке лошадей цугом кучер, сидящий верхом на одной из передних лошадей. *Хазовый* — казовый, показной. *Господский срок* — до 1863 года, когда кончались «временные» обязанности крестьян к помещикам. *Курьерская подорожная* — документ, по которому курьеры могли получать на почтовых станциях лошадей вне очереди.

Пир — на весь мир (Из второй части). *Боткин С. П.* (1832—1889) — знаменитый профессор-терапевт, лечивший Некрасова. *Земский суд* — уездный суд до 1860 года. *Постой* — стоянка военных или чиновников у крестьян в порядке повинности, бесплатно. *Долгушка* — повозка на длинном ходу. *Чугунка* — железнодорожный поезд. *Прасол* — скупщик мяса и рыбы. *Слезки богородицы* — так называли монахи Афонского монастыря (в Греции) круглые семена огородного

*

растения, которые употреблялись для четок. *Ложкой собственной, с рукой благословляющей* — ложка, на черенке которой вырезаны пальцы, сложенные для крестного знамения. *Быль афонская* — восстание афонских монахов, жестоко подавленное турками в 1821 году. *Соловки* — старинный монастырь на Соловецких островах. *Под Ачаковым*. — Русский флот участвовал в боях под Очаковым в 1788 году. *Волостной* — волостной старшина. *Пещур* — плетеная корзина. *Раек* — ящик с передвижными картинами, которые показывали через увеличительное стекло. *А коли семь-то рубликов платить*. — Плата за проезд по железным дорогам была повышена в 1868 году.

ОСНОВНЫЕ ИЗДАНИЯ СТИХОТВОРЕНИЙ Н. А. НЕКРАСОВА

Н. А. Некрасов. Полное собрание сочинений и писем. Под общей редакцией В. Е. Евгеньева-Максимова и К. И. Чуковского. М., 1948—1949, т. I—III (Стихотворения).

Н. Некрасов. Стихотворения. Библиотека поэта. Малая серия. Второе издание. Л., 1950, т. I—III. Вступительная статья и подготовка текста В. Евгеньева-Максимова. Примечания Т. Бесединой и М. Гина.

Н. А. Некрасов. Сочинения. Библиотека «Огонек». М., 1954, т. I—III. Редакция, примечания и вступительная статья Корнея Чуковского.

ОГЛАВЛЕНИЕ 1

КОМУ НА РУСИ ЖИТЬ ХОРОШО

Часть первая	317
Пролог	7 319
Глава I. Поп	21 319
Глава II. Сельская ярмонка	36 319
Глава III. Пьяная ночь	50 320
Глава IV. Счастливые	66 321
Глава V. Помещик	92 321
Крестьянка (из третьей части)	322
Пролог	112
Глава I. До замужства	126
Глава II. Песни	134
Глава III. Савелий, богатырь свято- русский	142
Глава IV. Дёмушка	157
Глава V. Волчица	170
Глава VI. Трудный год	181
Глава VII. Губернаторша	189
Глава VIII. Бабья притча	200
Последыш (из второй части)	205 323

¹ Первая цифра обозначает страницу текста, а вторая (курсивом) — страницу примечания.

П и р — на весь мир (из второй части) 329

Вступление 251

I. Горькое время — горькие песни 257

Веселая 257

Барщинная 259

Про холопа примерного — Якова
верного 262

II. Странники и богомольцы 270

О двух великих грешниках 277

III. И старое и новое 281

Крестьянский грех 282

Голодная 285

Солдатская 295

IV. Доброе время — добрые песни 300

Соленая 303

Бурлак 311

Русь 312

V. «Удалась мне песенка! — молвил
Гриша, прыгая» 313

П Р И М Е Ч А Н И Я 315

Основные издания стихотворений Н. А. Некрасова 325

Редакционная коллегия:

*В. Г. Базанов, А. Г. Дементьев, В. П. Друзин,
В. Н. Орлов, А. А. Прокофьев, В. М. Саянов,
А. К. Тарасенков, А. Т. Твардовский,
Н. С. Тихонов, С. П. Щипачев*

Некрасов Николай Алексеевич

СТИХОТВОРЕНИЯ, т. 3

Редактор Г. П. Макогоненко

Художник *Л. С. Хижинский*. Худож. редактор *И. С. Серов*
Техн. редактор *В. Г. Комм*. Корректор *Л. Д. Саксаганская*

Сдано в набор 13/IV 1956 г. Подписано в печать 9/VII
1956 г. М 34519. Бумага 84 × 108/64. Печ. л. 10,31(8,45).
Уч.-изд. л. 13,48. Тираж 50 000. Зак. № 345. Цена 5 р. 05 к.

Ленинградское отделение издательства

«Советский писатель»

Ленинград, Невский пр., д. № 28

Типография № 3 Управления культуры Ленгорисполкома
Ленинград, Красная ул., д. № 1/3.

